Вестник Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(28)

Издательство РАУ

N 1/2018

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՍԵՐԻԱ՝
ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(28)
ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 1/2018

Российско-Армянский университет

Печатается по решению Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(28)

Издательство РАУ

N 1/2018

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский университет, 2018г.

ISSN 1829-0450

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Экономика

Юриспруденция

Политология

ЭКОНОМИКА

ДИНАМИКА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ АРМЕНИИ В ПОСТКРИЗИСНЫЕ 2016–2017гг.

А.Г. Аветисян

Российско-Армянский университет
avetisian.ani@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Валютный кризис 2014–2015гг., начавшийся в России, также оказал влияние на экономику Армении. Снижение курса национальной валюты привело к пересмотру политики монетарного регулирования, что сопровождалось дефляционными тенденциями в экономике. В данной статье рассмотрены меры, принятые Центральным банком по достижению своей основной цели – стабильности цен, а также представлен анализ показателей денежно-кредитной системы Армении в посткризисный период (2016–2017гг).

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, Центральный банк, дефляция, валютный курс.

Для стран евразийского интеграционного блока 2016–2017гг. стали периодом восстановления после валютного кризиса 2014–2015гг. [1, 2]. Девальвация национальных валют повлекла за собой ряд негативных социально-экономических последствий, устранение которых стало приоритетом монетарных властей. Период валютного кризиса и его последствий в Армении и других странах ЕАЭС превратился в кризис доверия к национальной валюте. В итоге возрос спрос на доллар США в качестве средства накопления и снизился спрос на доллар как заемное средство. Очевидно, что если существует риск подорожания иностранной валюты, то спрос на кредиты, выраженные в долларах, будет низок даже в условиях низких по сравнению с драмовыми кредитами процентных ставок. Соответственно, по состоянию на январь 2017г. по отношению к январю 2016г. объем долларовых займов снизился, хотя и продолжал занимать преобладающую долю в общей структуре кредитов. Так, в 2016г. кредиты в иностранной валюте составляли 1 403 802 млн. драмов, в 2017г. – 1 515 375. Для кредитов в драмах РА эта сумма составила: в 2016г. – 713 665 млн. драмов, в 2017г. – 889 575 млн. драмов. Это означает, что существенного увеличения кредитов не произошло, а значит:

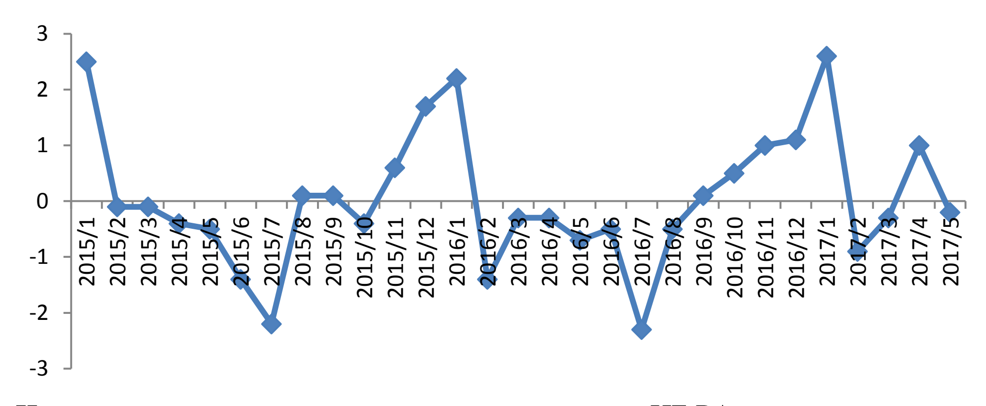
не было и соответствующего мультипликативного эффекта расширения денежной массы в стране.

Во втором квартале 2017г. Центральный банк РА опубликовал отчет о деятельности за 2016г. [3], согласно которому политика Центрального банка в отчетном году, как и прежде, была направлена на обеспечение стабильного уровня цен. При этом прошедший год ознаменовался дефляционными тенденциями, среди причин которых в отчете указаны следующие [3. С. 21]:

- снижение цен на мировых рынках в 2015–2016гг.;
- рост объемов продукции сельского хозяйства;
- сокращение внутреннего спроса вследствие снижения объемов частных иностранных трансфертов;
- снижение цен на газ с июля 2016г.

Официальные данные Центрального банка свидетельствуют о том, что на протяжении всего 2016г. индекс потребительских цен составлял отрицательную величину. Та же тенденция наблюдается и в первом квартале 2017г., но с заметной тенденцией в сторону снижения темпов дефляции (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Динамика ИПЦ, %, месяц к предыдущему месяцу.

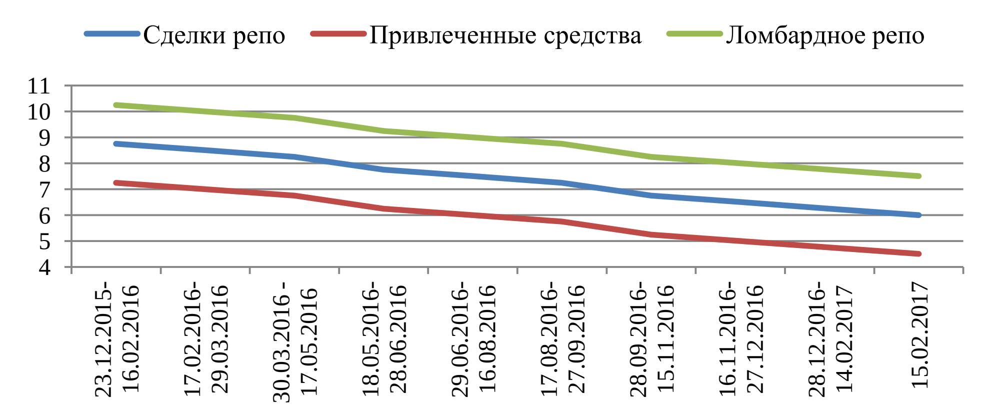

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Снижение уровня цен на товары, входящие в потребительскую корзину, безусловно, является положительным явлением с точки зрения благосостояния населения: с падением цен при неизменном уровне доходов потребитель может купить большее количество товаров и услуг. Однако с точки зрения экономики продолжительная дефляция является негативным явлением, поскольку тенденция к снижению цен на продукцию лишает производителей стимула к расширению производства. В связи с этим, в ответ на

дефляционные тенденции, разворачивающиеся в экономике, ЦБ РА принял меры по стимулированию расширения денежной массы, понизив процентные ставки основных инструментов монетарной политики (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Процентные ставки по основным инструментам монетарной политики ЦБ РА.

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Последнее снижение ставок произошло в феврале 2017г., и по состоянию на конец первого полугодия их величина остается неизменной. Как правило, снижение ставок является сигналом коммерческим банкам к облегчению условий кредитования и, соответственно, росту объемов выданных ссуд за счет удешевления цены денег. Однако данные Центрального банка отражают картину, не соответствующую ожидаемым итогам политики дешевых денег. Так, в 2017г. по отношению к 2016г. наблюдается существенное снижение процентных ставок по краткосрочным депозитам в национальной валюте, и незначительное – по вкладам сроком более 1 года. В то же время значительно обесценились долгосрочные вклады в иностранной валюте, тогда как процентная ставка по краткосрочным вложениям снизилась незначительно. В конечном итоге, с точки зрения увеличения денежной массы в экономике ключевым является изменение цены заемного капитала, и здесь, как показывает статистика, произошло удешевление кредитных ресурсов, выраженных в национальной валюте, на 2–3% для долгосрочных займов, и на 5–6% для кредитов сроком до 1 года (см. Табл. 1). Таким образом, коммерческие банки восприняли сигнал регулятора и отреагировали надлежащим ситуации образом.

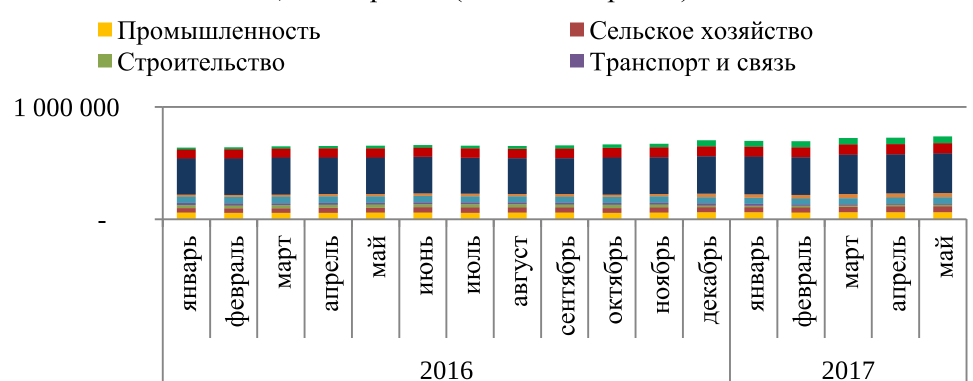
Таблица 1. Динамика процентных ставок коммерческих банков РА по вкладам и кредитам.

		Средняя процентная ставка по вкладам сроком менее 1 года		Процентная ставка по вкладам сроком более 1 года		Средняя процентная ставка по кредитам сроком менее 1 года		Процентная ставка по кредитам сроком более 1 года	
		AMD	USD	AMD	USD	AMD	USD	AMD	USD
2016	Январь	13,4	6,2	14,6	7,2	17,0	10,0	18,7	11,4
	Февраль	11,4	5,9	14,1	7,5	19,2	8,2	18,8	9,0
	Март	11,4	5,9	14,2	7,2	19,1	8,0	18,2	10,9
	Апрель	10,8	5,3	13,7	7,7	17,9	9,4	17,6	10,6
	Май	12,2	5,3	13,2	6,5	18,1	9,2	18,1	10,7
	Июнь	12,8	5,2	14,4	6,5	16,7	9,1	16,8	10,7
	Июль	12,4	4,7	13,3	6,8	17,5	9,2	17,6	10,9
	Август	12,0	4,8	13,3	6,7	17,4	9,5	17,8	10,6
	Сентябрь	11,8	5,4	12,9	7,0	17,2	9,7	17,3	11,0
	Октябрь	10,7	5,1	12,7	6,3	17,6	8,9	13,9	10,6
	Ноябрь	10,6	5,3	12,7	6,2	15,0	9,2	16,6	10,5
	Декабрь	9,9	5,0	12,4	6,1	15,5	8,1	16,0	9,8
2017	Январь	9,0	4,2	12,4	5,8	17,2	7,7	16,5	10,7
	Февраль	9,3	4,4	12,6	5,5	16,3	8,7	16,8	10,4
	Март	9,2	4,6	12,0	5,8	16,8	8,6	16,1	10,3
	Апрель	10,1	4,1	12,3	5,6	15,2	7,5	16,7	9,4
	Май	8,9	3,8	11,4	5,3	15,2	9,6	16,4	10,1
	Июнь	9,1	3,8	11,7	5,5	12,6	8,6	15,5	9,6

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Тем не менее, залогом успеха реализации монетарной политики является эффективно действующий трансмиссионнный механизм. Экономические агенты не среагировали в значительной степени на сигнал, переданный Центральным банком рынку через банковскую систему. Данные Центрального банка свидетельствуют о том, что существенных изменений в объемах выданных заемных средств не произошло (см. Рис. 3).

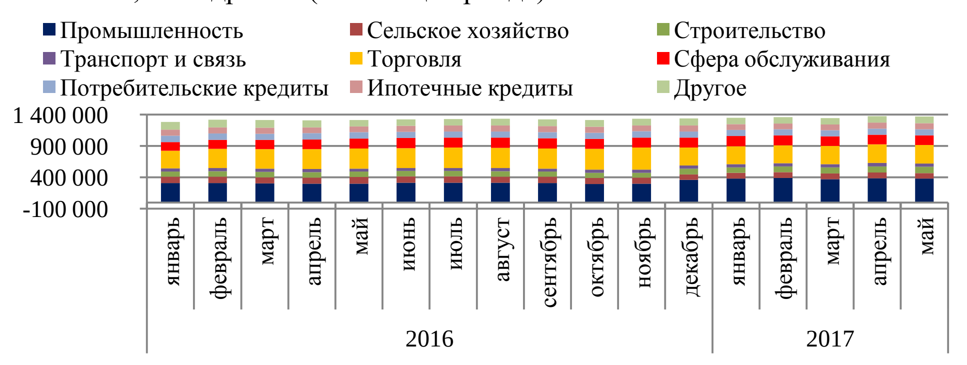
Рисунок 3. Объем выданных коммерческими банками кредитов в национальной валюте, млн. драмов (на конец периода).

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Что касается займов в иностранной валюте, то здесь, несмотря на некоторое снижение процентных ставок, наблюдался незначительный прирост, что вполне ожидаемо на фоне возросшей рисковости кредитов, выраженных в долларах США (см. Рис. 4).

Рисунок 4. Объем выданных коммерческими банками кредитов в иностранной валюте, млн. драмов (на конец периода).

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Вместе с тем, начало года ознаменовалось некоторыми позитивными по сравнению с тем же периодом предыдущего года сдвигами в объеме и структуре вкладов населения. Незначительное, но все же увеличение объемов депозитов в целом и доли драмовых вкладов свидетельствует о восста-

новлении доверия к национальной валюте и росту спроса на нее. Этот рост был обеспечен за счет увеличения вкладов физических и юридических лиц (см. Рис. 5).

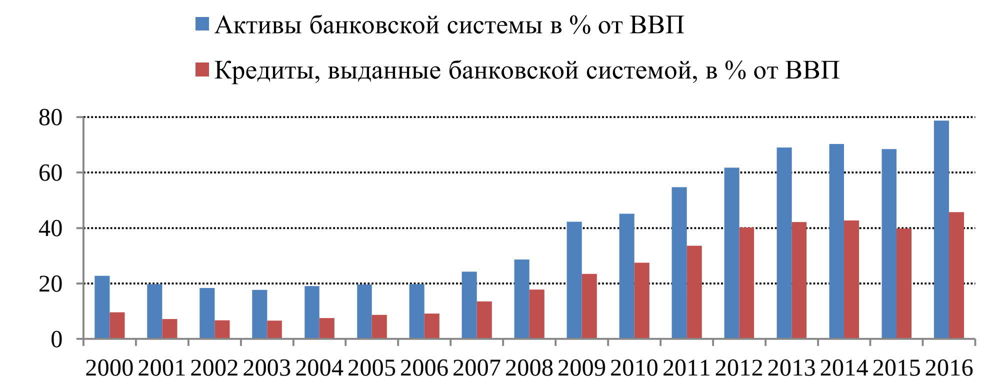
Рисунок 5. Динамика вкладов резидентов РА на конец периода, млн. драмов.

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Увеличение предложения временно свободных денежных ресурсов сопровождалось снижением процентных ставок по всем видам вкладов как в драмах, так и в долларах США, независимо от срочности. Однако, несмотря на это, драм по-прежнему является более привлекательным вариантом вложения с точки зрения доходности.

Учитывая специфическую роль коммерческих банков как аккумуляторов сбережений и генераторов инвестиций, на макроэкономическом уровне интерес представляет динамика активов и пассивов банковской системы как доля в валовом выпуске страны. Как известно, эти показатели являются одними из индикаторов степени развитости финансового сектора и интенсивности участия банков в процессе создания новых денег. Статистика, предоставляемая Центральным банком, позволяет сделать вывод о том, что процесс производства товаров и услуг в экономике страны только на 40% финансируется за счет банковской системы (см. Рис. 6). Международный сопоставительный анализ позволяет, таким образом, оценить степень конкурентоспособности подобной экономики.

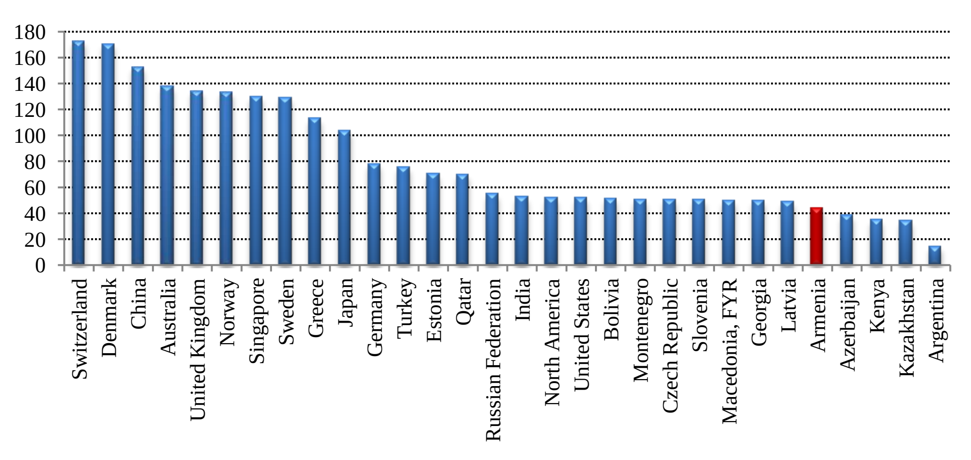
Рисунок 6. Показатели банковской системы РА, % от ВВП.

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statfinorg.aspx

На сегодняшний день одним из ключевых индикаторов сопоставления степени развитости финансовой системы страны является объем кредитов, выданных банковской системой частному сектору экономики. В этом контексте, данные Всемирного банка свидетельствуют о том, что в развитых странах этот показатель по своему относительному значению во многих случаях превосходит объемы ВВП. Армения в этом списке занимает место наравне с развивающимися странами с низким уровнем дохода (см. Рис. 7).

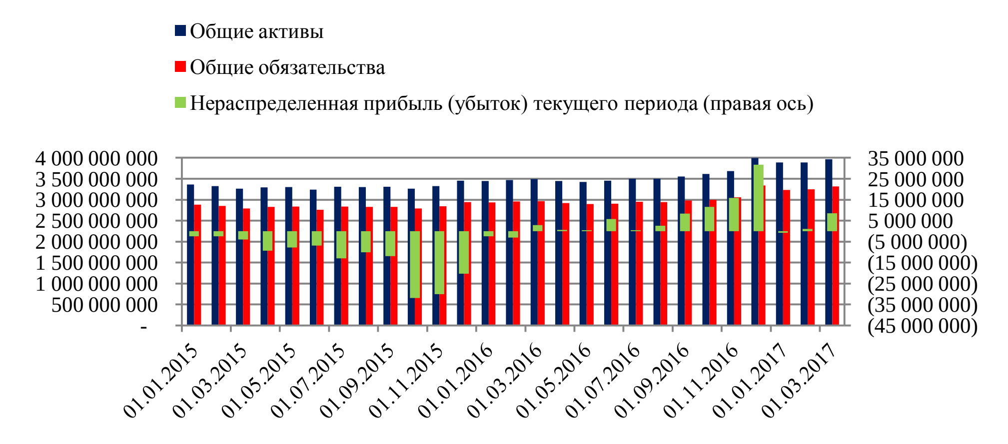
Рисунок 7. Кредиты, выданные банковсим сектором частному, % от ВВП, 2015г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка, www.worldbank.org

Естественно, на этой величине отразились и события конца 2014г.: как показали данные ЦБ, приведенные выше (см. Рис. 6), в 2015г. общий объем обязательств банка и активов банка по сравнению с 2014г. снизился. Более детальное рассмотрение статистики показывает, что убыток банковской системы, возраставший на протяжении всего 2015г., достиг своего максимума в конце года, после чего кризис замедлился, и к концу 2016г. был отмечен значительный рост прибыли (см. Рис. 8).

Рисунок 8. Основные балансовые показатели банковской системы РА, тыс. драмов.

Источник: составено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/Default.aspx

Таким образом, данные 2015г. показывают, что валютный кризис 2014–2015гг. имел серьезное негативное влияние на банковскую систему, что, естественно, негативно отразилось и на состоянии экономики, в целом. Вместе с тем, реакция монетарных властей содействовала укреплению состояния коммерческих банков, в связи с чем можно отметить прирост прибыли также и в первом квартале 2017г. Меры, принятые Центральным банком по стабилизации валютного курса достигли своей цели с точки зрения поддержания стоимости армянского драма. Однако несущественное изменение объемов кредитования является отражением низкой инвестиционной активности и негативных ожиданий экономических агентов в целом. Обоснованность этих ожиданий подкрепляется некоторыми показателями финансового рынка, в частности, ставками доходности государственных облигаций всех видов срочности (см. Табл. 2). Данные Центрального банка позволяют прийти к выводу, что доходность государственных ценных бумаг, самых

безрисковых по своей сути, не уступает среднему уровню доходности вклада в коммерческий банк, что действительно является сигналом наличия макроэкономических рисков.

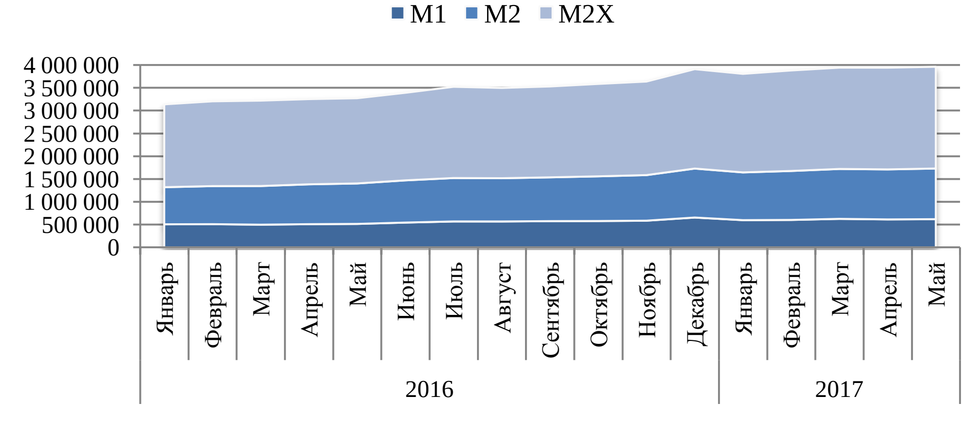
Таблица 2. Ставки доходности государственных облигаций РА, %.

Доходность краткосрочных гособлигаций					Средняя доходность среднесрочных гособлигаций	Средняя доходность долгосрочных гособлигаций
	91-дневные	182-дневные	273-дневные	364-дневные		
2016						
Январь	n/a	10,8	n/a	11,9	14,9	n/a
Февраль	9,8	10,8	11,3	11,8	14,4	16,3
Март	n/a	10,4	n/a	11,4	14,2	n/a
Апрель	9,6		10,6	11,2	14,3	16,3
Май	n/a	9,3	9,8	10,5	13,6	16,3
Июнь	8,4	n/a	9,6	10,3	13,5	16,4
Июль	7,7	8,0	9,1	9,7	12,1	n/a
Август	7,5	7,9	8,7	8,9	10,2	12,5
Сентябрь	7,6	8,3	8,6	8,6	11,0	14,7
Октябрь	6,9	7,1	8,1	8,4	10,2	14,0
Ноябрь	6,0	6,5	7,0	7,6	9,9	11,6
Декабрь	6,6	7,0	7,2	7,7	10,1	13,0
2017						
Январь	n/a	7,00	7,19	7,76	10,11	n/a
Февраль	6,30	n/a	7,16	7,70	9,80	11,59
Март	6,02	6,20	n/a	7,30	9,97	13,48
Апрель	n/a	n/a	6,50	7,01	8,72	n/a
Май	6,03	6,14	n/a	6,74	8,71	10,64
Июнь	5,85	n/a	6,29	6,72	9,00	13,58

Источник: составлено автором на основе данных Центрального банка РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Тем не менее, несмотря на высокую степень рисковости, присутствующей во внешней и внутренней макроэкономической среде, стимулирующая денежно-кредитная политика ЦБ РА, направленная на расширение денежной массы в стране в целях стимулирования роста цен, привела к концу 2016г. и далее в 2017г. к некоторому росту денежной массы, в частности, по линии денежных агрегатов М2 и М2Х (см. Рис. 9). Однако, как показывает приведенный ниже рисунок, расширение денежной массы происходило далеко не с мультипликативным эффектом.

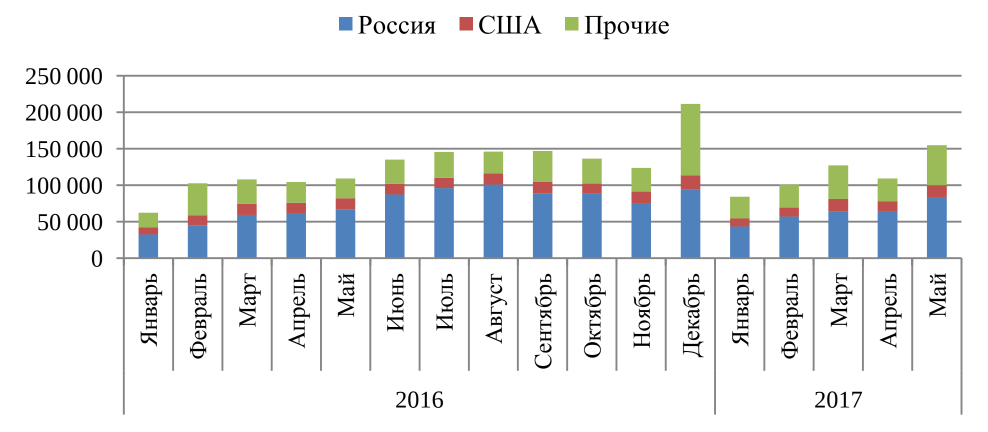
Рисунок 9. Денежные агрегаты, млн. драмов.

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Таким образом, увеличение количества денежных агрегатов содействовало возникновению инфляционных тенденций, с чем и был зафиксирован небольшой рост цен в 2017г. Этому способствовал также рост денежных переводов, наблюдавшийся в первых двух кварталах 2017г. Данные Центрального банка свидетельствуют о том, что по сравнению с тем же периодом 2016г. объемы трансфертов, переданных через банковскую систему РА незначительны, но возросли, что стало механизмом стимулирования потребительского спроса (см. Рис. 10).

Рисунок 10. Динамика притока частных иностранных трансфертов, перечисленных посредством банковской системы РА, тыс. долларов.

Источник: составлено автором на основе данных Центрального банка РА, https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx

Подводя итоги вышесказанному, следует также отметить тот факт, что согласно решению, принятому Центральным банком в декабре кризисного 2014г., величина минимального уставного капитала коммерческих банков должна быть увеличена в 6 раз к 2017г., в обязательном для всех банков порядке. Подобное решение, сокращающее возможности создания новых денег банковской системой, в свою очередь, послужило сигналом к повышению стоимости национальной валюты. В условиях валютного кризиса 2014–2015гг. данный шаг способствовал выходу из кризиса, но, в то же время, грозил дефляционными последствиями и сжатием объемов денежной массы в стране. Тем не менее, как показывает анализ, резких изменений в величине денежных агрегатов не наблюдалось, так же, как и не было замечено существенного влияния проводимой монетарной политики на поддержание стабильности уровня цен, что по-прежнему свидетельствует о неэффективности действия каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет о деятельности Центрального банка Республики Армения за 2016г., https://www.cba.am/AM/pperiodicals/Tari_2017.pdf
2. *Սանդոյան Է.Մ.* Տնտեսական լճացումը ՀՀ-ում 2009–2016 թթ.՝ պատճառները, հետևանքները և հեռանկարները // Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки). Ер.: Изд-во РАУ, 2017, N1 (25). 212 с.
3. Проблемы и перспективы валютного регулирования в Республике Армения Брошюра по материалам семинара на тему «Политика валютного регулирования в РА: проблемы и перспективы развития». Российско-Армянский университет (19 октября 2016г.) / Под редакцией Э.М. Сандояна, М.А. Восканян. Ер.: Изд-во РАУ, 2017. 44 с.

THE DYNAMIC OF THE MONETARY-CREDIT SYSTEM OF ARMENIA IN THE POST-CRISIS 2016–2017

A. Avetisyan

ABSTRACT

Monetary crisis in Russia in 2014–2015 influenced Armenian economy as well. A decrease in the exchange rate of national currency in Armenia was followed by review of monetary policy accompanied by deflationary trends in economy. This article explores measures undertaken by Central bank to reach price stability, and analyzes indicators of monetary system in Armenia in the post-crisis period (2016–2017).
Keywords: monetary policy, central bank, deflation, exchange rate.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԴՐԱՄԱՎԱՐԿԱՅԻՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԴԻՆԱՄԻԿԱՆ ՀԵՏՃԳՆԱԺԱՄԱՅԻՆ 2016–2017թթ.

Ա.Գ. Ավետիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

2014–2015 թթ. Ռուսաստանում տեղի ունեցած արժութային ճգնաժամն իր ազդեցությունն է ունեցել նաև Հայաստանի տնտեսության վրա: Ազգային արժույթի փոխարժեքի նվազումը ստիպեց վերանայել դրամավարկային քաղաքականությունը: Այդ գործընթացը զուգակցվում էր դեֆլյացիոն միտումներով: Այս հոդվածում դիտարկված են Կենտրոնական բանկի միջոցառումները՝ ուղղված նրա հիմնական նպատակի՝ գների կայունության ապահովմանը, ինչպես նաև ներկայացված է Հայաստանում դրամավարկային համակարգի ցուցանիշների վերլուծությունը:

Հիմնաբառեր՝ դրամավարկային քաղաքականություն, կենտրոնական բանկ, դեֆլյացիա, փոխարժեք:

МИНИМАЛЬНАЯ ЗАРПЛАТА КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

А.В. Амроян

Российско-Армянский университет
armanamroyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

При решении ряда социально-экономических проблем очень важно использование инструмента минимальной заработной платы. Особенность МРОТ заключается в том, что, в отличие от уровня средней зарплаты, минимальная заработная плата направлена конкретно на обеспечение социальной безопасности населения и прожиточного минимума.
Ключевые слова: минимальная заработная плата, прожиточный минимум, средняя заработная плата.

Несмотря на законодательное регулирование МРОТ, его природа не до конца изучена, и влияние на распределение доходов по оценке различных специалистов неоднозначно. Так, ряд экономистов утверждают, что рост минимальной зарплаты приведет к уменьшению числа рабочих мест, так как с точки зрения работодателя труд становится дороже. Другие же (этой точки зрения придерживалась классическая школа) указывают на то, что регулирование нижнего предела заработной платы не только искоренит бедность, но и поспособствует появлению новых рабочих мест за счет роста покупательной способности населения.

Статистические данные не дают однозначной оценки этой гипотезе. В некоторой степени рост МРОТ действительно приводит к сокращению рабочих мест, так как для работодателя устанавливается определенная планка для выплат, в ряде случаев, непосильная для него. Но прямой корреляции между этими показателями нет, так как заработная плата сама по себе – не единственный инструмент регулирования рабочей силы для работодателя. В ответ на повышение уровня МРОТ работодатель может сократить административные расходы на персонал по другим направлениям, сократить рабочее время, нанять низкооплачиваемых работников и т.д.

Эффект от изменения МРОТ зависит не только от самого уровня заработной платы, но и от других факторов. Так, например, в своем исследовании известные экономисты Боэри и Зилберберг показали, что влияние изменения МРОТ на распределение доходов в долгосрочном периоде практически не

прослеживается. Кроме того, важен и временной отрезок принятия решения: так, во время кризиса, снижение уровня минимальной заработной платы окажет более негативное влияние, чем во время экономической активности [1].

Кроме вопроса о влиянии МРОТ на уровень занятости, всегда возникает вопрос о том, каким образом минимальная зарплата влияет на уровень бедности. Очевидно, что корреляция между этими показателями существует – МРОТ устанавливает нижний предел оплаты, и если он равен или выше прожиточному минимуму, то это позволяет свести бедность к минимальным значениям. Однако нельзя ссылаться на относительно высокий уровень МРОТ как на панацею от бедности – в борьбе с нею эффективность этого инструмента достаточно мала.

В своем исследовании в 2008 году другие известные экономисты Ньюмарк и Уошер указали несколько причин данной неэффективности [2]:

а) во многих бедных семьях заняты далеко не все члены семьи, и даже если оплата труда выше МРОТ, то при ее распределении на 1 члена семьи выпадает сумма ниже МРОТ;

б) многие работники, получающие минимальную зарплату, живут в семьях с доходом выше среднего (подрабатывающие студенты, молодежь и т.д.);

г) уровень минимальной зарплаты может быть слишком низким для того, чтобы повлиять на уровень бедности;

д) уровень минимальной зарплаты может быть слишком высоким, что может привести к безработице среди бедного населения.

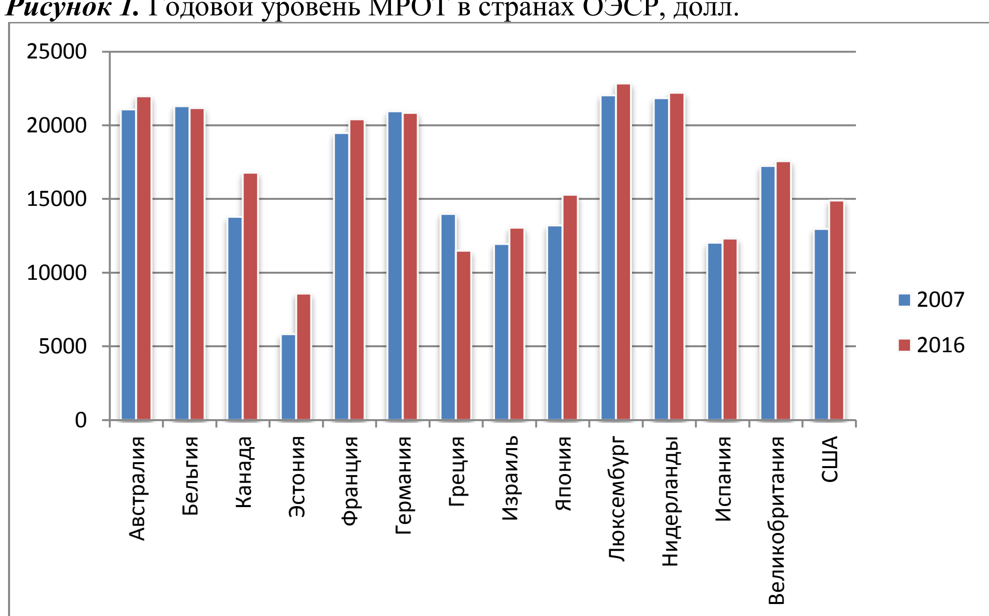
В различных странах механизмы установления МРОТ различаются в зависимости от социально-экономических, а также производственно-промышленных особенностей [3]. Так, например, на постсоветском пространстве применяется унифицированная система МРОТ; в странах Латинской Америке существует специальная шкала, где минимальная зарплата в различных сферах производства варьируется. В азиатских странах приняты многоуровневые системы минимальной заработной платы, что обеспечивает дифференциацию.

Для более четкого понимания влияния МРОТ на систему распределения доходов населения рассмотрим уровень минимальной заработной платы в странах ОЭСР – наиболее развитых странах с высоким ВВП на душу населения. Рассмотрим МРОТ за 2007 (докризисный) и 2016 годы, чтобы понять как динамику роста/снижения МРОТ, так и влияние мирового кризиса 2008 года на оплату труда.

Как видно из диаграммы, в 2016 году средний годовой уровень МРОТ в странах ОЭСР составляет 15–20 тысяч долларов; наиболее высокий – в

Люксембурге, Бельгии, Нидерландах (21–22 тысячи), наиболее низкий – в Эстонии (8.6 тысяч), Греции (11.5 тысяч). По сравнению с 2007 годом, средний уровень МРОТ по странам ОЭСР в целом повысился, хотя и незначительно, что свидетельствует о том, что мировая экономика еще не до конца оправилась от кризиса 2008 года. Исключение составляет Греция, в которой годовой уровень минимальной зарплаты снизился с 14 тысяч до 11.5 тысяч долларов.

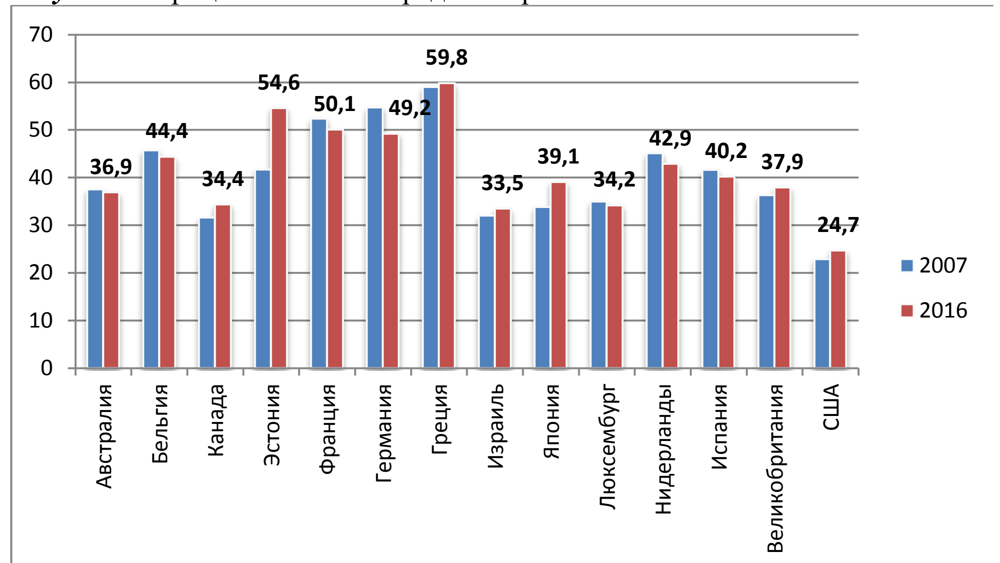
Рисунок 1. Годовой уровень МРОТ в странах ОЭСР, долл.

Источник: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RMW

Размер минимальной зарплаты – не единственный информативный индикатор. Не менее важно также и то, сколько процентов от средней зарплаты в стране составляет МРОТ. Чем больший процент от средней зарплаты составляет минимальная заработная плата, тем выше трудовые доходы населения в целом. Данный показатель следует коррелировать с абсолютным выражением как МРОТ, так и средней заработной платы, так как в наиболее развитых странах средняя заработная плата настолько высока, что МРОТ составляет низкий процент от нее.

Рисунок 2. Процент МРОТ от средней заработной платы.

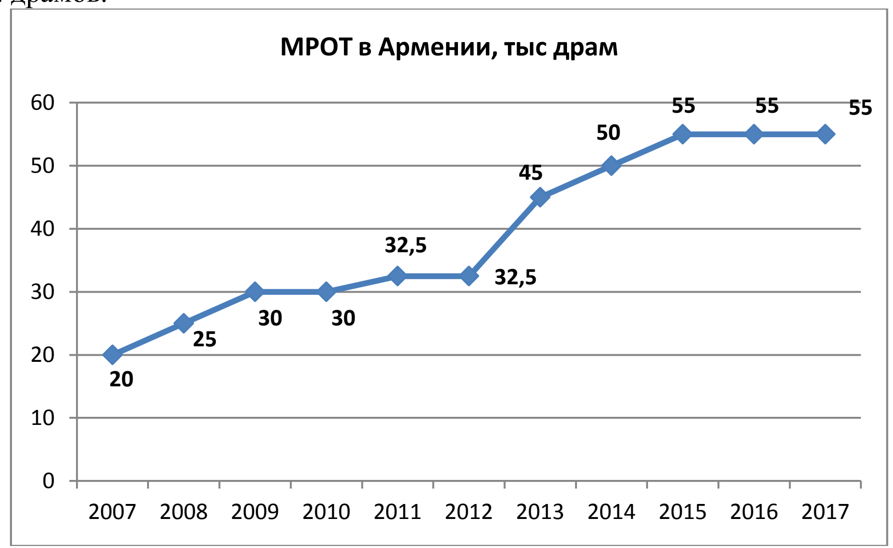

Источник: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RMW

В странах с развивающейся экономикой, как видим, МРОТ в среднем составляет 40–45% от средней заработной платы, что является высоким показателем, обеспечивающим надлежащий уровень минимальной зарплаты и ее соответствие с прожиточным минимумом. Наивысшие показатели в Эстонии (54,6%), Франции (50,1%), Греции (59,8%); наименьшие – в США (24,7%) и в Люксембурге (34,2%), однако, это говорит больше о том, что в этих странах достаточно высокий уровень средней заработной платы в абсолютном выражении, что и вытекает в низкий процент МРОТ от нее. К примеру, в Армении этот показатель составляет всего 28–30% при низком уровне средней заработной платы, что свидетельствует также и о низком уровне МРОТ.

Говоря о минимальной заработной плате в Армении, следует сказать о низком уровне МРОТ, который не обеспечивает прожиточный минимум. С 2007 года минимальная заработная плата в Армении возросла в 2.7 раз (с 20 тыс. до 55 тыс. драмов), однако, темпы роста пришлись на первую половину декады – так, с 2015 года уровень МРОТ в стране не меняется, а правительство отклонило законодательный проект, согласно которому минимальная заработная плата с 2018 года установится в размере 65 тыс. драмов.

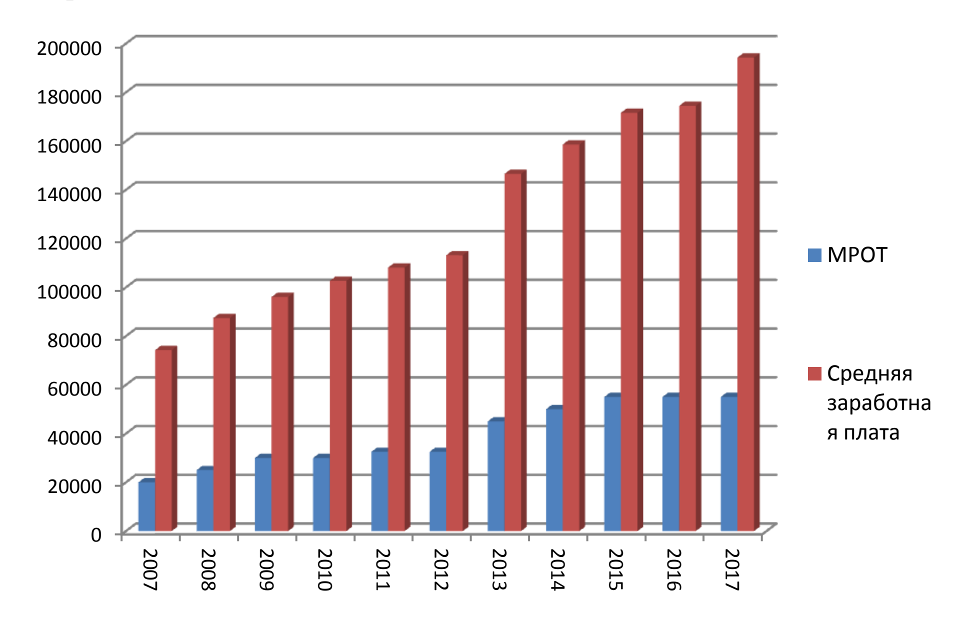
Рисунок 3. Минимальная заработная плата в Армении с 2007 по 2017 годы, тыс. драмов.

Источник: https://armstat.am

В отличие от минимального размера заработной платы, средняя заработная плата в Армении растет ежегодно и достаточно интенсивными темпами – так, с 2007 года она возросла в 2.6 раза (с 74,227 драмов до 194,259 драмов), и этот рост сопоставим с ростом МРОТ, как было уже указано выше. Соотношение МРОТ и средней заработной платы в среднем за рассмотренный период составляет 28–31%, что, как уже было отмечено, является низким показателем. Кроме того, данный показатель имеет тенденцию снижения из-за перманентного роста средней заработной платы, в то время как МРОТ на протяжении трехлетнего периода остается неизменной.

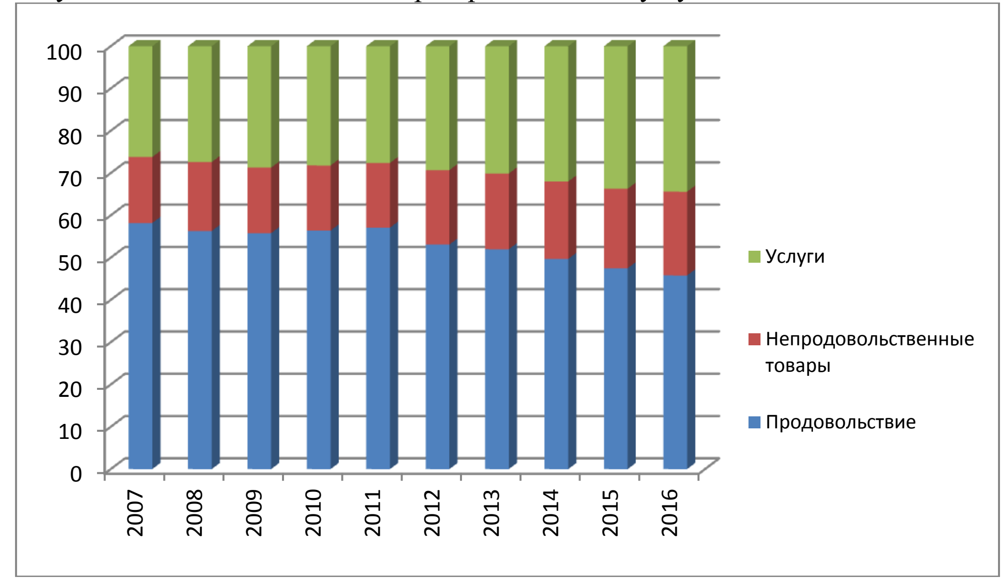
Рисунок 4. Соотношение МРОТ и средней заработной платы в Армении, тыс. драмов.

Источник: https://armstat.am

Важность роста МРОТ проявляется при анализе расходных статей населения (Рис.5). Так, за последние 10 лет – за период роста МРОТ в 2.7 раз – изменилась и потребительская корзина на душу населения: снизилась статья продовольственных расходов (с 58.2% в 2007 году до 45.8% в 2016 году), наряду с повышением доли непродовольственных товаров (с 15.6% до 19.8% за аналогичный период) и услуг (с 26.2% до 34.4% за аналогичный период). Тем самым, рост МРОТ смещает спрос населения, и чем выше будут их доходы, тем больше будет смещаться спрос от продовольственной корзины к непродовольственным товарам и услугам.

Рисунок 5. Соотношение категорий расходов на душу населения.

Источник: https://armstat.am

Проведенный анализ показал, что установление минимального уровня заработной платы в разных странах по-разному влияет на систему распределения доходов населения. Так, в развитых странах МРОТ имеет больше регулятивно-инструментальное значение; в Армении МРОТ является инструментом борьбы с бедностью и обеспечения прожиточного минимума. Рост минимальной заработной платы в Армении сопровождается ростом средней заработной платы, а также смещает спрос от продовольственных товаров первой необходимости в сторону прочих товаров и услуг.

Подводя итог, можно констатировать, что регулирование МРОТ со стороны государства имеет важное прикладное значение. Высокая минимальная заработная плата позволяет обеспечивать прожиточный минимум, повышает уровень зарплат в целом, обеспечивает рост спроса со стороны населения. Таким образом, первым шагом на пути к сокращению неравенства распределения доходов и обеспечения достойного уровня жизни населения должно стать увеличение минимального уровня заработной платы. Повышение уровня МРОТ должно осуществляться комплексно, наряду с рядом законодательных и институциональных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boeri T., Cahuc P. and Zylberberg A.* The Costs of Flexibility-enhancing Reforms for Individuals: A Literature Review // OECD Economics Department Working Papers, 2015.
2. *Neumark D. and Wascher W.* Minimum Wages, Cambridge/MA, MIT Press, 2008.

3. *Schmitt J.* Why Does the Minimum Wage Have No Discernible Effect on Employment? // Center for Economic and Policy Research, February 2013.

MINIMUM WAGE AS A MECHANISM OF REGULATION OF THE POPULATION INCOME DISTRIBUTION SYSTEM

A. Amroyan

ABSTRACT

It is very important to use the minimum wage instrument during the solution of a number of socio-economic problems. The peculiarity of the minimum wage is that, unlike the level of the average wage, the minimum wage is directed specifically at ensuring social security of the population and the subsistence minimum.

Keywords: minimum wage, cost of living, average wage.

ՆՎԱԶԱԳՈՒՅՆ ԱՇԽԱՏԱՎԱՐՁԸ ՈՐՊԵՍ ԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ԵԿԱՄՈՒՏՆԵՐԻ ՏԵՂԱԲԱՇԽՄԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄ

Ա.Վ. Ամրոյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սոցիալ-տնտեսական խնդիրների լուծման ընթացքում չափազանց կարևոր է նվազագույն աշխատավարձի գործիքի օգտագործումը: Նվազագույն աշխատավարձի առանձնահատկություննն այն է, որ, ի տարբերություն միջին աշխատավարձի, նվազագույն աշխատավարձը միտված է ապահովելու բնակչության սոցիալ անվտանգությունն և սպառողական նվազագույն զամբյուղը:

Հիմնաբառեր՝ նվազագույն աշխատավարձ, սպառողական նվազագույն զամբյուղ, միջին աշխատավարձ:

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВАМИ

Г.В. Григорян

Российско-Армянский университет
grigor.v.grigoryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Злоупотребление правом является одним из сложных и противоречивых понятий в гражданском праве, исследование которого имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. В данной статье проводится анализ данного института с философской точки зрения, приводится определение его ключевых составляющих. Такой анализ имеет не только и даже не столько теоретическое значение, сколько практическое, так как именно от исходного понимания составляющих института злоупотребления правом зависит практика его применения.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добро, зло, право, свобода, пределы права, воля в праве.

Исторический анализ института недопущения злоупотребления гражданскими правами показывает, что, зародившись еще в недрах классического римского права, он прошел долгий путь становления и существовал во всех этапах исторического развития права. Казалось бы, столь зрелый институт гражданского права должен иметь четкое определение и более или менее одинаковый подход к его пониманию. Его фундаментальный характер диктует необходимость выработки единого и обоснованного теоретического базиса, который должен был стать необходимым и достаточным основанием для единой правоприменительной практики в данной сфере. Конечно, ценность науки и научного познания заключается в его плюрализме и множестве мнений, но можно ли говорить об этом в том случае, когда речь идет об одном из основополагающих институтов права? Что это – научные споры теоретиков и столкновение мнений, или банальное отсутствие всестороннего и полного анализа данного явления?

Конечно, говорить об отсутствии достаточных и глубоких изучений института злоупотребления гражданскими правами было бы явным преувеличением. За ни один век существования данного института теория граждан-

ского права знает ни одну комплексную работу, посвященную изучению принципа недопущения злоупотребления правом. Гражданское право выработало несколько теорий, объясняющих данное явление. Но уникальность ситуации, на наш взгляд, заключается в том, что наряду с этими теориями существуют и такие, которые дают объяснение злоупотреблению правом фундаментально иными, зачастую и не гражданско-правовыми понятиями. Более того, до сих пор в науке гражданского права весьма популярным остается точка зрения, отрицающая практическую необходимость правового закрепления института злоупотребления правом.

Такой широкий разброс точек зрений и подходов, по нашему мнению, связан с несколькими факторами. Во-первых, тому причиной является сам факт сложности восприятия этого правового явления. В своей основе оно имеет такие философско-правовые категории, как свобода, добро и зло, интерес и намерение. Как видим, в данном институте переплетены право и мораль, а там, где речь идет о моральных категориях, в дело вступает субъективизм и оценочное восприятие. Во-вторых, это та среда, в которой зарождались те или иные теории. Их анализ показывает, что появляясь на определенном историческом этапе, они, в первую очередь, служили опорой для удовлетворения конкретных социально-правовых необходимостей, существовавших в конкретный исторический период. Именно поэтому, например, учения, посвященные изучению злоупотребления правом периода буржуазных революций, кардинально отличаются от теорий, выработанных советскими цивилистами.

Вышеуказанные факты еще раз подтверждают актуальность изучения этого института гражданского права. В рамках данной статьи мы обратимся к тем основным философским понятиям, которые лежат в основе изучаемого института.

Для правильного функционирования системы права в целом необходимо правильное определение понятий и их взаимосвязей, которые заложены в эту систему. Таким образом, предпосылкой усовершенствования правовой системы является усовершенствование его понятийного аппарата, правильное понимание взаимосвязей между системообразующими ячейками права. Любая отрасль права, а частное право, в особенности, берет свое начало и основывается на таких понятиях, как: свобода, равенство, воля и т.д. Определение этих понятий при этом не является задачей частного права, а входит, по большей части, в компетенцию философии. Но при этом, с точки зрения права, любое изучение было бы неполным без отсылок к указанным понятием, следовательно, и без философской отсылки для выявления их содержания и отражения на конкретных

гражданско-правовых институтах. Так, еще В.И. Покровский в своих трудах указывал, что развитие гражданско-правовой науки должно идти, в том числе, через нравственно-философское постижение реальных правовых явлений [1]. Говоря конкретнее, в нашем случае без философской отсылки к понятиям добра, зла и свободы изучение института злоупотребления правом оказалось бы неполным.

Большинство ученных-цивилистов в своих трудах начинают изучение института злоупотребления права с лексического разбора данного понятия [2]. Если произвести дословный разбор данного понятия, то можно прийти к выводу, что злоупотребление правом – это «употребление» права «во зло» при его осуществлении. Как видно, здесь мы сталкиваемся с двумя основными понятиями, определение которых необходимо для понимания института злоупотребления правом.

Не вдаваясь в глубокую дискуссию о вопросах права, так как это бы вышло за рамки данной работы, остановимся на основных философско-правовых подходах, определяющих это социальное явление.

Прежде всего, следует обратиться к определению права через свободу вообще и через свободное проявление воли, в частности. Основным сторонником и разработчиком данной концепции являлся немецкий философ Георг Гегель, который разработал свою концепцию, основываясь и развивая идеи Канта. Заслуга Канта как философа заключалось в том, что именно благодаря ему происходит изменение фокуса с объекта познания на субъекта. В своей работе «Критика практического разума» И. Кантом была существенно развита концепция «должного», под которым философ понимал субъективный мир ценностей и норм [3]. Согласно философу, это «должное» включено в любое действие субъекта. Из этого принципа этической полноты он выводит свой знаменитый категорический императив: человек живет среди людей, следовательно, должное как мера ограничения произвола необходимо, чтобы действие стало реальным [4]. Таким образом, Кант свободу понимает в большей мере не как активную возможность действовать, а, наоборот, свою свободу мы понимаем только через моральное царство целей, моральный императив, который представляет собой положение, предписывающее долг. Свобода представляет собой систему нравственных норм, которой человек самостоятельно должен подчинять свою волу.

Основываясь на идеях Канта, Гегель первым дал определение злоупотреблению человеческого разума. В своих учениях немецкий философ сместил центр тяжести на понятие воли, которая является основной движущей силой свободы. Так, по мнению Гегеля, воля, которая свободна в себе и для

себя является абсолютным выражением произвола. Она достигает разумности и упорядоченности только в том случае, когда наполняется содержанием, которой, по мнению философа, является право. Таким образом, только та воля является свободной и наполненной содержанием, которая прошла «фильтрацию» правом, то есть соответствует действующим моральным и нравственным стандартам.

В одной из своих основных работ «Философия права» Гегель также апеллирует такими понятиями, как: «добро» и «благо». Так, по мнению философа, в понятии «добра» достигается конечная цель воли. В свою очередь, «добро» Гегель определяет как совокупность определенных идей, достижение которых возможно через синтез проявления свободной воли и блага. «Благо без права не есть добро. Так же и право не есть добро без блага [5]».

Как ни странно, понятие свободы также является краеугольным при философском осмыслении понятия «злоупотребления». Морфемный разбор этого слова показывает, что оно состоит из двух частей – зло и употреблять. Если с понятием «употребление» мы еще можем встретиться в нормативно-правовых актах или в правовой доктрине, то понятие «зло» едва ли можно назвать правовым или близким к какому-нибудь юридическому термину. Понятие «зла» лежит вне поля определения юриспруденции, и поэтому мы особо остановимся на философско-моральной стороне данного явления.

Как мы указали выше, в основе понятия добра и зла лежит свобода. Причем, эти два понятия следует рассматривать не как отдельные и существующие параллельно явления, а как связанные, но взаимоисключающие ситуации, детерминирующим фактором которых является свобода. Суть большинства философских (и даже духовных) подходов заключается в том, что человек, наделенный разумом и волей (а в случае с церковной философией – волей и разумом, дарованной человеку Богом), сам свободен в своих поступках, в том, как ему поступить – по добру или по злу. Весьма примечательными на этот счет являются слова М. Бубура, согласно которому «нельзя трактовать, как это принято, добро и зло как две полярно противоположные друг другу силы или направленности. Их смысл становится нам понятным только в том случае, если мы познаем их как неодинаковые по своей сущности: «Злое влечение» как страсть... как присущую человеку силу, без которой он не может ни порождать, ни создавать, но которая, предоставленная самой себе, теряет свою направленность и ведет к заблуждению, а «доброе влечение» – как чистую, т.е. безусловную, направленность к Богу» [6]˙. Аналогично и довольно-таки точно характеризует эту ситуацию и А.П. Скрипник, согласно которому прародителя зла не стоит искать оторвано от прародителя

добра. По его мнению, нравственность и добро берут свое начало из единой субстанции, коим является свобода. Способность человека самостоятельно осуществлять ту или иную деятельность в соответствии со своими понятиями и представлениями о мире, о плохом и хорошем, о добре и зле, не может быть реализована без той свободы, которой обладает разумный и наделенный волей человек. При этом, отмечает автор, именно это многообразие является движущей силой человеческого процесса. Чем многообразнее и богаче система, тем более она свободна, и, следовательно, развита [7].

Аналогичное объяснение добра и зла можно также встретить и в христианских правовых учениях. Анализируя понятие зла и учитывая то, что согласно доминирующим христианским философским учениям создателем и первоисточником всего является Бог, представители христианской философии говорили, что Бог отрицает возможность допущения зла, но вместе с тем Бог является первоисточником и «дарителем» свободы, что, в свою очередь, является первопричиной добра. Таким образом, сама возможность существования зла является необходимостью существования добра [8]. Такое диалектическое единство и борьба добра и зла является естественным, как и в случае со многими другими явлениями. Источником любого развития является столкновение, борьба двух противоположностей. Именно благодаря множественности мнений, явлений, способов поведения происходит развитие всего – будь то моральные представления, право, социальное и экономическое развитие или миропонимание в целом.

Таким образом, возвращаясь к проблеме философского понятия такого явления, как злоупотребление правом, мы можем сделать вывод, что связующим звеном этих двух понятий – зла и права – является понятие свободы. Следовательно, свобода закладывает в право такое свойство, благодаря которому оно может быть использованным не только в целях добра, но и зла. Говоря выше о добре и зле, мы указали, что, будучи свободным и волевым субъектом, человек выбирает ту или иную форму поведения, исходя из своих внутренних принципов и убеждений, своего мировоззрения и понимания добра и зла. Эти факторы можно охарактеризовать как внутренние ограничители, которые могут быть выражены будь то в духовных предписаниях, моральных стандартах и т.д. Но для правовых отношений одних лишь субъективных ограничителей недостаточно. Строгость, универсальность, определенность и одновременная абстрактность права требует, чтобы определенные ограничения, пределы были бы заложены в самом праве. Именно они и должны служить уже правовыми ограничителями для недопущения использования права во зло.

Таким образом, право, будучи мерой свободы поведения, должно иметь внутри себя границу, которая отделит доброе использование этого права от злого – право, равно как и правоосуществление, не может быть абсолютным [9]. Именно от этой мысли берет свое начало понимания института злоупотребления правом. На негативные последствия абсолютизации права указывали как в римском праве и средневековой духовной философской мысли, так и мыслители классического и постклассического периода. Так, еще Шеллинг указывал, что абсолютная неограниченность, по христианскому учению, характерна только для дьявола, как воплощения зла [10]. Очень примечательна и точна также мысль Иеринга, согласно которому свойство ограниченности и пределов в праве исходит из его социальной сущности. Конечно, право, в первую очередь, направлено на индивида и служит его интересам, но одновременно право является чисто социальным явлением, и предоставляя конкретные права индивидам, оно одновременно защищает и регулирует интересы других лиц и социума в целом [11].

Сегодня весьма распространенным среди ученых-юристов является подход определения права, при котором ставится ударение не на факте предоставления свободы, а, наоборот – на отрицательном, ограничительном характере права [12]. При таком подходе право понимается, в первую очередь, не как представленная возможность, охраняемая форма поведения, а как некоторая планка, целью которой является прежде всего очертания границ и установления того, чего нельзя делать. Казалось бы, подход весьма спорный, особенно с точки зрения гражданского права, основным принципом которого является диспозитивность или, как распространенно среди юристов, возможности делать все, что не запрещено законом. Однако, если смотреть на право не только с точки зрения субъекта права, а общества в целом (а именно так, на наш взгляд, и должен поступать законодатель), то очевидным становится факт, что одним из первичных целей права является установление такого режима, при котором интересы всех участников гражданских правоотношений были правильным образом сбалансированы, и осуществление одним субъектом своих прав не нарушало бы аналогичным образом охраняемые и защищаемые интересы третьих лиц. Такая цель может быть достигнута только тогда, когда в праве будут установлены не только активная возможность какого-либо действия субъекта, но и «отрицательные» границы действий, которые не защищаются и охраняются правом, а являются нарушениями интересов третьих лиц. Таким образом, мы можем сделать вывод, что право является не только общественно признанной и государственно охраняемой мерой возможного поведения лица, но и мерой ограничения пра-

вового и неправового поведения, или, как в нашем случае, «злого» и «доброго» поведения.

С точки зрения гражданского права вышеуказанный тезис является более чем основополагающим и значимым. Как мы указали выше, основополагающим принципом гражданско-правовых отношений является принцип диспозитивности, принцип свободы выбора способа поведения субъектом. С этой точки зрения возможность злоупотребления лежит в сущности гражданских прав, ведь, как было сказано выше, основополагающим началом «злого» и «доброго» поведения является свобода выбора той или иной формы поведения. Именно поэтому институт злоупотребления правом, который является общим принципом права и может быть применим ко всем отраслям права, наиболее характерен для гражданских правоотношений. В то же время свобода и диспозитивность гражданских прав делает более сложным правильное определение данного института, так как, с одной стороны, мы должны указать, где заканчивается право и какое поведение не является «добрым» с точки зрения права, а, с другой стороны, мы должны сохранить тонкую грань диспозитивности и не превращать гражданские права в строго запрещающие нормы. Считаем, что именно по этой причине в науке гражданского права сформировано множество теорий и доктринальных подходов относительно института злоупотребления правом. Доказательством тому является факт, что дискуссии и критика в ученом сообществе относительно той или иной теории строится на утверждении, что либо данная конкретная теория слишком строга с точки зрения гражданско-правового регулирования, либо, наоборот, что она слишком «мягко» объясняет это явление и дает большую свободу судейскому усмотрению, исходя уже из конкретных обстоятельств дела.

Итак, подводя некий итог вышеизложенного и достаточно скромного философского анализа института злоупотребления правом, мы можем сказать, что ключевым элементом данного института с философской точки зрения является понятие свободы – исходного начала права. Проблема злоупотребления правом заключается в проблеме циничной деятельности человека по отношению к законно установленным нормам и принципам поведения. Первичная моральная и некая мысленная искаженность человеческого мышления приводит к различного рода злоупотребительным актам, на которые закон может реагировать по-разному, а в зависимости от степени и характера злоупотребления – не реагировать и вовсе [13]. Причиной тому является некая противоречивость между человеческой волей и разумом. Как мы уже указали выше, человеческой натуре присуще некое стремление получения

различного рода выгод путем обходов установленным правил поведения. Для предупреждения подобного рода явлений необходимо наличие некого объективного критерия, границы, которое также выражается в праве. Сама человеческая воля не может создавать какое-либо добро или зло, она может лишь соотноситься с уже установленной иерархий ценностей, соответствуя ей либо нарушая ее [13]. При этом, мы не склонны полагать, что уровень социально-экономического развития общества предопределяет потенциальную возможность злоупотребления правом со стороны членов этого социума. Как мы уже указали выше, склонность к легкому получению выгоды или наживы присуща человеку всегда и везде. Более того, практика показывает, что чем выше уровень социального и экономического развития общества, тем более изощренными становятся формы злоупотребления правом. Явным примером тому является законодательное закрепление в РФ в 2013 году новых форм злоупотребления правом. Более того, судебная практика применения норм запрещающих злоупотребление правом куда более объемна, чем была, например, в конце прошлого века, когда рыночные отношения только начинались складываться. Конечно, зачастую суды применяют этот институт не совсем корректно, и об этом речь пойдет ниже, но тем не менее сам фак обращения судов к соответствующим статьям ГК показывает только лишь увеличившеюся актуальность этого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 354.
2. *Грибанов В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. СС. 50–51.
3. *Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И.* Немецкая классическая философия. Т.1. М., 2000. С. 701.
4. *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики // М.: Вольтер Клювер, 2010. С. 7.
5. *Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И.* Немецкая классическая философия. Т.1. М., 2000. С. 424.
6. *Бубер М.* Образы добра и зла // Два образа веры / Пер. с нем., под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М., 1995. С. 139.
7. *Скрипник А.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. С. 17.
8. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 7 (1894–1897). С. 187.
9. *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России // М.: Вольтер Клювер, 2010. С. 19.
10. *Шеллинг Ф.* Философские исследования о сущности человеческой свободы. С. 106.
11. *Иеринг Р.* Цель в праве // С-Пб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. С. 385.
12. *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России // М.: Вольтер Клювер, 2010. С. 23.

13. *Волков В.А.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 13.

PHILOSOPHICAL BASES OF THE INSTITUTE OF ABUSE OF RIGHTS

G. Grigoryan

ABSTRACT

Abuse of law is one of the complex and contradictory concepts in civil law, the study of which has not only theoretical, but also great practical significance. This article analyzes this institution from a philosophical point of view, and provides a definition of its key components. Such an analysis has not only and not so much theoretical significance as practical, since it is from the initial understanding of the components of the institution of abuse of right that the practice of its application depends.

Keywords: abuse of right, good, evil, law, freedom, limits of law, will in law.

ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՉԱՐԱՇԱՀՄԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ՀԻՄՈՒՆՔՆԵՐԸ

Գ.Վ. Գրիգորյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Իրավունքի չարաշահումը քաղաքացիական իրավունքի հետաքրքիր և իրարամերժ հասկացողություններից մեկն է, որի ուսումնասիրումը ունի ոչ միայն տեսական, այլև մեծ պրակտիկ նշանակություն:Սույն հոդվածում կատարվում է այդ սկզբունքի հետազոտությունը փիլիսոփայական տեսանկյունից, տրվում են դրա անբաժանելի մաս հանդիսացող երևույթների հասկացողությունը: Այդպիսի հետազոտությունը ունի ոչ միայն և ոչ այդքան տեսական, որքան կիրառական, քանի որ հենց սկբնական հասկացողությունից է կախված իրավունքի չարաշահման ինստիտուտի իրավակիրառ պրակտիկան:

Հիմնաբառեր՝ իրավունքի չարաշահում, բարի, չար, իրավունք, ազատություն, իրավունքի սահմաններ, կամքը իրավունքի մեջ:

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ НАМЕРЕНИЯ ОТВЕТЧИКА В ПРОЦЕССЕ ОЦЕНКИ ВЕРОЯТНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СМЕШЕНИЯ МЕЖДУ ТОВАРНЫМИ ЗНАКАМИ

С.С. Григорян

Российско-Армянский университет
s.grigoryan1992@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается значение и роль фактора первоначального намерения ответчика в процессе определения вероятности возникновения смешения между двумя товарными знаками, которые используются параллельно.

Автором изучается содержание фактора намерения ответчика, история его формирования в праве США, а также применимость данного фактора с точки зрения критерия вероятности возникновения смешения.

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право, вероятность возникновения смешения, намерение ответчика.

При рассмотрении судебных дел, в рамках которых истец заявляет о нарушении ответчиком прав истца на товарный знак, главным вопросом является критерий определения наличия или отсутствия нарушения.

После определения критерия, однако, возникает вопрос, какие факторы должны оцениваться судом для определения наличия или отсутствия критерия нарушения, а, следовательно, и самого нарушения?

На данный момент основным критерием определения наличия или отсутствия нарушения прав на товарный знак в Республике Армения является критерий вероятности возникновения смешения.

Указанный критерий закрепляется в пункте 2 части 1 статьи 12 Закона РА «О товарных знаках». Согласно пункту 2 части 1 статьи 12 закона: *«правообладатель зарегистрированного товарного знака имеет исключительное право запрещать третьим лицам без разрешения правообладателя использовать в ходе торговой деятельности любое обозначение, которое:{...} идентично или схоже с зарегистрированным товарным знаком и используется в отношении товаров и (или) услуг, которые идентичны или однотипны товарам и (или) услугам, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, если использование данного обозначения содержит опасность*[1]

[1]. Термин «опасность» в данном случае употребляется как дословный перевод термина «վտանգ», используемого в редакции на армянском языке, в то время как в оригиналь-

возникновения смешения среди общества, в том числе – ассоциация с зарегистрированным товарным знаком».

Институт товарных знаков, как и другие институты права интеллектуальной собственности имеют наиболее древнюю историю и, следовательно, наиболее развиты в странах, где рыночная экономика устоялась раньше. Таковой, в первую очередь, являются США.

Критерию вероятности возникновения смешения в англоязычной литературе соответствует термин “likelihood of confusion”, который был разработан в праве и прецедентной практике США.

Под вероятностью возникновения смешения между двумя товарными знаками понимается вероятность ситуации, при которой средний потребитель конкретного товара или услуги, столкнувшись с конкретным товаром или услугой, которые предлагаются под определенным товарным знаком, может предположить, что перед ним товар или услуга, которые исходят от ранее ему знакомого производителя или каким-либо образом связана с ним по причине схожести двух товарных знаков и иных факторов.

Судебной практикой США, в которой, как было указано, был сформирован критерий вероятности возникновения смешения, также был разработан перечень факторов, которые принимаются во внимание судами для определения вероятности возникновения смешения. Указанный перечень принято называть мультифактор-тестом. Первый подобный тест был разработан судом в деле “Polaroid Corporation v. Polarad Electronics Corporation” [1].

Тест состоит из следующих 8 факторов:

1. сила товарного знака истца,
2. сходство товарных знаков истца и ответчика,
3. однородность товаров, маркируемых товарными знаками истца и ответчика,
4. вероятность того, что истец расширит свою деятельность и будет реализовывать товары на рынке ответчика,
5. доказательство случаев фактического смешения,
6. намерения ответчика,
7. качество товаров, маркируемых товарными знаками истца и ответчика,
8. искушенность потребителей.

В рамках данной статьи будет рассмотрен один из самых спорных факторов вышеуказанного перечня – фактор намерения ответчика.

ном тексте директивы номер 89/104/ от 21 декабря 1988 год, откуда был заимствован текст пункта 2-го, части 1 статьи 12 Закона РА «О товарных знаках», использовался термин “likelihood”, что переводится как «вероятность».

Для понимания сущности фактора намерения ответчика в процессе определения наличия или отсутствия вероятности возникновения смешения между двумя спорными товарными знаками считаем необходимым обратиться к истории появления данного фактора в праве товарных знаков США и его включения в тест Полароида.

Так как традиционно в праве США защита товарных знаков была направлена на недопущение введения потребителей в заблуждение и их переманивание конкурентами правообладателя товарного знака, защита товарных знаков рассматривалась как часть более широкого института, каковым являлось право недобросовестной конкуренции [2].

Институт защиты товарных знаков обозначался как более узкое направление права недобросовестной конкуренции [3].

Отмечается, что изначально товарные знаки были направлены, в первую очередь, на защиту производителя, а не потребителей [4].

Факт введения потребителей в заблуждение рассматривался не как мерило нарушения прав на товарный знак, а как факультативный фактор, который часто принимался во внимание для установления, был ли нанесен производителю товаров реальный материальный вред, а точнее преследовало ли использование товарного знака цель переманить клиентскую базу лица, первоначально использующего товарный знак. Такой подход был обусловлен главным образом тем, что в качестве первоисточника прав на товарный знак рассматривалось право собственности [5].

В ранних судебных делах суды отказывали истцу в защите товарного знака, несмотря на доказанность факта, что потребители могут быть введены в заблуждение из-за использования товарного знака третьим лицом, т.к. по данным делам суд в конечном итоге не мог прийти к выводу, что третье лицо использовало товарный знак с целью переманивания клиентов истца.

Например, в деле “Borden Ice Cream Co. v. Borden’s Condensed Milk Co” [6] суд отказал истцу в требовании запретить ответчику использовать товарный знак “Borden” для продажи мороженного, в то время как сам истец использовал данный товарный знак в процессе продажи молока. Суд объяснил свою позицию тем, что правовые нормы о недобросовестной конкуренции запрещают переманивание клиентской базы путем использования чужого товарного знака и абсолютно очевидно, что для констатации факта недобросовестной конкуренции между тягающимися субъектами должна быть конкуренция. По данному делу суд установил, что потребители могут быть введены в заблуждения относительно производителя, однако в ситуации, при

которой не может быть установлен факт цели переманивания клиентской базы и нанесение реального вреда истцу, права истца не нарушены.

Таким образом, в случае, когда право товарных знаков и институт защиты товарных знаков рассматривается как часть права недобросовестной конкуренции, фактор намерения ответчика по делу о нарушении вполне разумен, т.к. он четко вписывается в концепцию права недобросовестной конкуренции.

После того, как указанный фактор был включен в тест Полароида, взгляды судов США на влияние данного фактора на конечный результат определения вероятности возникновения смешения достаточно противоречивы.

В некоторых судебных делах судами была выражена позиция, согласно которой доказанность данного фактора создает презумпцию вероятности возникновения смешения [7].

В других судебных делах суды отмечали, что доказанность данного фактора может быть достаточна для констатации вероятности возникновения смешения, тем не менее не поддерживали идею создания презумпции вероятности возникновения смешения [8].

Наконец, в решениях судах определенных округов выдвигается идея, что одно лишь намерение ответчика не может иметь большого значения для определения вероятности возникновения смешения [9].

Важно учитывать, что в 1961 году, когда было принято решение по делу “Polaroid Corporation v. Polarad Electronics Corporation”, право товарных знаков в США уже отпочковалось от право недобросовестной конкуренции, а фактор намерения ответчика достаточно сомнительно встраивается в ныне действующую концепцию защиты товарных знаков.

На наш взгляд, фактор намерения ответчика не может сам по себе быть достаточен или же создавать презумпцию вероятности возникновения смешения. Подобный подход носит более карательный характер в отношении недобросовестного ответчика, однако он не укладывается в парадигму, где основанием защиты товарного знака является объективная вероятность возникновения смешения.

Ситуация со значением фактора намерения ответчика становится более ясной в случае ее рассмотрения от обратного. Факторы, содержащиеся в тесте, действуют либо в пользу позиции истца, утверждающего о наличии вероятности смешения, либо в пользу ответчика, который утверждает, что такая вероятность отсутствует. Например, в случае фактора сходства знаков – наличие сходства свидетельствует в пользу наличия вероятности смешения, а отсутствие сходства – в пользу отсутствия такой вероятности. То же самое со

всеми остальными факторами, кроме фактора вероятности того, что истец расширит свою деятельность и будет реализовывать товары на рынке ответчика и фактора намерения ответчика.

Указанные два фактора не работают по указанному принципу именно потому, что они не были изначально разработаны как факторы теста Полароида.

Т.к. данная статья касается именно фактора намерения ответчика, а не фактора вероятности того, что истец расширит свою деятельность и будет реализовывать товары на рынке ответчика, по части данного фактора укажем лишь, что данный фактор, до появления теста Полароида, являлся отдельным критерием определения нарушения прав на товарный знак и его включение в тест Полароида носило во многом искусственный характер.

Что касается фактора намерения ответчика в данном контексте, то считаем нужным отметить, что данный фактор также не работает по принципу, описанному выше. В случае действия фактора намерения ответчика по указанному принципу – доказанность факта намерения ответчика использовать товарный знак, использование которого может привести к возникновению смешения с товарным знаком истца, должна была свидетельствовать в пользу наличия вероятности возникновения смешения, *а отсутствие такого намерения должно было свидетельствовать о меньшей вероятности возникновения смешения,* однако представляется абсолютно очевидным, что данное умозаключение было бы неверным, т.к. важно не то, чего *хотел* или *не хотел* достичь ответчик использованием спорного товарного знака, а то, чего он *достиг,* или *может достигнуть* в случае параллельного использования двух, спорных товарных знаков.

На наш взгляд, суд должен объективно оценивать вероятность возникновения смешения, а намерения ответчика постольку, поскольку они не повлияли на фактическое положение дел и не привели к действиям, которые объективно увеличили вероятность возникновения смешения – судом не должны приниматься во внимание.

Таким образом, фактор намерения ответчика, принимаемый во внимание в контексте права недобросовестной конкуренции, не должен приниматься во внимание судом в контексте определения вероятности возникновения смешения между двумя спорными товарными знаками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Polaroid Corporation v. Polarad Electronics Corporation 287 F.2d 492 (2d Cir. 1961).

2. *McKenna M.P.* The Normative Foundations of Trademark Law, Notre Dame Law Review Vol 82, No 5, 2007.
3. *Mitchell O.R.* Unfair Competition, Harvard Law Review, Vol 10, No 5, 1896.
4. *McKenna M.P.* The Normative Foundations of Trademark Law, Notre Dame Law Review Vol 82, No 5, 1839, 1849, (2007).
5. Там же.
6. Borden Ice Cream Co. v. Borden's Condensed Milk Co 201 F. 510 (7th Cir. 1912).
7. Samara Bros., Inc. v. Wal-Mart Stores, Inc., (2d Cir. 1998; Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Bros., Inc., U.S. 205 (2000).
8. Frehling Enter. v. Int'l Select Group (1 th Cir. 1999); Blue Bell Bio-Med. v. Cin-Bad, Inc. (5th Cir. 1989).
9. Lois Sportswear, U.S.A., Inc. v. Levi Strauss & Co (2d Cir. 1986).

THE ROLE OF DEFENDANT'S INTENT IN DETERMINATION OF LIKELIHOOD OF CONFUSIONBETWEEN TRADEMARKS

S. Grigoryan

ABSTRACT

The article discusses the role and nature of defendant's intent in determination of likelihood of confusion in case of parallel use of two trademarks.
The author examines the nature of the factor, the history of it's formation in US law and the possibility of it's application to determine the likelihood of confusion between trademarks.
Keywords: trade mark, exclusive right, likelihood of confusion, defendant's intent.

ՊԱՏԱՍԽԱՆՈՂԻ ՄՏԱԴՐՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸԱՊՐԱՆՔԱՅԻՆ ՆՇԱՆՆԵՐԻ ՄԻՋԵՎ ՇՓՈԹՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՋԱՑՄԱՆ ՎՏԱՆԳԻ ՈՐՈՇՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ

Ս.Ս. Գրիգորյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում է երկու ապրանքային նշանների զուգահեռ օգտագործման դեպքում շփոթության առաջացման վտանգի որոշման գործընթացում պատասխանողի սկզբնական մտադրության չափանիշի դերնու նշանակությունը:
Հեղինակի կողմից ուսումնասիրվում է պատասխանողի մտադրության չափանիշի բովանդակությունը, դրա ձևավորման պատմությունը ԱՄՆ իրավունքում և շփոթության առաջացման վտանգի չափանիշի տեսանկյունից դրա կիրառելի լինելու հանգամանքը:
Հիմնաբառեր՝ ապրանքային նշան, բացառիկ իրավունք, շփոթության առաջացման վտանգ, պատասխանողի մտադրություն:

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА АРМЕНИИ

Т.А. Зограбян

Российско-Армянский университет
tigran_zohrabyan@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

Издревна в различных культурах присутствовали социально-установленные нормы, закрепляющие и регулирующие отношения между врачом и пациентом, их «неписанные» права и обязанности по отношению друг к другу, профессиональные соглашения, основанные на этических началах, между врачами, межгосударственные пакты, конвенции, хартии и другие документы, направленные на создание эффективных механизмов по обеспечению реализации права на охрану здоровья. Все вышеперечисленные нормы, совершенствуясь и аккумулируясь, дошли до нас и получили свое отражение в различных нормативно-правовых актах, регулирующих сферу здравоохранения. Данный исторический путь развития правового регулирования медицинской деятельности и будет кратко представлен в данной статье.

Ключевые слова: источники, медицинская услуга, система здравоохранения, правовое регулирование, законодательство, рынок медицинских услуг, нормативное регулирование, рецепция права, врачебная ответственность.

На протяжении всего человеческого развития поколения обращались к прошлому, к верифицированным историей культурным ценностям, чтобы понять настоящее и очертить вектор дальнейшего продвижения. Подобное массовое поведение на протяжении истории не является рефлексорным следованием закоренелых обычаев, а, наоборот, осознанным осуществлением естественных потребностей каждого поколения. В частности, для Армении культура, наука и религия, являясь неотъемлемой составной национальной идентичности, на протяжении десятков веков способствовали формированию, поддержанию и становлению нации, возникшей еще в XIII века до н.э. на территории Армянского нагорья [1]. Медицина, являющаяся неотъемлемой частью культуры Армении, своими корнями уходит вглубь веков и имеет 3000-летнюю историю [2]. Об этом нам дают возможность рассуждать этнографические исследования, бесценные манускрипты и труды великих на различных языках, хранящиеся в Институте древних рукописей Еревана – Матенадаране, а также данные археологических раскопок, свидетельствую-

щих о высоком уровне развития врачебного искусства в древней Армении. На ряду с развитием медицины уделялось должное, соразмерное общественным нуждам времени внимание регулированию деятельности представителей сферы.

Говоря о наследии прошлых веков, оказавшем значительное воздействие на развитие как сферы медицины, так и ее регулирования, следует отметить, что источники, которые определяли, наставляли, направляли лиц, осуществляющих врачебную деятельность, носили, в основном, доктринальный характер. Однако в 1184 году вышел в свет первый армянский светский судебник «Свод законов церковных и гражданских, главным образом на основании кодексов Феодосия и Юстиниана», составленный выдающимся мыслителем и государственным деятелем Мхитарем Гошем. Данный судебник, как наставляет наименование, был составлен на основе рецепированных византийских законов, церковных канонов и обычаев, традиций армянской реалии того времени. Судебник включал 254 правовых статей, в том числе и относящихся к медицинской области, в частности, судебной медицине. Данный свод законов вошел в обязательную силу в XIII веке в Киликийской Армении. Популярность Судебника перешла и в соседние государства, где свод законов Гоша занял почетное место в деле составления национальных сводов законов. К примеру, в XVIII веке Судебник был заимствован грузинским царем Вахтангом VI в качестве составной части грузинского сборника законов, составленного царем. В 1832 году неполный перевод труда Гоша был включен в первое издание Свода законов Российской империи.

Нормы Судебника относились как к установлению ответственности врача, так и определению физического ущерба, нанесенного пострадавшему лицу, и вину лица, нанесшего вред вне рамок медицинской деятельности. Например, нормы Судебника в случае выкидыша плода у беременной женщины в следствие удара предусматривали возможность исследования как плода, так и самой пострадавшей с целью выявить причинно-следственную связь между ударом и прерванной беременностью, и понять не наблюдались ли у пострадавшей какие-либо иные заболевания, повлиявшие на подобный исход [3]. Более того, определялся срок беременности, влияющий на установление тяжести наказания преступника. Там же содержались нормы, в соответствии с которыми участие врачей в расследовании преступлений было обязательным в определенных случаях. Более того, Гош в Судебнике вводит понятия умышленных и неумышленных преступлений, закрепляет закрытые перечни случаев нанесения вреда здоровью, которые следует отнести к той или иной категории преступления, а также устанавливает меры ответствен-

ности и наказания за каждое из них. Таким образом, ст. 243 Судебника «Об ответственности врачей» устанавливается следующее: «Многие из врачей наносят немало вреда или тем, что испытывают лекарства на других; или злоумышленно убивают лекарствами; или по невежеству дают больному вредоносное лекарство; или по неопытности своей не умеют распознавать болезни и вследствие этого причиняют смерть больному; или относятся к больному беспечно и причиняют вред больному из-за того, что не получают платы в ожидаемом ими размере; или из зависти к своим ученикам обучают их неправильно, ученики же со своей стороны по незнанию творят много бед; или же врачи сами или через своих учеников вводят в больных пороки других болезней, – все эти преступления мы признаем умышленными.

Неумышленно же, когда вред происходит от беспечности лиц, ухаживающих за больными, или от самого же больного, или, когда больного лечат не по указаниям врача; или же когда врач не может явиться к больному вследствие какой-либо крайней необходимости и умирает больной, или когда врач сознательно дает лекарство жизни, но оно вызывает смерть.

Точно таким же образом надо судить и в случаях врачевания путем удаления и прижигания больной части тела.

Врачи, виновные в умышленном убийстве, если вред, причиняемый ими, обнаружится (не по их признанию), подлежат суду уголовному; если же вред станет известным вследствие их признания – предаются эпитимии, установленной для умышленного убийства. Врач, причинивший вред неумышленно, освобождается от ответственности обоих видов (уголовного и церковного). Смешанное же преступление (умышленное и неосторожное, неумышленное) карается по обоим видам ответственности» [4].

Аналогичная норма, в частности, установления ответственности врача, прослеживается и в «Судебнике» (Общие церковные и мирские законы и каноны) Смбата Спарапета, именуемого Гундстабль. Данная норма отражается в ст. 179 «О врачевании в пользу излечения людей», гласящей: «Врачебное искусство – великое дело, необходимое для исцеления людей, однако множество убийств происходит вследствие ошибочного его применения. Происходит это иногда преднамеренно, иногда бывает оттого, что врач несведущ и не узнает болезнь, вследствие чего убивает больного; или он завидует коллеге и поэтому вызовет смерть; или же это происходит потому, что врачи выпускают своих учеников преждевременно, еще незрелыми, и дают им полномочия. Очень часто причиной смерти является то, что врачи путают одни болезни с другими; и все подобные случаи перед законом считаются преднамеренным убийством.

Частично же вина – на стороне больного: либо вследствие непослушания больного, или от питания, или от работы, или от прочих подобных причин, или она происходит от нерасторопности служителей больницы.

И может еще случиться, что врач очень занят и, совершая непоправимую ошибку, не пойдет к больному или же даст лекарство для облегчения, а оно вызовет ухудшение; то же самое может произойти и от вскрытия, удаления или прижигания раны.

Все это надо расследовать и уточнить; если ошибка совершена преднамеренно или по небрежности, то сделавший ее должен поплатиться жизнью, как виновник смерти. Но если ошибка невольная, в чем сам он признается, то он подлежит покаянию. А если дело попадет в суд и будет доказано, что ошибка совершена не по умыслу и неслучайно, но находится посередине, то его надо по заслугам присудить к денежному штрафу и тюрьме для устрашения и напоминания об осторожности другим» [5].

Основываясь на двух выше представленных нормах, можно заключить, что в армянской действительности XII–XIII вв. признанию вины и ответственности придавалось большее значение, чем оно могло иметь в качестве судебного доказательства [6].

В Судебнике Гундстабля имелась также норма, устанавливающая бесплатный и общедоступный характер медицинской помощи, отраженный в ст. 44 «Об уставе больниц»: «Там, где имеется больница, не положено взимать подати ни с больного, ни с обслуживающих. В противном случае это рассматривается как ограбление Христа» [7]. Данное положение доступности медицинской помощи в виде ответственности государства получила своё конституционное отражение в 1773г. В Конституции Армении, составленной Шаамиром Шаамиряном ст. 140 (162), устанавливается: «В стране армянской государство берет на себя обеспечение населения лекарствами и бесплатным лечением, содержание бедноты» [8]. Там же представлены нормы поощрения и обязанности врачей оказать помощь, а также санкции в случае гибели больного. К примеру: Ст. 207 (227) «Акушеры, сумевшие предотвратить опасность для жизни дитя или роженицы при сложном течении родов, вознаграждаются Домом Армении одним дахеканом серебра» [9]; ст. 208 (228). «Врач, спасший жизнь смертельно больного, вознаграждается Домом Армении одним дахеканом серебра». [10]; ст. 209 (229). «Врачи и акушеры, допустившие гибель слабых здоровьем людей, особенно роженицы и новорожденного, лишаются зарплаты и денег на лекарства» ст. 210 (230). «Врачи и акушеры обязаны оказать скорую помощь больному по первому зову».

Также в «Конституции Армении» Шаамиряна прослеживается статья, устанавливающая смертную казнь за убийство лекарственными средствами: ст. 279 (468) «Аптекарям, использующим лекарства для умерщвления людей, – смерть» [11]. Однако следует отметить, что норма является общей и не разграничивает было ли умерщвление «эвтаназией» в нынешнем понимании, умышленным убийством в иных целях либо по неосторожности или незнанию аптекаря.

С дальнейшим общественным развитием можно проследить все большее внимание к публичному, административному регулирования не только медицинской деятельности, но и здравоохранения в целом. К примеру, в рамках структуры Центрального национального управления, установленной в Национальной конституции армян (Османской империи) 1863г., в перечне, состоящем из семи национальных и попечительских советов, образованных Гражданским собранием, входит Попечительство больниц. Таким образом, согласно ст. 51 параграфа 7: «Попечительство больницы состоит из девяти человек, которых большинством голосов избирает Гражданское собрание. Двое из них должны быть дипломированными врачами.

Роль попечительства – управление хозяйством национальной больницы, доходами с ее собственных поместий и пособиями из Национального бюджета. Это заведение делится на четыре отделения: одно – для лечения бедных, второе – для призрения старых и больных. Третье – для лечения душевнобольных, а четвертое – для воспитания сирот и беспризорных детей. Здание больницы должно быть построено по канонам здравоохранения. Попечительство больницы ответственно за хозяйство заведения перед Хозяйственным советом, за воспитательную работу – перед Учебным советом, а в определенные промежутки времени эти советы обязаны представить отчет о своей деятельности» [12].

Таким образом, представленный высокий уровень развитости как самой медицинской деятельности, так и правовой мысли был перенят соседними странами как на государственном уроне заимствования достижений правовой науки, регулирующей сферу, так и на уровне мигрирующих врачей, спасавшихся от набегов, войн и попыток истребления недавно сформировавшихся народов в регионе. Негативное последствие воздействия последних отразилось помимо трагических человеческих жертв и на темп развития культуры и науки Армении на протяжении длительного периода, завершившегося вступлением страны в СССР.

Таким образом, до 1991 года действовала система здравоохранения СССР с всецелым государственным контролем, финансированием, регламен-

тированием и установленными общеобязательными нормативами оказания медицинской помощи. Советское влияние на систему здравоохранения Республики Армения было настолько значимо и велико, что после получения Независимости трудно выявить какие-либо другие традиции в области здравоохранения как советские. В основном, данное воздействие выражается в том, что Армения являлась преемником высокоцентрализованной системы, известной модели Семашко. Модель основана на гарантированном бесплатном предоставлении медицинской помощи всему населению, следовательно, доступность являлась неотъемлемой характеристикой этой системы. Основным достоинством системы Семашко была способность справиться с массовыми эпидемиями ввиду своей централизованности. Важно отметить тот факт, что данная система была одной из тех немногих сторон советского наследия, которые признались эффективными со стороны западных капиталистических стран [13].

Однако так же, как и в любой другой, в данной системе были *изъяны*: лечение не было стандартизировано; ввиду бесплатного характера медицинских услуг, производились неофициальные платежи со стороны больных для определенных целей (выявить благодарность, привлечь более интенсивное внимание к себе и т.д.); радикальные ограничения в выборе пациентами врачей и каких-либо мест лечения, кроме своих приписанных поликлиник; отсутствие ответственности у больных за собственное здоровье (ввиду бесплатного наличия широкого спектра услуг, граждане с беспечностью относились к своему здоровью, игнорируя профилактические проверки); отсутствие какого-либо материального стимула к повышению качества лечения у медицинского персонала.

И все это было перенято и легло в основу здравоохранительной системы Армении, которая после получения независимости оказалась в неблагоприятном состоянии. Выход из состава СССР, получение независимости, конфликт в Нагорном Карабахе, транспортная и энергетическая блокады, катастрофическое землетрясение 1988 года, спад и экономический коллапс, энергетический кризис – все это привело к коллапсу социально-политического, экономического состояния Армении, что, несомненно, в свою очередь, привело к ухудшению состояния здоровья населения. В условиях усугубляющегося экономического кризиса и стихийного перехода к рыночной модели экономики, учитывая дороговизну обслуживания существующей системы здравоохранения, стало практически невозможным обеспечение бесплатного гарантированного медицинского обслуживания для всех граждан.

Все вышеперечисленное обусловило неизбежность реформирования системы здравоохранения. Коротко об их последовательности. В первую очередь, 1994 год, реформированию подверглось медицинское образование, был установлен механизм оплаты за лечение и были узаконены платежи врачам. Последовали реформы в структуре здравоохранения: разделение управления больницами и поликлиниками; реорганизация всех государственных медицинских учреждений в акционерные компании гос. формы собственности; ограничения некоторых функций Министерства здравоохранения; создание Государственного агентства здравоохранения (ГАЗ), выполняющего функции финансирования данной сферы [14]. Данные шаги явились фундаментом децентрализации рынка медицинских услуг. Далее последовал процесс приватизации, начиная с аптек и стоматологических клиник до больниц (в совокупности более двухсот). Помимо данных областей сферы здравоохранения, стоял вопрос необоснованно огромного количества больничных коек, во многом превосходившего потребности страны, и несоразмерного с потребностями населения количества готовящихся медицинских кадров.

Итак, основные изменения, привнесенные реформами в области здравоохранения, следующие: 1) децентрализация бывшей структуры, деятельность Министерства Здравоохранения кардинально ограничивается, переходом от функций управления и планирования на регулирование, мониторинг и выдачу лицензий; 2) бремя оплаты переходит от государства к пациентам; 3) оплата лечащего персонала становится зависимой от объема и качества их работы; 4) больницы становятся самофинансируемыми, автономными субъектами; 5) появление перспектив развития частной медицины: страхование, контракты и т.д.

Данные реформы во многом улучшили некоторые аспекты рынка медицинских услуг Армении, но еще далеко не усовершенствовали его. Частичное улучшение системы здравоохранения также, в свою очередь, привело к неожиданным результатам. Ознакомимся с ними ниже: к примеру, изменение статуса медицинских учреждений (от государственных, централизованных к экономически независимым частным или государственным предприятиям, далее к закрытым акционерным обществам) во взаимодействии с административно-территориальным делением республики привело к значительному и существенному ослаблению механизмов контроля качества со стороны государства и управления системы здравоохранения. Приватизация медучреждений привнесла недоступность медицинских услуг для определенных слоев населения ввиду их платного характера. В результате – наблюдается значительное снижение спроса населения на медицинские услуги в

связи с низкой покупательной способностью и отсутствием государственного медицинского страхования. Был неосознанно создан крупный раскол между различными уровнями медико-санитарной помощи (республиканских, областных, сельских), что явилось весьма неблагоприятным последствием децентрализации медицинского рынка. Также в ходе реформ сильное негативное воздействие на сферу здравоохранения оказало изменение пяти министров здравоохранения, которые, в свою очередь, приходя к власти, изменяли свои рабочие группы, внедряли свои команды, изменяли направление реформ, привносили свое видение и представление о будущем системы здравоохранения.

С распадом СССР был осуществлен болезненный, но передовой переход системы здравоохранения к следующей фазе развития. Появились иные источники финансирования, начала развиваться страховая медицина, отношения стали основываться на товарно-денежном обороте, и, наконец, сформулировалось понятие «медицинская услуга», подразумевавшее правоотношения, основанные на взаимном согласии и осуществляемые на платных основах. Понятие «пациент» отчасти стало заменено понятием «потребитель медицинских услуг». Появилось различие между понятиями «оказание медицинской помощи», носящее в себе гуманный, общесоциальный, безвозмездный характер, и понятием «оказание медицинской услуги», подразумевавшее экономические отношения между производителем и потребителем. Данный переход не был однозначно принят многими учеными 90-х, выступившими в своих трудах с подобными утверждениями: «К сожалению, в связи с охватившей общество рыночной эйфорией и бездумной имплантацией рыночных отношений в здравоохранение, разница между медицинской помощью и медицинской услугой в общественном сознании целенаправленно стирается. Врач ставится на одну доску с парикмахером и другими представителями коммунально-бытовых услуг, чем попирается святость врачевания, его гуманизированная жизнесохраняющая, общесоциальная функция» [15]. Распад СССР с последующей неспособностью эффективной организации и поддержания системы здравоохранения со стороны государства ввиду дефицита ресурсов и централизованного влияния послужил причиной формирования предпринимательства на рынке медицинских услуг на территории РА.

Переходя к РА, в первую очередь, следует отметить документ, обладающий высшей юридической силой внутри страны, – Конституция РА от 06.12.2015г., гласящей: «Республика Армения – суверенное, демократическое, социальное, правовое государство» [16]. Государство как социально-ориентированная организация политической власти берет на себя функцию по обеспечению качества жизни населения, в том числе по охране здоровья.

Иными словами, государство обязуется различным комплексом мероприятий создать, регулировать и поддерживать систему, обеспечивающую наивысший достижимый уровень физического и ментального здоровья населения. Далее ст. 85-ой Конституция РА устанавливается право каждого на охрану здоровья [17]: «Каждый в соответствии с законом имеет право на охрану здоровья. Законом устанавливается перечень и порядок оказания основных бесплатных медицинских услуг».

Данные конституционные положения являются фундаментом правового регулирования предоставления медицинских услуг в РА, надстройкой же выступают законы и подзаконные акты. Таковыми являются: Закон РА «О медицинской помощи, обслуживании населения», принятый 04.03.1996, являющийся одним из наиболее важнейших и общеохватывающих, в частности, для рынка медицинских услуг РА и системы здравоохранения в целом, поскольку данный закон определяет основные понятия, устанавливает права человека в области осуществления медицинской помощи и обслуживания, вводит перечень лиц, уполномоченных осуществлять медпомощь, обуславливает их деятельность, устанавливает права и обязанности последних, раскрывает отдельные виды и формы различных организаций медпомощи и обслуживания населения; Решение Правительства от 4 марта 2004 года № 318-Н, устанавливающее порядок организации гарантированной государством бесплатной или льготной медицинской помощи в рамках госзаказа и записи граждан в очередь, а также порядок оказания и способы финансирования подобных мероприятий и т.д. В области регулирования рассматриваемой нами сферы важное место занимают следующие нормативно-правовые акты: Закон РА «О трансплантации органов и (или) тканей человека», от 16.04.2002, Закон РА «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека», от 11.12.2002, Закон РА «Об обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения РА» от 16.11.1992, приказы Министерства здравоохранения РА, а также иные гражданско-правовые акты регулирования рынка медицинских услуг.

Названные законы как регуляторы общественных отношений выполняют наиважнейшую роль в процессе создания эффективной системы здравоохранения в стране, тем же временем они носят более локальный, внутригосударственный характер, следовательно, с целью получения всеобщей картины источников правового регулирования рынка медицинских услуг необходимо рассмотреть такие глобальные акты, как: международные соглашения, декларации и конвенции. Итак, порядок оказания медицинской помощи, а также иные аспекты рынка медицинских услуг и системы здравоохранения

в целом, регулируются рядом нормативно-правовых актов РА, которые являются абстракцией от международных договоров. Наиболее важные из них следующие: Европейская социальная хартия от 3 мая 1996г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966г.; Конвенция №102 о минимальных нормах социального обеспечения от 28 июня 1952г.; Лиссабонская декларация о правах пациента от сентября/октября 1981г.; Международный кодекс медицинской этики от октября 1949 года. Итак, рассмотрим каждый в отдельности.

В порядке очередности, представленной выше, рассмотрим первой Европейскую социальную хартию от 3 мая 1996г. Частью I Европейской социальной хартии устанавливаются две основные статьи – право человека на охрану здоровья и право на социальную и медицинскую помощь. Право на охрану здоровья в рамках Европейской социальной хартии представляет собой право, присущее каждому человеку, пользоваться любыми средствами, позволяющими ему поддерживать свое здоровье в наилучшем возможном состоянии.

Так, ст. 11 Европейской социальной хартии устанавливает, что в целях обеспечения эффективного осуществления права на охрану здоровья стороны (страны-участники) обязуются принять, непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями, соответствующие меры, направленные, в частности, на:

1) устранение, насколько это возможно, причин нездоровья;

2) предоставление услуг консультационного и просветительского характера, направленных на укрепление здоровья и здорового образа жизни и на развитие чувства личной ответственности за свое здоровье;

3) предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний, а также несчастных случаев.

Право на социальную и медицинскую помощь в рамках Европейской социальной хартии представляет собой право каждого человека, не имеющего достаточных материальных средств, получать социальную и медицинскую помощь.

Ст. 13, которая посвящена праву на социальную и медицинскую помощь, гласит, что в целях обеспечения эффективного осуществления права на социальную и медицинскую помощь, стороны обязуются: 1) обеспечить, чтобы любому лицу, которое не имеет достаточных средств к существованию и которое не в состоянии ни добыть их своими собственными усилиями, ни получить их из других источников, в частности, за счет выплат в рамках системы социального обеспечения, предоставлялась соответствующая по-

мощь, а в случае болезни – уход, необходимый в его состоянии; 2) обеспечить, чтобы лица, пользующиеся подобной помощью, не ущемлялись в этой связи в своих политических и социальных правах; 3) предусмотреть, чтобы каждый человек через посредство соответствующих государственных или частных служб мог получить такую консультативную и индивидуальную помощь, какие могут потребоваться, чтобы предотвратить, устранить или облегчить материальную нужду лично его и его семьи; 4) применять положения, указанные в пунктах 1, 2 и 3 настоящей статьи, на тех же условиях, что и к своим гражданам, к гражданам других Сторон, законно находящимся на их территории, в соответствии со своими обязательствами по Европейской конвенции о социальной и медицинской помощи, подписанной в Париже от 11 декабря 1953 года.

Обращая внимание на ст. 11 Европейской социальной хартии 1996г., нетрудно заметить, что для поддержания права на охрану здоровья требуется активное участие всех субъектов права. Активное участие физического лица в реализации права на охрану здоровья прослеживается в данной строчке: «…право каждого человека пользоваться любыми средствами, позволяющими ему поддерживать свое здоровье в наилучшем возможном состоянии…». Участие юридических лиц в виде образований, предоставляющих медицинские услуги (больницы, госпитали, медицинские центры, поликлиники, и т.д.) в основном прослеживается в пункте 2 ст. 11 «предоставление услуг консультационного и просветительского характера…» и пункте 3 той же статьи «предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний, а также несчастных случаев». Безусловно, все вышеперечисленное становится возможным для осуществления лишь при непосредственном содействии и сотрудничестве с государством. Еще более фундаментальное участие государства проявляется в ст. 13 о праве на социальную и медицинскую помощь, где последнее является ответственным за создание, деятельность и регулирование эффективного механизма, делающего доступным получение социальной и медицинской помощи всеми слоями населения. Данное разностороннее взаимодействие в пункте схождения интересов и образует эффективную систему здравоохранения.

Весьма идентичным (в рассматриваемом аспекте) с Европейской социальной хартией является Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый 16 декабря 1966 года, также признающий право индивида на охрану здоровья и меры, необходимые для реализации этого права, получившие свое отражение в ст. 12 вышеназванного пакта.

Согласно последнему, все государства, присоединившиеся к условиям данного пакта, обязаны обеспечить реализацию права индивида на охрану здоровья в соответствии со ст. 12 вышеназванного пакта, в соответствии со следующими условиями:

1. Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья.

2. Меры, которые должны быть приняты участвующими в настоящем Пакте государствами для полного осуществления этого права, включают мероприятия, необходимые для: 1) обеспечения сокращения мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка; 2) улучшения всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности; 3) предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними; 4) создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни [18].

Очередным документом, который необходимо рассмотреть, является Конвенция № 102 о минимальных нормах социального обеспечения от 28 июня 1952 года. В рамках данной Конвенции [19] следует выделить три основных раздела, устанавливающих порядок, случаи получения медицинской помощи и пособия, подлежащие выплате: медицинская помощь; пособие в случае трудового увечья или профессионального заболевания; пособие по беременности и родам. В рамках данной конвенции устанавливаются социально-ориентированные, гуманные условия предоставления медицинской помощи профилактического или лечебного характера и круг лиц, имеющих право на получение пособий, создающие минимальный уровень социального обеспечения в странах-участницах данной Конвенции.

Право на охрану здоровья является комплексом мер и взаимоотношений пациента и врача. С обеих сторон присутствуют взаимные права и обязанности. В арсенале международных договоров есть в наличии два весьма весомых, устанавливающих этических, моральных и общественно приемлемых норм поведения пациентов и врачей: «Лиссабонская декларация о правах пациента» и «Международный кодекс медицинской этики». Следует заметить соответствие прав одной стороны обязанностям другой и, наоборот.

Итак, Лиссабонская декларация о правах пациента от октября 1981 года [20] устанавливает шесть основных прав пациента, согласно которым, врач должен действовать в интересах пациента сообразно своей совести, с учетом юридических, этических и практических норм той страны, где он

практикует. Данная «Декларация» утверждает основные права, которыми, с точки зрения медицинского сообщества, должен обладать каждый пациент.

Если в какой-либо стране положения законодательства или действия правительства препятствуют реализации нижеперечисленных прав, врачи должны стремиться всеми доступными способами восстановить их и обеспечить их соблюдение. Согласно декларации, выделяются следующие основные права: 1) пациент имеет право свободно выбирать врача, 2) пациент имеет право получать помощь врача, независимого от посторонних влияний в своих профессиональных медицинских и этических решениях, 3) пациент имеет право, получив адекватную информацию, согласиться на лечение или отказаться от него, 4) пациент имеет право рассчитывать на то, что врач будет относиться ко всей медицинской и личной информации, доверенной ему, как к конфиденциальной, 5) пациент имеет право умереть достойно, 6) пациент имеет право воспользоваться духовной или моральной поддержкой, включая помощь служителя любой религиозной конфессии, или отклонить ее [21].

Международный кодекс медицинской этики [22], принятый в октябре 1949 года, является следующим по очередности представления источником, в котором закреплены общие обязанности врачей ниже представленным образом: 1) врач обязан всегда поддерживать наивысшие профессиональные стандарты, 2) принимая профессиональные решения, врач должен исходить из соображений блага для пациента, а не из собственных материальных интересов, 3) вне зависимости от профессиональной специализации, врач должен ставить во главу угла сострадание и уважение к человеческому достоинству пациента и полностью отвечать за все аспекты медицинской помощи, 4) врач должен быть честен с пациентом и коллегами. Он не имеет права покрывать коллег, обманывающих своих пациентов, 5) врач должен уважать права пациента, коллег, других медицинских работников, а также хранить врачебную тайну, 6) врач может осуществить вмешательство, способное ухудшить физическое или психическое состояние пациента лишь в интересах последнего, 7) врач должен быть крайне осторожен, давая информацию об открытиях, новых технологиях и методах лечения через непрофессиональные каналы, 8) врач должен утверждать лишь то, что проверено им лично.

С нормами медицинской этики не совместимы: 1) самореклама, если она специально не предусмотрена законами страны и этическим кодексом Национальной Медицинской Ассоциации; 2) выплата врачом комиссионных за направление к нему пациента, либо получением платы или иного вознаграждения из любого источника за направление пациента в определенное

лечебное учреждение к определенному специалисту или назначение определенного вида лечения без достаточных медицинских оснований.

В рамках обязанностей врача по отношению к больному выделяются: 1) с целью сохранения здоровья и жизни пациента врач должен использовать весь свой профессиональный потенциал. Если необходимое обследование или лечение выходит за уровень возможностей врача, он должен обратиться к более компетентным коллегам; 2) смерть больного не освобождает врача от обязанности хранить врачебную тайну; 3) оказание ургентной помощи – человеческий долг врача.

В рамках же обязанностей врача по отношению друг к другу выделяются: 1) по отношению к своим коллегам врач должен вести себя так, как он хотел бы, чтобы они вели себя по отношению к нему; 2) врач не должен переманивать пациентов у своих коллег; 3) врач обязан соблюдать принципы Женевской Декларации, одобренной Всемирной Медицинской Ассоциацией [23].

Данные положения «Лиссабонской декларации о правах пациента» и «Международного кодекса медицинской этики» нашли свое отражение в положениях ГК РА и ряде законов, из которых наиболее относимым со сферой исследования является Закон РА «О Медицинской помощи, обслуживания населения», принятый 04.03.1996. Также следует отметить законопроект РА «О здравоохранении» от 08.02.2005 года, прошедшего первое чтение, отражающий положения ряда выше представленных международных договоров. Точнее в нем получили отражение права и обязанности медицинских учреждений, медработников, а также права человека в сфере здравоохранения. Также в данном законопроекте закреплено такое понятие, как «медицинская этика». Наряду с данным законопроектом, «Лиссабонская декларация о правах пациента», принятая в октябре 1981 года, и «Международный кодекс медицинской этики», принятый в октябре 1949 года, являются фундаментальными началами для дальнейшего создания профессионального кодекса поведения врачей, известного на западе как “Professional Code of Conduct”, и исходными положениями для полноценного регламентирования качества. Отсутствие последнего, прямым образом связано с такими пробелами в сфере, как: отсутствие лицензирования физических лиц, отсутствие единиц стандартов диагностики и лечения, отсутствие тщательного контроля за деятельностью и состоянием медучреждения после предоставления лицензии. Весьма важно отметить, что в нашей стране отсутствуют регламентированные единицы стандартов диагностики и лечения, что означает: излишняя повышенная индивидуальная ответственность ложится на врача, ввиду единолич-

ного установления диагноза и назначения дальнейшего лечения. Данный принцип некоторые врачи, в особенности старой школы, принимают, говоря: «каждый больной требует индивидуального подхода», но в большинстве стран с развитой системой здравоохранения существуют стандарты и критерии для диагностики больных и назначения лечения. В таком случае при правильном диагностировании, следуя стандартам, в случае непредвиденных обстоятельств (осложнения, смерть) ответственность не возлагается на врача, поскольку он действовал по-пунктно, следуя стандартам, как инструкции. Данная система может сперва показаться менее гуманной, но взамен она обеспечивает юридическую защиту врачей, являющихся уязвимыми в данном аспекте при нынешней системе.

Следует отметить, что вышепредставленные статьи Конституции и Международных договоров являются правовым базисом для дальнейшей надстройки в виде правовых регуляторов сферы здравоохранения. Безусловно, большинство норм, представленных выше, нашли свое фактическое отражение во внутренних нормативно-правовых актах РА, таких, как: Гражданский Кодекс РА, Закон РА «О Медицинской помощи, обслуживания населения», Закон РА «О защите прав потребителей», законопроект РА «О здравоохранении», прошедший первое чтение, и т.д. Однако весьма важно обратить внимание на проблему неполноценности, некомплементарности и не взаимосвязанности нормосодержащих официальных документов. Следствием чего и является наличие проблем, связанных с правовым регулированием рынка медицинских услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. С. 237.
2. *Варданян С.А., Асланян А.С.* История медицины: Учебное пособие для преподавания на всех факультетах I курса бакалавриата ЕрГМУ им. Мхитара Гераци / С.А. Варданян, А.С. Асланян. Ер.: ЕрГМУ им. Мхитара Гераци, 2017. 239 с. С. 109.
3. *Паповян А.А.* Армянский Судебник Мхитара Гоша (пер. с древнеарм. яз.). Ер.: Изд-во Ереванского ун-та, 1954.
4. *Авакян Р.О.* Памятники армянского права. Ер.: «ЕФ МНЮИ-XXI ВЕК», 2000. 1019 с. С. 432.
5. Европейская обсерватория по системам здравоохранения. Системы здравоохранения в переходный период Армения. 2001г. С. 5 / Историческая справка.
6. Европейская обсерватория по системам здравоохранения. Системы здравоохранения в переходный период Армения. 2001г. С.74 / Реформы.
7. *Закирова С.А.* Модель цены медицинских услуг // Здравоохранение Российской Федерации. 1996. № 5. С. 25.

8. Конституция Республики Армения с изменениями. Принята 06.12.2015г. // Ст. 1.
9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966г.
10. Конвенция № 102 о минимальных нормах социального обеспечения от 28 июня 1952 года. Женева, Швейцария. Принята 34-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь/октябрь 1981.
11. Лиссабонская декларация о правах пациента. Принята 34-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь/октябрь 1981. Принят 3-ей Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария, в октябре 1949 года, дополнен 22ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983г.
12. Международный кодекс медицинской этики. Принят 3-ей Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария, в октябре 1949 года дополнен 22-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия в октябре 1983г.

LEGAL REGULATION OF MEDICAL ACTIVITY IN HISTORICAL AND MODERN SOURCES OF THE LAW OF ARMENIA

T. Zohrabyan

ABSTRACT

Long since various socio-established norms regulating the relationship between the doctor and the patient, their "unwritten" rights and duties towards each other, ethic-based professional agreements between doctors, interstate covenants, conventions, charters and other documents existed in different cultures all around the world. All of the above, aimed at creating effective mechanisms to ensure the realization of the right to health, improving and accumulating, have reached us and are reflected in various legal acts that regulate the health care system. This historical path of development of legal regulation of medical activities will be briefly presented in this article.
Keywords: sources, medical service, health care system, legal regulation, legislation, medical services market, regulatory regulation, legal reception, medical liability.

ԲԺՇԿԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՈՒՄԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԵՎ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐՈՒՄ

Տ.Ա. Զոհրաբյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հնուց տարբեր մշակույթներում ներկա են եղել հասարակության կողմից հաստատված տարատեսակ նորմեր, որոնք ամրագրել եւ կարգավորել են բժշկի եւ հիվանդի փոխհարաբերությունները, նրանց «չգրված» իրավունքներն ու պարտականությունները միմյանց նկատմամբ, ներկա են եղել

նաև միջպետականդաշնագրեր, կոնվենցիաներ, կանոնադրություններ եւ այ լփաստաթղթեր, ուղղված մարդու առողջության իրավունքի արդյունավետ իրականացմանը: Բոլոր վերընշված մեխանիզմները, բարելավվելով եւ կուտակվելով, արտացոլվել են ներկայիս առողջապահական ոլորտը կարգավորող տարատեսակ իրավականակտերում: Հենց այս բժշկական գործունեության իրավական կարգավորման պատմական զարգացումն էլ համառոտ կներկայացվի սույն հոդվածում:

Հիմնաբառեր՝ աղբյուրներ, բժշկական սպասարկում, առողջապահական համակարգ, իրավական կարգավորում, օրենսդրություն, բժշկական ծառայություններ, շուկայի կարգավորում, օրինականացում, բժշկական պատասխանատվություն:

УДК-4414

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА РАБОТЫ, СГЕНЕРИРОВАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Л.А. Саргсян

Российско-Армянский университет
levonsargsian@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Акт созидания традиционно связывается с человеком, однако развитие искусственного интеллекта бросает вызов устоявшемуся мнению.

Когда компьютер генерирует музыкальные произведения, художественные картины, сочиняет стихи, возникает вопрос, кому же в этом случае принадлежит авторское право на результаты интеллектуальной деятельности: создателю программы, собственнику программы, который его приобрел, или же самой программе?

В связи с развитием искусственного интеллекта, законодательство в сфере авторского права нужно развивать параллельно (в том числе и в Армении), чтобы определить, каким образом законодательство должно регулировать правоотношения, связанные с продуктами, сгенерированными искусственным интеллектом.

В рамках данной статьи изучен международный опыт и приведены основные подходы относительно распространения авторских прав на работы, сгенерированные искусственным интеллектом.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, искусственный интеллект, авторское право, общественное достояние, “sui generis”.

Алан Тюринг в своей знаменитой работе 1950-ого года предсказал, что компьютеры достигнут уровня людей к 2000 году. Несмотря на то, что эта дата давно прошла, а компьютеры пока что не достигли уровня человека, предсказание великого ученого все еще помнится [1].

В связи с развитием технологий искусственного интеллекта перед обществом встают правовые вопросы, ответы на которые впоследствии повлияют на развитие как законодательства, так и самого общества.

Когда компьютер генерирует музыкальные произведения, художественные картины, сочиняет стихи, возникает вопрос, кому же в этом случае принадлежит авторское право на результаты интеллектуальной деятельно-

сти: создателю программы, собственнику программы, который его приобрел, или же самой прогамме?

Профессор Райан Эбботт является сторонником предоставления прав для нечеловеческих авторов и изобретателей. В недавно опубликованной статье он утверждает, что присвоение авторства не-людям (компьютерам) является новаторским способом поощрения роста ИИ. Как отмечается, такое решение не позволит работам, сгенерированным ИИ, попасть в общественное достояние и защитит инвестиции [2].

Однако такое решение, на первый взгляд, кажется противоречивым и может привести к неопределенному правовому будущему.

Акт созидания традиционно связывается с человеком, однако развитие искусственного интеллекта бросает вызов устоявшемуся мнению.

Вполне оправданным является то, что искусственный интеллект на данный момент не имеет прав и статуса человека. Но означает ли это, что работы, сгенерированные им самостоятельно и без вмешательства человека, которые обладают необходимыми для охраноспособности качествами, не должны защищаться вообще.

Искусственный интеллект уже используется для генерации различных работ (музыки, игр, журналистских статей и т.д.), и данные работы в теории не должны защищаться авторским правом, поскольку не созданы человеком.

Это означает, что данные работы могут свободно использоваться любым субъектом, что может стать плохой новостью для тех компаний, которые продают такие работы. Представьте, вы инвестируете миллионы в разработку системы, которая генерирует музыку и прочий коммерчески выгодный продукт, но он не защищается законом и может свободно использоваться любым.

Генерирование работ с использованием искусственного интеллекта может иметь важное значение в контексте развития авторского права. Традиционно вопрос с владением авторского права на работы, сгенерированные компьютером, не стоял, поскольку программа считалась инструментом, поддерживающим креативный процесс, на примере того же фотоаппарата, пианино и т.д.

В связи с развитием искусственного интеллекта компьютер перестал быть просто инертным инструментом и может самостоятельно генерировать креативные работы без непосредственного человеческого вмешательства.

В Бернской конвенции говорится, что страны, в которых применяется данная конвенция, образуют союз «для защиты прав авторов в своих литера-

турных и художественных произведениях» [3]. Однако Конвенция не определяет «автора».

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) рассматривала вопрос о защите «компьютерных произведений» в обсуждении возможного модельного Закона об авторском праве [4]. ВОИС определил компьютерную работу как созданную компьютером, где идентификация авторов невозможна из-за косвенного характера индивидуальных вкладов.

Первоначальным владельцем моральных и экономических прав в такой работе будет либо организация, «кем или по которой принимаются меры, необходимые для создания работы», либо организация», по инициативе и под ответственность которой или из которых эта работа создана и раскрыта». В заключение Комитет экспертов ВОИС завершил дальнейшее исследование, и модельный закон так и не был принят.

Исследование зарубежной практики показывает, что на сегодня существует 2 пути регулирования данной проблемы.

Либо работы, созданные ИИ, не защищаются авторским правом вообще, подпадая под концепцию общественного достояния, либо авторское право на подобные работы закрепляются за владельцами программ.

Общественное достояние, как правило, определяется как включающее интеллектуальные элементы, которые не охраняются авторским правом или, которые не пользуются такой охраной в связи с истечением срока охраны [5].

Еще 1974 году Конгресс США создал национальную комиссию относительно «Технологического использования произведений, защищенных авторским правом» (CONTU).

Комиссия определила, что «нет разумных оснований предполагать, что компьютер по какому-либо основанию удостоится права авторства на работу, сгенерированную с его помощью. Подобно камере и печатной машинке, компьютер просто инертный инструмент, способный функционировать только, когда прямо либо косвенно управляется человеком. При управлении же компьютер способен выдавать то, на что запрограммирован [6]».

Комиссия опубликовала окончательный рапорт в 1979 году, в котором отметила, что никаких изменений в рамках авторского права из-за новых работ, сгенерированных компьютерами, проводиться не будет. Комиссия отвергла возможность того, что охраноспособные работы могут быть сгенерированы компьютером независимо.

В заключении рапорта было установлено следующее.

Компьютер всего лишь инертный инструмент созидания,

Развитие искусственного интеллекта слишком умозрительно, чтобы об этом волноваться,

Нет разумных оснований предполагать, что компьютер по какому-либо основанию удостоится права авторства на работу, сгенерированную с его помощью.

Следует, однако, отметить, что в 1986 году Бюро технологической оценки Конгресса (ОТА) пересмотрело вопрос относительно возможности закрепления за компьютером авторских прав. В своем рапорте Бюро критически отозвалось о заключения Комиссии, что компьютер всего лишь инертный инструмент созидания, отметив, что развитие возможностей и функционала компьютера повышает возможность того, что компьютер каким-либо образом должен получить право соавторства [7].

Однако на сегодняшний день, согласно позиции Бюро авторского права США, «для регистрации авторства оригинальной работы необходимо, чтобы работа была создана человеком».

Данная позиция вытекает из прецедентного решения Верховного суда США, в котором указывается, что закон об авторском праве защищает только плоды интеллектуального труда, которые основаны на творческих способностях ума [8].

Творчество, таким образом, является ключевым элементом защиты авторских прав.

Более того, в вышеприведенном решении Суд процитировал дело Берроу-Джайлса и заявил, что «автор, утверждающий нарушение, должен доказать существование интеллектуального производства, мысли и концепции» [9].

Раздел 101 раздела 17 Кодекса США (далее «Закон об авторском праве») определяет анонимные работы как те, в которых ни один физический человек не идентифицирован как автор, который, по-видимому, предполагает, что автор обязательно является человеком.

По делу Naruto v. Slater (селфи обезьяны) от 28 января 2016 года Северный окружной Суд Калифорнии также отказал в признании права авторства за животным (обезьяной), добавив, что «Верховный Суд и Девятый окружной Суд при толковании и анализе Закона об авторском праве, в контексте возможности предоставления авторского права субъекту постоянно используют термин «лицо» и «человек» [10].

В Австралии Закон об авторском праве отличает оригинальные литературные, драматические, музыкальные и художественные произведения (часть III) и «авторское право на предметы, кроме произведений» (часть IV), такие, как трансляции или фильмы. Что касается первого, то в Законе уста-

навливается, что автор является квалифицированным лицом (раздел 32 (1)), что означает, что он либо она будет австралийским гражданином или лицом, проживающим в Австралии (раздел 32 (4)) – и, казалось бы, человеком [11].

Авторские же права в отношении трансляций или фильмов, кроме человека, могут наделяться также корпорации (раздел 84). Предусмотрительно в этой части Закона избегается слово «автор».

Прецедентное право Австралии подтверждает потребность в человеческом авторстве работы и связывает это с наличием защиты авторских прав.

Так, в деле Acohs [12], суд объявил, что произведения, созданные при вмешательстве компьютера, не могут быть защищены авторским правом, поскольку они не созданы человеком. Поэтому оригинальность требует, чтобы автор лично приложил некоторые интеллектуальные усилия при работе, которое, даже если оно низкое, направлено на конкретную форму выражения данной работы.

Европейский Суд правосудия (CJEU) неоднократно заявлял, в частности, в своем знаменательном решении Infopaq [13], что авторское право распространяется только на оригинальные работы и что оригинальность должна отражать «собственное интеллектуальное творение автора». Из этого вытекает, что оригинальная работа должна отражать личность автора.

Ссылки на необходимость отражения личности автора предположительно подчеркивают потребность в авторе-человеке произведения, поскольку личность может быть описана только как человеческий атрибут.

Напротив, ограничения (текущих) ИИ являются непреодолимыми и не позволяют им делать такие выборы вне рамок своей программы.

По делу Football Dataco CJEU заявил, что авторское право не будет существовать там, где работа была продиктована техническими соображениями, правилами либо ограничениями, отметив также, что в случае с ИИ, их «творения» все еще зависят от технических правил и программирования человека [14].

По делу PhilCollins/EMI Electrola [15] суд установил, что конкретный предмет авторского права и смежных прав «обеспечивает защиту моральных и экономических прав их владельцев». Кроме того, суд акцентировал внимание на авторском праве отдельного создателя, заявляя, что «существенная функция» авторского права заключается в «защите моральных прав в работе и обеспечении вознаграждения за творческие усилия» [16].

Это определение предполагает существование автора-человека и отчетливо отражает концепцию творца-человека.

Система гражданского права Франции, Испании и Германии в контексте авторского права требует неразрывной связи между человеческой креативностью и результатом работы.

Согласно регулированиям Швейцарского законодательства, только биологический человек, создавший работу, может считаться автором в контексте авторского права.

Согласно ч.1 и 2 ст. 1111 ГК РА, авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведения, а также способа его выражения. Произведение должно быть выражено в устной, письменной или иной объективной форме, допускающей возможность его восприятия. Согласно п. 5 статьи 1114 ГК РА, авторское право не распространяется на результаты, полученные с помощью технических средств, без творческого вклада человека.

Согласно ч.1 и 2 ст. 3 закона РА «Об авторских и смежных правах», объектом авторского права считается оригинальный результат творческого труда, осуществляемого самостоятельно или совместно с другими авторами в области литературы, науки и искусства (...). Согласно же статье 6-ой закона РА «Об авторских и смежных правах», автором признается физическое лицо, создавшее произведение. Данные правовые регулирования, как видно, также предполагают существование исключительно автора-человека.

Согласно ст. 1228, 1257, п. 1 ст. 1259 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, созданные творческим трудом, независимо от достоинства и назначения произведения, а также способа его выражения.

Из вышеперечисленных норм ГК РФ следует, что если гражданин-собственник ИИ никакого творческого труда непосредственно на этапе генерирования продукта не вкладывал (продукт возник вследствие автономной работы ИИ), то и признавать за ним авторское право будет не совсем правильным (выходящим за рамки правового регулирования).

Судебное же толкование относительно данного вопроса в РФ пока отсутствует.

Второй путь решения проблемы охраноспособности работ, созданных ИИ, по которому пошли такие страны, как Новая Зеландия и Великобритания, – это признание (и как следствие, защита авторского права) авторства за владельцем программы.

Этот подход лучше всего отражен в законе об авторском праве Великобритании, раздел 9 (3) Закона об авторском праве, дизайне и патентах (CDPA), в котором говорится: «В случае литературной, драматической, музыкальной или художественной работы, которая генерируется компьютером, автором будет считаться человек, с помощью которого принимаются меры, необходимые для создания работы».

Кроме того, раздел 178 CDPA определяет компьютерную работу как «работу, которая генерируется компьютером в обстоятельствах, при которых нет человека-автора работы». Идея такого положения заключается в том, чтобы создать исключение из всех требований к авторскому праву, признав работу, которая заключается в создании программы, способной генерировать работы, даже если творческая составляющая осуществляется машиной.

Новая Зеландия по существу использует аналогичный Великобритании подход. Авторское право распространяется на сгенерированную компьютером работу, а авторское право на подобные работы закрепляются за автором (человеком), с помощью которого принимались меры, необходимые для создания работы.

Следует отметить, что в странах, входящих в семью общего права, юридическое понятие «автор» рассматривается шире, нежели в правовых системах, основанных на традиции римского права.

Несколько стран включают в свои законы юридические фикции, согласно которым субъект авторского права может распространяться также и на нефизические лица.

То есть, когда речь идет о создании произведения на основании трудового договора по заказу или в целях его использования при изготовлении кинофильмов и других коллективных произведений, работодатель, заказчик, продюсер юридически признается автором и, соответственно, первоначальным правообладателем субъективных прав на указанный продукт.

Так, в США § 201b Закона об авторском праве от 1976г. гласит: «В случае создания произведения по найму наниматель или другое лицо, для которого создавалось произведение, считается автором в смысле настоящего закона и, если стороны специально не предусмотрели иное в подписанном ими документе, обладает всеми правомочиями, составляющими авторское право [17]. Такая фикция, когда автором признается лицо, не внесшее творческого вклада в создание художественного произведения, получила в доктрине название «концепция работы по найму».

Последняя особенно развита в Соединенных Штатах, где американскому производству кинофильмов, издательской и полиграфической индуст-

риям крайне невыгодно, чтобы создатели произведений сохраняли за собой не только имущественные, но и личные неимущественные права. В соответствии с концепцией работы по найму все лица, участвующие в производстве, например, кинофильма, даже те, кто подал идею сценария, и режиссеры являются контрактными наемными работниками. Если соглашением о найме на работу не предусматривается иное, то компании-обладателю авторского права позволяется изменять произведение вне зависимости от интересов тех лиц, чьим творческим трудом оно создано. «Редко встречается участник создания кинофильма, – отмечается в американской литературе, – который настоял или может настоять на сохранении контроля над окончательным продуктом после выпуска его на экран» [18].

Однако полагаем, что режим выполненных работ не может содержать творчества ИИ: поскольку взаимосвязь между создателем ИИ и ИИ не соответствует характеристике как создателя-комиссара или работодателя-работника (не в последнюю очередь потому, что работник или агент имеет законные права и обязанности по соглашению с работодателем / комиссаром).

В мае 2016 года Комитет по правовым вопросам Европейского парламента в рамках дискуссии касательно авторских прав в области робототехники, среди прочего отметил, что созданные компьютерами или роботами интеллектуальные продукты [19] должны быть обеспечены защитой – очевидно, воспринимая конкурентное преимущество в расширении рамки на создание машин. Этот постулат был повторен Европейским парламентом на пленарном заседании 24 января 2017 года [20].

В контексте защиты работ, сгенерированных ИИ, можно рассмотреть и вопрос о предоставлении права “sui generis”, также, как законодательный орган ЕС решил сделать для создателей баз данных. Общим обоснованием здесь являлась необходимость защиты инвестиций. Однако следует отметить, что введение нового права “sui generis” в правовом порядке должно быть тщательно проработано. В Докладе об оценке Директивы по базам данных признается, что экономические последствия права “sui generis” на защите базы данных не доказаны и что положения “sui generis” вызвали «значительную юридическую неопределенность» [21]. Европейский парламент принял меры и призвал Комиссию отменить Директиву базы данных [22].

В настоящее время технологии продолжают динамично развиваться, следовательно, законодательство в сфере авторского права нужно развивать параллельно (в том числе и в Армении), чтобы определить, каким образом законодательство должно регулировать правоотношения, связанные с продуктами, сгенерированными ИИ.

В настоящее время система ИИ просто не вписывается в существующую структуру правового регулирования. Как показывает вышеприведенная зарубежная практика, решение заключалось в том, чтобы найти человека либо юридическое лицо, стоящего за творческим процессом. Полагаем, что данное решение, в конечном итоге, является промежуточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alan M.* Turing, Computing, Machinery and Intelligence, Mind, 1950. PP. 433–460.
2. *Abbott R.* I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law, 57 B.C.L. REV. 1079, 2016.
3. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic 1971 Art. i.
4. International Bureau of WIPO, Preparatory Document, Draft Model On Copyright at 258–59.
5. Обзорное исследование по авторскому праву и смежным правам и общественному достоянию ВОИС от 30 апреля 2010г. С.7.
6. National Commission on New Technology Uses of Copyrighted Works, Final Report on New Technological Uses of Copyrighted Works 44, 1979.
7. U.S. Congress, Office of Tech. Assessment, Intellectual Property Rights In anAge of Electronics and Information 1986. PP. 70–73.
8. Feist v. Rural Telephone, 499 US 340, 346, 1991.
9. *Bridy A.* Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author Cite as, at 8, stan. tech. l. rev. 5, 2012.
10. Naruto v. Slater, 15-cv-04324-WHO, 2016.
11. Telstra Corp Ltd v Phone Directories Co Pty Ltd. 34 EIPR, 2012.
12. Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd. FCAFC 16, 2012.
13. Infopaq International A/S v DanskeDagbaldesForening C-5/08, 2010.
14. Football Dataco v Yahoo! UK Limited, Case C-604/10, 2011.
15. Joined cases C-92/92 and C-326/92, Phil Collins/EMI Electrola, 1993.
16. ITP v Commission, Case T-76/89, 1991.
17. *Пучинский В.К.* Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Автор-ское право: сб. нормативных актов. М., 1988. С. 38.
18. *Луцкер А.* П. Авторское право в цифровых технологиях и СМИ. М., 2005. С. 249
19. European Parliament, Committee on Legal Affairs, Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 2015/2103(INL), 31 May 2016.
20. European Parliament, Plenary Sitting, Report with recommendations to the Commission on Civil Law Ruleson Robotics, 2015/2103(INL), 24 January 2017.
21. Directive 96/9/EC on the legal protection of databases.
22. European Parliament resolution on Towards a Digital Single Market Act, 2015/2147(INI), 19 January 2016.

COPYRIGHTABILITY OF WORKS GENERATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

L. Sargsyan

ABSTRACT

Traditional implied assumption of copyright has always put the humankind at the center of the creative production. As well as

humans, artificial intelligence can autonomously generate creative (copyrightable) works.
In connection with the development of artificial intelligence, copyright legislation needs to be developed as well (including in Armenia) in order to determine how legislation should regulate legal relations - related to products generated by artificial intelligence.
Within the framework of this article, has been studied the international experience and given the main approaches regarding the distribution of copyrights to the works generated by artificial intelligence in the world at this moment.
Keywords: intellectual property rights, artificial intelligence, copyright, public domain doctrine, sui generis.

ՀԵՂԻՆԱԿԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՏԱՐԱԾՈՒՄԸ ԱՐՀԵՍՏԱԿԱՆ ԻՆՏԵԼԵԿՏԻ ԿՈՂՄԻՑ ԳԵՆԵՐԱՑՎԱԾ ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ՎՐԱ

Լ.Ա. Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Արարման ակտը սովորաբար կապված է մարդու հետ, սակայն արհեստական ինտելեկտի զարգացումը մարտահրավեր է դառնում հաստատված կարծիքին:
Երբ համակարգիչը ստեղծում է երաժշտական աշխատանքներ, արվեստի նկարներ, ստեղծում է պոեզիա, հարց է ծագում. ով է այդ դեպքում հեղինակային իրավունքը տիրապետում մտավոր գործունեության արդյունքներին. ծրագրի հեղինակը, որը ձեռք բերած ծրագրի սեփականատերն թե ծրագիրը:
Արհեստական ինտելեկտի զարգացման հետ կապված, հեղինակային իրավունքի օրենսդրությունը պետք է մշակվի զուգահեռաբար (այդ թվում `Հայաստանում), որպեսզի որոշի, թե ինչպես օրենսդրությունը պետք է կարգավորի արհեստական ինտելեկտի արտադրանքների հետ կապված իրավական հարաբերությունները:
Սույն հոդվածի շրջանակներում ուսումնասիրվել է միջազգային փորձը և հեղինակային իրավունքի տարածման վերաբերյալ հիմնական մոտեցումները տրվում են արհեստական ինտելեկտի կողմից կատարված աշխատանքներին:
Հիմնաբառեր` արհեստական ինտելեկտի իրավունքը, արհեստական ինտելեկտ, հեղինակային իրավունք, հանրային տիրույթ, «sui generis»:

ПОЛИТОЛОГИЯ

«ԲԱԶՄԱՎԷՊ»-Ը ՈՐՊԵՍ ԱԶԳԱՅԻՆ «ԶԱՐԹՈՆՔ»-Ի ԽՈՐՀՐԴԱՆԻՇ (ՀԱՅ ԱԶԳԱՅԻՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋ)[1]

Հոդվածը նվիրված է «Բազմավեպի» հիմնադրման օրվանից 175-ամյակին

Статья посвящается 175-летию основания «Базмавепа»

Ռ.Ա. Միրումյան

Հայ-Ռուսական համալսարան
rimma.mirumyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Յուրաքանչյուր ազգի մշակութային պատմության մեջ առանձնահատուկ տեղ են զբաղեցնում պարբերականները, որոնք ազգի զարգացման պատմության յուրաքանչյուր փուլում արտահայտում են նրա հոգեմտավոր մակարդակը և միաժամանակ արտացոլում են նույն ազգի հոգևոր պահանջները: Պարբերականները առանձնահատուկ նշանակություն են ձեռք բերում ազգային համակեցության համար պատմական ճգնաժամային ժամանակաշրջաններում, երբ անհրաժեշտ է դառնում համախմբել ազգի ողջ հոգևոր ներուժը՝ սեփական ինքնությունը պահպանելու, հետևապես նաև պատմության մեջ իր գոյությունը ապահովելու համար:
Հայ մշակույթի պատմության մեջ առանձնահատուկ տեղ է զբաղեցնում Վենետիկի Մխիթարյանմի աբանության պաշ-

[1] Հետազոտությունն իրականացվել է ՀՀ ԿԳՆ Գիտության Պետական Կոմիտեի և Հայ Առաքելական Ուղղափառ Սուրբ Եկեղեցու Ռուսաստանի և Նոր Նախիջևանի Հայոց Թեմի աջակցությամբ հ. 16AAP-009 համատեղ գիտական նախագծի շրջանակներում:

տոնական մարմինը՝ «Բազմավեպը» (1843–2018թթ.)՝ Հայոց (և ոչ միայն հայոց) պարբերականների պատրիարքը:
«Բազմավէպ»-ը դարձել է (և շարունակում է մնալ) հայ ժողովրդի տարանջատված հատվածները կապող հզոր կամուրջ, որը կապում է Հայաստանի հնագույն և նոր պատմությունը, պահպանում և փոխհաղորդում է հայկական ազգային մշակութային ավանդույթները, կապելով հայ և եվրոպական քաղաքակրթական հարացույցները: Արդեն 175 տարի «Բազմավեպ»-ի խմբագիրների կողմից հայ մշակութային արժեքների պահպանմանը միտված հետ և ողական քաղաքականությունը վերածվել է հզոր մի կառուցակարգի, որի շնորհիվ կենսագործվում է Հայկաթոլիկ միաբանության հիմնադիր Մխիթար Սեբաստացու ազգի հոգևոր վերածննդի Ծրագիրը: Վերջինս ուղղորդված է հայ քաղաքակրթական հարացույցի վերահաստատմանը և հայ ազգային ինքնության պահպանմանը:
Հիմնաբառեր՝ ազգի հոգևոր վերածնունդ, հայ ազգային ինքնություն, հայմշակութայինավանդույթներ, ազգային լեզու, ազգային պատմություն, հայքաղաքակրթականհարացույց:

Ազգային ոչ մէկ թերթ կամ օրագիր՝ որ իրմէ առաջ ծնունդ առած ըլլայ՝ ունեցած չէ կամ չունի տակաւին, առանց ո՛ եւ է ընդհատումի, դար մը ամբողջ ապրած ըլլալու անզուգական պատիւը: Առանց վերապահութեան կրնանք հաստատել նաեւ որ նոյնիսկ եւրոպական գիտական աշխարհի մէջ եւս՝ շատ հազուադէպ եղելութիւն մը կը նկատուի նման գրական յաղթանակ մը: Բազմավէպի կեանքին եւ զայնվարողներու մէջ գիտակից լրջութիւն մը, - ժառանգական աւանդ եւ կնիք այդ միջավայրի ամէն գործերուն վրայ առ հասարակ, - հզօրապէս ներգործած է միշտ անորոշեւականութեան վրայ, եւ շնորհիւ ատոր է որ տարիները շղթայաշար յաջորդած են իրարու, բայց ոչ առանց զոհողութիւններու:

Հ. Մեսրոպ Ճանաչեան

Վենետիկի Մխիթարյան միաբանությունը սկսեց լույս ընծայել «Բազմավէպ» հանդեսը այն ժամանակ, երբ «ազգերու կեանքին մէջ սկսած էր արթննալ ժողովրդական շարժումը. անհատի արժանիքը սկսած էր գնահատուիլ՝ հակառակ մի միայն ընտրուած եւ կամ ազնուական դասակարգին իրաւունքներուն եւ առանձնաշնորհութիւններուն: Գրականութիւնը կը դադրէր հետեւաբար սեպհականութիւնը ըլլալէ որոշ աստիճանի մը անձերուն, եւ ժողովուրդի ծոցէն ելած ո՛ եւ է անձ՝ կարող էր մշակել զայն եւ արժանիքներ վաստկիլ գրական, քաղաքական եւ

ընկ*երային ամէն մարդերու մէջ»[1]: «Բազմավէպ»-ի քաղաքականությունը ուղղորդված էր հայ ժողովրդի հոգեբարոյական ու մտավոր զարգացմանը՝ հայ ազգային ինքնության պահպանման միակ երաշխիքի:

1843 թվականից առ այսօր հրատարակվող «Բազմավէպ»-ը կոչված էր շարունակելու «Հ. Ղուկաս Ինճիճեանի հրապարակագրական բուռն ճիգերով առաջին անգամ կեանք առած *Տարեգրութիւնքէն*, *Եղանակ Բիւզանդեանէն* եւ *Դիտակ Բիւզանդեանէն*: Երեքն ալ լրագրական ձեւով ժողովուրդին անհրաժեշտ գիտելիքներն ամփոփելու նպատակ ունէին»[2]:

«Բազմավէպ»-ի հիմնադիր ու առաջին խմբագիր Գաբրիել Այվազովսկին (1812–1880) շարունակում էր հայ պարբերական մամուլի համար Ղուկաս Ինճիճյանի նախասահմանման ուղղվածությունը, դրանով իսկ մի առանձին դարագլուխ է բացում հայ ազգային մշակույթի պատմության մեջ. «Ասով *Բազմավէպը* կը կատարէր շատ նուրբ ձեւով քաղաքակրթական ամենամեծ դեր մը մեր ազգին համար՝ լուսաւորելով մտքերը, կրթելով եւ ազնուացնելով սրտերն ու հոգիները. եւ այս ամէնը կը կատարուէր՝ որպէս զի պատրաստեն ժողովուրդ մը, հանուած իմացական ու բարոյական որոշ բարձրութեան վրայ, որպէս զի քիչ մը եւրոպական մշակոյթ, կրթութիւն ու լոյս մտցնեն մեր ազգին մէջ՝ որ երկար դարերէ ստրկութեան շղթաներու ներքեւ չարչրկուած, խաւարա- մած տգիտութեան մէջ թաղուած, անհրաժեշտ պէտք ունէր իր մաշած ու ընդարմացած հոգեկան ուժերէն ներս՝ նոր շունչ եւ կորով մը ներմուծուած զգալու» [3]: Ավելին, 1843 թվականից է սկիզբ դրվում «աշխարհաբարեան» հոսանքին, որի միջոցով Մխիթարյան միաբա- նության վարդապետները հայ ընթերցողի համար մատչելի են դարձնում ազգային պատմությունը, մատենագրությունն ու արվեստը: Միաժա- մանակ «Բազմավեպ»-ը ապահովում է հայ մտքի և արևմտյան քաղա- քակրթության հաղորդակցությունը. «Մխիթարեանները ամբողջ Արեւմուտքը բացին հայ մտքին առջեւ իր հին ու նոր ամէն տեսակ ճոխութիւններովը..: Եւրոպացի դասական հրաշակերտները Հայոց ծանօթացնելու եւ ինքնագիր արտադրութիւններով Հայոց մէջ բանա- ստեղծական վերածնունդ մը առաջ բերելու գործը կատարեցին յստակ ու լայն ծրագրով մը որուն պէս ոչ մէկ մտաւորական խումբ դեռ չէր ունեցած Հայոց մէջ՝ Հայքէն ի վեր» [4]:

* * *

Պատմության ըմբռնումը բացահայտում է հետևյալ օրինաչափու- թյունը. ավանդական (էթնիկ) հենքի վրա ստեղծվող մշակութային

որոշակի (գրավոր) ավանդույթում մարդու ներառման գլխավոր կառույցը կրթահամակարգն է, ինչից և առաջանում է յուրաքանչյուր ազգի մշակույթը: Մշակույթը (գաղափարախոսությունը) ապահովում է ազգի ձևավորման, զարգացման ու անկախ գոյության նախապայմանը՝ հոգևոր ինքնատիպության գիտակցումը: Այն պայմանավորված է մշակութային միասեռությամբ, ինչը բացառապես կրթության միջոցով է ձեռք բերվում: Ուստի կրթահամակարգը ազգային մշակույթի կարևորագույն հաստատությունն է, ազգի և ազգային պետականության ձևավորման և պահպանման խթանը:

Այդ իրողությունը հստակորեն գիտակցվել է դեռևս հին քաղաքակրթություններ ստեղծած ժողովուրդների, այդ թվում նաև՝ հին հայերի կողմից: Քրիստոնեական շրջանում Հայոց գրերի ստեղծման արդյունքում ձևավորված Ազգային դպրոցը կոչված էր Հայ եկեղեցու հետ մեկտեղ ապահովել ազգի հոգևոր ինքնատիպությունը, դրանով իսկ նպաստելով նաև ազգի պատմական հեռանկարում ազգի ազատ գոյության նախապայմանի՝ ազգային պետականության ստեղծմանը: Միաժամանակ պետության կայացման և կենսագործունեության չափանիշը նույնպես ժողովրդի կրթվածության աստիճանն է: Ազգային զգացմունքները, ազգային ինքնագիտակցությունը և ինքնաճանաչումը պետականության ձգտումների հիմքն են, որն, իր հերթին, կախված է ազգային կրթության խնդրի լուծման մակարդակից:

Հասարակական (քաղաքակրթական) կյանքի համար արտաժամանակային և համընդգրկուն կրթության հիմնախնդրի նման ըմբռնմամբ է պայմանավորելի հայ ազգային ինքնագիտակցության բարձր մակարդակը նշանավորող V–VI դդ. Հայ լուսավորական շարժումը: Այդ ժամանակաշրջանում հայ ժողովրդի հոգևոր զարգացման շարժընթացը պայմանավորված էր ուսումնալուսավորչական և գրական ստեղծագործական գործունեությամբ, որում առանձնակի նշանակություն ուներ Աստվածաշնչի թարգմանությունը: Հայոց կաթողիկոս Սահակ Պարթևի և վարդապետ Մեսրոպ Մաշտոցի ստեղծած հին հայ թարգմանչական դպրոցում բավական կարճ ժամանակամիջոցում թարգմանվել են կրոնական բովանդակություն ունեցող աշխատություններ՝ ըստ քրիստոնեական գիտության և դպրության այդ ժամանակաշրջանում տարածված դասակարգման: Այդ գործունեության արդյունքում ստեղծվել է հարուստ եկեղեցական-աստվածաբանական գրականություն, որն առ այսօր իր արժանի տեղն է զբաղեցնում հայ ազգային մշակույթի հարուստ շտեմարանում: Մյուս կողմից հունաբան դպրոցի ակտիվ գործունեության շնորհիվ թարգմանվել են անտիկ շրջանի աշխարհիկ գրականության և

գիտության գլուխգործոցներ (Պլատոն, Արիստոտել, Պորփյուրոս), մշակվել է (այդ թարգմանությունները հնարավոր դարձնելու նպատակով) անհրաժեշտ գիտական եզրութաբանություն: Այդ հենքի վրա գրվեցին ինքնօրինակ գիտական-փիլիսոփայական աշխատություններ: Հունաբան դպրոցի գործունեությունը պսակվում է գիտությունների՝ Դավիթ Անհաղթի դասակարգման ստեղծմամբ: Համակարգելով իր ժամանակի գիտելիքի բոլոր ճյուղերը, Դավիթ Անհաղթը ստեղծեց գիտությունների ուրույն մի դասակարգում, որը դրվել է միջնադարյան կրթության հիմքում: V–VI դդ. ազգային մշակույթի ներքին տրամաբանությունը վերարտադրվում է կրթահամակարգում՝ ազգային-մշակութային ավանդույթի մեջ հայ ժողովրդի ներգրման գլխավոր կառուցակարգում:

Հոգեմտավոր այդ հզոր շարժման արդյունքում ձևավորված հարուստ ազգային մշակույթը դարեր շարունակ (ազգային պետականության չգոյության պայմաններում) «աշխատել» է որպես ազգի ինքնապաշտպանության հզոր հոգևոր կառույց:

Նոր ժամանակաշրջանում (սկսած ԺԵ դ.) Մխիթարյան միաբանությունը շարունակում է Դ-Ե դդ. ստեղծված ազգային-մշակութային ավանդույթը, ապահովելով ազգային մշակույթի զարգացման օրինաչափ ընթացքը: Միաժամանակ նրանք ձգտում էին հայ ժողովրդին հաղորդակից դարձնել եվրոպական քաղաքակրթությանը ազգային մշակութային հենքի վրա, այդ գործընթացի մեջ տեսնելով ազգի գոյության և հետագա զարգացման խթանը: Ուստի է արդարացի է թվում այն պնդումը, որ հայ լուսավորական շարժման՝ նոր ժամանակաշրջանի ազգային գաղափարախոսության ձևավորման և զարգացման նախադրյալները սկիզբ են առնում Մխիթարյան միաբանության շրջանակներում [5]:

Հատկանշական է, որ հայ ազգի հոգեբարոյական և մտավոր վերածննդի («Զարթոնք») Մխիթար Սեբաստացու Ծրագիրը բովանդակում է նույն ազգի ստեղծած բարձր մշակույթի բոլոր այն ձևերը, որոնց մեջ դարեր շարունակ իրականացվել է նրա կենսագործունեությունը: Ընդ որում ազգի պատմական տարածությունը «սահմանող», հետևաբար նաև՝ նրա ինքնատիպությունն ապահովող այդ ձևերը իմաստավորվում են աշխարհայացքային նոր կողմորոշումների և ժամանակի հրամայականների լույսի ներքո: Երկրորդ Հայ լուսավորական շարժման խորքային հիմքերի պահպանման ու հայ ազգի հոգեմտավոր առաջադիմության ապահովման միտումով կազմված Մխիթարի Ծրագիրը բովանդակում է մշակութաստեղծ ձևերը նշանավորող հետևյալ բաժինները.

«1. Լեզուական վերանորոգում.

2. Պատմագրութիւն – հնախօութիւն.
3. Կրօնական-ծիսական-հայրախօսական-բարոյական աշխատանքներ.
4. Հրատարակութիւն նախնեաց գործերու.
5. Դասական գրականութեան շարժում.
6. Աշխարհաբար լեզուի յայտնութիւն եւ գործածութիւն.
7. Ծնունդ հայ թատրոնի.
8. Կրթական-դպրոցական ասպարէզ.
9. Գեղարուեստական-քարտիզագրական հրատարակութիւններ.
10. Սբ. Ղազարի Հիմնարկութիւն Մխիթարեան Ակադեմիայի (Կաճառ) » [6].

Հատկանշական է, որ ազգային ինքնագիտակցության «արթնացման» և զարգացման նպատակով Մխիթարյանները օգտագործում են ինչպես ավանդական, այնպես էլ ժամանակաշրջանին հատուկ կառուցակարգեր, որոնց թվում նաև՝ պարբերական մամուլը: Հայալեզու պարբերական մամուլը Մխիթարյանները դիտարկում են հայ ազգի լուսավորության տեղեկատվական հզորագույն միջոց՝ այն դարձնելով ազգային կեցության համար հրատապ գաղափարախոսական հիմնահարցերի ձևակերպման և քննարկման բարձր ամբիոնի:

Պատմական այդ վեհ առաքելությունը «վերապահվել» է 1843 թվականից առ այսօր միաբանության տպարանում լույս տեսնող «Բազմավէպ» հանդեսին, որի հիմնադիրն ու առաջին խմբագիրը (մինչև 1848 թ.) Միաբանության ակնառու ներկայացուցիչ Գաբրիել Այվազյանն էր: Վերջինիս նախաձեռնությամբ «Բազմավէպ» հանդեսի հրատարակումը մի նոր դարագլուխ է կազմել ոչ միայն հայ մամուլի, այլև հայ հոգևոր մշակույթի պատմության մեջ: «Բազմավէպը» լիիրավ իրավունքով ձեռք է բերել հայ պարբերական մամուլի «նահապետի» և ամենաերկարակյաց հայալեզու պարբերական հրատարակության կարգավիճակ: Դեռևս 1902 թ., երբ «Բազմավէպը» մտել էր իր գոյության վաթսունամյա շրջանի մեջ, «Բազմավէպում» հրատարակված իր հոդվածում Ա. Երեմյանը նշում է, թե պարբերականի հիմնադրի և նրան աջակցող Վենետիկի երիտասարդ աբեղաների ողջ ջանքերի նպատակն էր հայ ազգին «հաղորդել Եւրոպայի յառաջադիմութիւնը, և նոյն շաւղէն յառաջ վարել նաեւ այն ազգը որուն մտքին համար նուիրուած էր ամէն Մխիթարեան գրիչ: «Բազմավէպ» լոյս կը տեսնայ ճոխ ծրագրով մը, անոր մէջ ամփոփուած էր գիտութիւնը իր ամէն ճիւղերով, արհեստները, գիւղական և տնտեսական ուսմունք, տիեզերական ծանօթութիւնք, հայ և օտար ազգի պատմութիւն և գրականութիւն, աշխարհագրական և քաղաքական տեղեկութիւններ,

մանրալուրք և վէպեր. այս ամէնը կը տեսնուին «Բազմավէպի» նախկին հատորներու մէջ: Այդ ամէն ճիւղ կ՚աւանդուի ռամիկներու հասկանալի և մատչելի լեզուով մը» [7]:

«Բազմավէպի» նշանաբանն էր Գ. Այվազյանի՝ «Ժողովրդեան օգտակար ըլլալս» գաղափարը: Ա. Երեմյանի հավաստմամբ «Հ. Այվազովսկի իր գաղափարը ձեռնհասօրէն կ՚իրագործէ» [8]:

«Բազմավէպի» խմբագրապետի նախագծած ուղին շարունակեցին նրա տաղանդաշատ աշակերտները (Հմայակ Պապիկյան, Գարեգին Զարբհանալյան), որոնց թվում նաև «Հայ թերթի նահապետի» տիտղոսին արժանացած Գ. Այվազյանի ամենահամբավավոր աշակերտն ու «Բազմավէպի» խմբագրապետի պաշտոնում նրան հաջորդած Ղևոնդ Ալիշանը (1848–1851 թթ.):

Ուստի արդարացի է թվում այն պնդումը, թե «Բազմավէպ» պարբերականի բովանդակությունը՝ սկսած առաջին իսկ համարից, ներկայացնում է մի ամբողջական իմաստային դաշտ, որում ազգային ինքնաճանաչման հրամայականով պայմանավորված՝ վերագնահատվում են ազգային դարավոր մշակույթի արժեքները և հոգևոր այդ հենքի վրա ճշգրտվում ազգի ներկան ու սահմանվում նրա ապագան: Կարելի ասել, որ մեկ ու կես դարից ավել «Բազմավէպի» ամեն տարվա հատորը ներկայացնում է Մխիթար Սեբաստացու Ծրագրի փոքրապատկերը:

Այսպես, Մխիթար Սեբաստացու Ծրագրում գրանցված երկու կետերը («Լեզուական վերանորոգում» և «Աշխարհաբար լեզուի յայտնութիւն եւ գործածութիւն») «Բազմավէպում» միատեղվում են առ այսօր ազգային կեցության համար խիստ կարևոր «գրաբար-աշխարհաբար» հարաբերակցության հիմնահարցի մեջ:

Վերջինիս շեշտադրման կարևորությունը պայմանավորված է նրանով, որ ազգային լեզուն անհատական գիտակցության և մշակութային ավանդույթի (որը ազգային է՝ ըստ էության) օբյեկտիվացման ու դրանց միջև խորքային կապն ապահովող միակ միջոցն է: Ազգերի մշակութային կյանքի նշված օրինաչափությունը համահարաբերական է Մխիթար Սեբաստացու լեզվական քաղաքականության խորհուրդը բացահայտող իրեն իսկ ձևակերպած սկզբունքին՝ առանց լեզվական վերանորոգության գրական վերածնունդ չի կարող լինել, մինչդեռ ազգի առաջադիմությունը նրա գրականությունից է սկսվում: Այս սկզբունքը Սեբաստացին կենսագործում է երկու հեղինակային («Դուռն քերականութեան Աշխարհաբար Լեզուին Հայոց», Վենետիկ, 1827 թ. և «Քերականութիւն Գրաբար Լեզուի Հայկազեան Սեռի», Վենետիկ, 1730 թ., 1770 թ.) աշխատությունների մեջ:

Մխիթարի նախորոշած այս հարացույցը «աշխատում» է նաև «Բազմավէպում»: 1843 թ. հանդեսի առաջին խմբագրապետ Գաբրիել Այվազյանը հաստատում է գրաբարի պահպանման ու ճշգրտման, ինչպես նաև աշխարհաբարի ձևավորման ու զարգացման անհրաժեշտությունը. «... մեր միտքը ոչ միայն գրաբառ լեզուն խետձգել, կամ աշխարհաբառը գրոց լեզու դարձընել չէ, հապա ընդհակառակն՝ գրաբառը դիւրաւծաղկեցընելուն հնարքը գտնելու սորվեցընել է. ինչպէս որ յայտնի կերևնայ նաև ան պայմաններէն որ ընտրելի աշխարհաբառին հարկաւոր սեպեցինք: Հիմա, հոնտեղը ըրած խոստմունքնիս կատարելու համար՝ քիչ մը աւելի բացատրենք մեր նոյն կարծիքը: Ընտրելի աշխարհաբառը ան ատեն ազնիւ կըլլայ ըստ կարի, և շատին հաճոյ, շատին ալ՝ դիւրաւ հասկընալի, երբոր արդէն գրաբառի մօտեցած ըլլայ ուրիշներէն աւելի, ու ասկէ ետքն ալ աւելի մօտենալու վրայ ըլլայ. այնպես որ առանց իմացուելու, այսինքն առանց մեծ դժուարութեան, գրաբառ լեզուին հետ միանայ» [9]:

Նույն միտումը նկատելի է մինչև XIX դ. վերջը. «Հայութիւնն ու հայ լեզուն՝ իւր զարգացման այն դարուն մէջ միայն պիտի կարենայ ինքզինքն անկարօտ համարել դասական լեզուին, երբ կարող լինի գերազանցել Ե դարը. այլ այս բանս թէեւ կարելի՝ բայց դեռ շատ հեռի է» [10]: XIX դ. վերջին տարիներին Բ. Սարգսյանի ձևակերպած այս միտքն այսօր իսկ խիստ արդիական է հայ հոգևոր կյանքի համար:

Այսպիսով, եթե գրական աշխարհաբարի առաջին կազմողի առաքելությունը ստանձնել է Մխիթար Սեբաստացին, ապա «Բազմավէպը» մեծապես նպաստել է աշխարհաբարի զարգացմանը: Հ. Յարութիւն վրդ. Պզտիկեանի պնդմամբ. «Աշխարհաբարի ծաւալումին եւ ընդհանրացումին մեծապէս նպաստած է նաեւ Միաբանութեան պաշտօնաթերթ «Բազմավէպը», հիմնուած 1843ին, կը շարունակէ, որպես նահապետը հայ մամուլին, ամէնէն գիտակից մղիչը ըլլալ աշխարհաբարի զարգացումին եւ մաքրութեան» [11]: Ավելի լայն համատեքստում այդ միտումը բնորոշում է Մեսրոպ Ճանաշյանը. «Այն միեւնոյն վարդապետները որոնք գրաբարի մեծ վարպետներ էին միանգամայն, եւ որոնք լայն հմտութիւն ամբարած էին մատենագիտական, պատմական, լեզուական՝ կը մանրեն հիմա իրենց գիտութիւնը, կը դիւրացնեն ու ճաշակելի կը դարձնեն անվարժ բերաններու խանդակաթ մօր մը պէս մեր ազգային պատմութիւնը, մատենագրութիւնը ու գեղարուեստը: Ո՜րքան իմաստութիւն կայ միայն այս կերպին ու գաղափարին մէջ, ո՛րքան ազգասիրութիւն իրենց ձեռնարկին մէջ, ո՛րքան զոհողութեան հոգի՝ յանձն առնելու համար այդպիսի մտաւորական աշխատութիւններ:

Եւ փոխարէն այս ամէնուն՝ իրենց միակ վարձատրութիւնն ու ակնկալութիւնն էր այն յոյսն ու վստահութիւնը՝ թէ ազգը կ՚օգտուի, կը զարգանայ»[12]:

Մշակութային այս հաստատուն հիմքի վրա «Բազմավէպում» զետեղված նյութը բաշխվել է ըստ նորաեվրոպական գիտությունների դասակարգման սկզբունքի.

1. Բնական գիտութիւնք (աստղաբաշխութիւն, բնաբանութիւն, բնալուծութիւն, երկրաբանութիւն, բնական պատմութիւն):

2. Տնտեսական գիտութիւնք (քաղաքական տնտեսութիւն, երկրագործութիւն, դաստիարակութիւն, տնական տնտեսութիւն):

3. Բանասիրական գիտելիք (ազգային պատմություն, ազգային դպրությիւն,բարոյական, աշխարհագրութիւն)

Ազգային մշակութային դաշտ եվրոպական քաղաքակրթական հարացույցի ներմուծումը նպաստել է հայ ազգի ինքնագիտակցության (ինքնաճանաչման) զարգացմանը, ինչն էլ, ըստ էության, ցանկացած ազգի լուսավորության (կրթության և դաստիարակության) գերխնդիրն է: Այսօր «Բազմավէպը» շարունակում է իրագործել պատմական իր վսեմ առաքելությունը՝ հանդիսանալով «Սփյուռք-Հայրենիք» մշակութային կապի ապահովման հզորագույն կառուցակարգ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Ճանաչեան Հ. Մեսրոպ*, «Բազմավէպ»ի առաջին դարադարձը 1843–1943 // «Բազմավէպ», Վենետիկ, 1943, №1–6, էջ 2:
2. Նույն տեղում:
3. Նույն տեղում, էջ 4:
4. *Չօպանեան Արշակ*, Մխիթարի գործը // «Անահիտ», Փարիզ, Օգոստոս, 1901, էջ. 174–175:
5. Տե՛ս՝ *Միրումեան Ռիմա*, Ազգային լուսաւորութիւնը որպես ազգային գաղափարախօսութեան գերխնդիր Մխիթարեանների հայեացքներում (մեթոդաբանական տեսանկիւններ), Բազմավէպ, 2001, N1-4, Էջ 232:
6. *Պզտիկեան Հ.* Յարութիւն վրդ., Մխիթար վրդ. Սեբաստացիի եւ Մխիթարեաններուն նպաստը հայ մշակոյթին, Եր., 2003, էջ 6:
7. *Երեմեան Ա.* Բազմավէպ եւ խմբագիրներն, Բազմավէպ, Վենետիկ, 1902, №Ե, էջ 203:
8. *Այվազեան Հ.* Գաբրիել վրդ., Աշխարհաբառ լեզուի վրայ, Բազմավէպ, Վենետիկ, 1843 №Ժ, էջ 108:
9. Նույն տեղում:
10. *Սարգսեան Բ.* Աշխարհաբարը գրաբարի ձեռքով զարգացնելու եւ կանոնաւորելու եւ գրաբար լեզուն աշխարհաբարի մէջ կենդանացնելու «խնդրին», «Բազմավէպ», 1890, մարտ, էջ 89:
11. *Պզտիկեան Հ.* Յարութիւն վրդ., Մխիթար վրդ. Սեբաստացի եւ Մխիթարեաններուն նպաստը հայ մշակոյթին, էջ. 35–36:

12. *Ճանաչեան Հ. Մեսրոպ*, «Բազմավէպ»ի առաջին դարադարձը. 1843–1943, «Բազմավէպ», Վենետիկ, 1943, №1-6, էջ 5:

«БАЗМАВЕП» КАК СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО «ПРОБУЖДЕНИЯ» (К ВОПРОСУ ОБ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Р.А. Мирумян

АННОТАЦИЯ

В культурной истории каждого народа особую роль играют периодические издания, являющиеся выражением духовно-интеллектуального уровня нации и вместе с тем отражением ее духовных запросов на каждом историческом этапе ее развития. Особое значение периодические издания приобретают в критические (переломные) для национального сообщества исторические периоды, когда становится необходимой консолидация всего духовного потенциала нации во имя сохранения ее самобытности и существования в пространстве Истории.

В истории армянской культуры особое место по праву принадлежит официальному органу Мхитарианского Ордена в Венеции «Базмавепу» (1843–2018гг.) – патриарху армянской (да и не только армянской) периодической печати.

Базмавеп явился (и продолжает являться) духовным мостом, соединившим разделенные части армянского народа, древнюю и новую историю Армении, сохраняющим и транслирующим армянские национальные культурные традиции, обеспечивающим связь между армянской и европейской цивилизационной парадигмами. Проводимая вот уже на протяжении 175 лет редакторами «Базмавепа» последовательная политика в направлении сохранения армянских культурных ценностей стала мощным механизмом реализации Программы духовного возрождения нации основателя Армянского католического Ордена Мхитара Себастаци, направленной на восстановление армянской цивилизационной парадигмы и сохранения армянской национальной идентичности.

Ключевые слова: духовное возрождение нации, армянская национальная идентичность, армянские культурные традиции, национальный язык, национальная история, армянская цивилизационная парадигма.

«BAZMAVEP» AS A SYMBOL OF THE NATIONAL «AWAKENING» (ON THE ISSUE OF THE ARMENIAN NATIONAL IDENTITY)

R. Mirumyan

ABSTRACT

A cultural history of every nation is highly influenced by periodicals, which are spiritual and intellectual expression of the nation and at the same time a reflection of its spiritual inquiries at every historical stage of its development. Periodicals acquire special significance for

the national community especially in its critical (crucial) historical periods, when it becomes necessary to consolidate the spiritual potential of the whole nation in order to preserve its identity and ensure its existence in the space of History.
In the Armenian cultural history special place by right belongs to the official agency of the Mekhitarist Order, Venice, “Bazmavep” (1843–2018) – to the patriarch of the Armenian (and not only Armenian) periodical press.
Bazmavep were (and continues to be) a spiritual bridge that connected the divided parts of the Armenian nation, the ancient and modern history of Armenia, preserving and transmitting Armenian national cultural traditions, insuring a link between the Armenian and European civilizational paradigms. The consistent policy conducted for already 175 years by the editors of "Bazmavep" in the direction of preservation of Armenian cultural values has become a powerful mechanism for the implementation of the nation’s spiritual revival Program of Mkhitar Sebastatsi founder of The Armenian Catholic Order, aimed at restoring Armenian civilizational paradigm and preserving the Armenian national identity.
Keywords: spiritual revival of the nation, Armenian national identity, Armenian cultural traditions, national language, national history, Armenian civilizational paradigm.

ՀԱՅԱՍՏԱՆ-ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ ՎԵՐԱՁԵՎՎԱԾ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ՀԵՏԱԳԱ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՕՐԱԿԱՐԳԸ

Մ.Հ. Հակոբյան

Երևանի պետական համալսարան
mher.hakobyan@ysu.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում քննարկվում է Եվրոպական Միության «Արևելյան գործընկերություն» ծրագրի 5-րդ գագաթնաժողովի ընթացքում (2017թ. նոյեմբերի 24) Հայաստանի հետ ստորագրված Համապարփակ և ընդլայնված գործընկերության համաձայնագրի (ՀԸԳՀ) էությունը, ներկայացվում են դրանից բխող քաղաքական ու տնտեսական համագործակցության շրջանակն ու սահմանափակումները, ինչպես նաև տարբերությունները 2013 թ.-ին բանակցված, սակայն Եվրասիական տնտեսական միությանը Հայաստանի անդամակցության և ԵՄ արտաքին քաղաքականության անբավարար ճկունության հետևանքով չստորագրված Ասոցացման համաձայնագրից: Խորին հարցազրույցների հիման վրա հակիրճ ներկայացվում են նաև ՀՀ Ազգային ժողովի չորս խմբակցությունների ներկայացուցիչների դիրքորոշումները նոր փաստաթղթի շուրջ, որոնք բացառապես դրական են, սակայն ներառում են որոշ վերապահումներ՝ կապված դրա իրագործման հետ: Ընդհանուր եզրակացությունն այն է, որ ՀԸԳՀ-ն միայն «անցումային գործարք» է, որը կարող է վերանայվել՝ կախված իրագործումից: Այն նաև թույլ է տալիս ՀՀ-ին իր արտաքին քաղաքականությունում պահպանել փոխլրացման սկզբունքը:

Հիմնաբառեր՝ Եվրոպական հարևանություն, Համապարփակ և ընդլայնված գործընկերության համաձայնագիր, քաղաքական երկխոսություն, վիզաների ազատականացում, տնտեսական համագործակցություն, քաղաքական ուժերի դիրքորոշումներ:

2013 թ. սեպտեմբերին Ռուսաստանի, Ղազախստանի և Բելառուսի միջև գործող Մաքսային միությանը (ներկայում՝ Եվրասիական տնտեսական միություն (ԵԱՏՄ)) միանալու վերաբերյալ Հայաստանի Հանրապետության (ՀՀ) նախագահ Սերժ Սարգսյանի արած հայտարարությունն ու Վիլնյուսում «Արևելյան գործընկերության» (ԱլԳ) երրորդ

զագաթնաժողովին Եվրոպական Միության (ԵՄ) հետ Ասոցացման համաձայնագրի (ԱՀ) (ներառյալ Խորը և համապարփակ ազատ առևտրի համաձայնագրի (ԽՀԱԱՀ)) չստորագրումը կասկածի տակ դրեցին ՀՀ արտաքին քաղաքականության առանցքային սկզբունքը՝ փոխլրացումն ու բազմավեկտոր քաղաքականությունը: Այնուամենայնիվ, Վիլնյուսում Ս. Սարգսյանը հայտնեց հայկական կողմի պատրաստակամությունը «ԵՄ-ի հետ ձևավորել այնպիսի գործուն կառուցակարգեր, որոնք մի կողմից արտացոլում են մեր (Հայաստանի – *Մ. Հ.*) սոցիալ-քաղաքական և տնտեսական հարաբերությունների խորքային բնույթը, մյուս կողմից՝ համատեղելի են համագործակցության այլ ձևաչափերի հետ»[1]:

2015թ. ԵՄ-ն վերանայեց Եվրոպական հարևանության քաղաքականությունը (ԵՀՔ) [1]՝ դրան հավելելով գործընկեր երկրների հետ հարաբերությունների տարբերակումն ու ճկունությունը: Հաշվի առնելով ԵՄ արտաքին քաղաքական այս փոփոխությունը, ինչպես նաև ԵՄ-ի հետ հարաբերությունների խորացման Հայաստանի պատրաստակամությունն ու նախկին առաջընթացը՝ 2015 թ. դեկտեմբերի 7-ին Եվրոպական հանձնաժողովը ՀՀ-ի հետ բանակցություններ սկսեց մեկ այլ շրջանակային փաստաթղթի՝ Համապարփակ և ընդլայնված գործընկերության համաձայնագրի (ՀԸԳՀ) շուրջ՝ հաշվի առնելով ԵԱՏՄ-ին միանալուց հետո Հայաստանի ստանձնած պարտավորություններին դրա համապատասխանությունը: Փաստաթղթի շուրջ բանակցությունները տևեցին 15 ամիս և ամփոփվեցին 2017թ. փետրվարին: Հարկ է նշել, որ ՀԸԳՀ-ի շուրջ բանակցություններն ավելի բարդ էին ու խճճված, քան նախկինում ԱՀ-ի շուրջ բանակցությունները, քանզի այս դեպքում Հայաստանը ԵՄ-ի հետ համագործակցության ավելի նեղ դաշտ ուներ՝ պայմանավորված ԵԱՏՄ-ի առջև ունեցած պարտավորություններով: Մասնավորապես, ի տարբերություն ԱՀ-ի՝ ՀԸԳՀ-ում չէր կարող ներառվել ԽՀԱԱՀ-ն, իսկ ԵՄ-ի հետ համագործակցության առանցքում սովորաբար առևտուրն ու տնտեսական զարգացումն են:

ՀԸԳՀ-ն ստորագրվեց 2017թ. նոյեմբերի 24-ին Բրյուսելում՝ ԱլԳ հինգերորդ գագաթնաժողովի ժամանակ, սակայն այն ուժի մեջ կմտնի բոլոր կողմերի հաստատումից հետո միայն [2]: Այս փաստաթուղթը փոխարինում է ԵՄ-Հայաստան 1999թ.-ից գործող Գործընկերության և

---

[1] *«Նախագահ Սերժ Սարգսյանի ելույթը Արևելյան գործընկերության երրորդ գագաթնաժողովում»,* 29.11.2013, ՀՀ նախագահի պաշտոնական վեբ-կայք, http://www.president.am/hy/statements-and-messages/item/2013/11/29/President-Serzh-Sargsyan-at-the-third-Eastern-Partnership-summit-speech/, մատչելի էր 01.03.2018:

համագործակցության համաձայնագրին՝ Հայաստանը դարձնելով ԵԱՏՄ անդամ առաջին երկիրը, որը շրջանակային համաձայնագիր ստորագրեց ԵՄ-ի հետ։ Միևնույն ժամանակ այն դարձավ առաջին հաջողված օրինակը, երբ ԱլԳ շրջանակներում ԵՄ-ի հետ համագործակցությունն իրապես համապատասխանեցվեց տվյալ երկրի առանձնահատկություններին։ ՀԸԳՀ-ի ստորագրմամբ, փաստորեն, ի ցույց դրվեց, որ ԵՄ-ի հետ համագործակցությունը պետք է կառուցվի ելնելով թիրախային երկրի շահերից ու հնարավորություններից, այլ ոչ թե ԵՄ-ի կողմից առաջարկվող պայմաններից։ Այսպիսով Հայաստանը նաև դուրս եկավ ԱլԳ՝ այսպես կոչված «հետնապահների» շարքից՝ նախկին 3+3 բանաձևը փոխարինելով 3+1+2-ով[2]։

ՀԸԳՀ-ն Հայաստանին անհրաժեշտ էր նաև ԵՄ-ի հետ հարաբերությունների իրական մակարդակը պաշտոնապես ամրագրելու առումով, քանզի 1999թ.-ից գործող ԳՀՀ-ն իրավականորեն պարտադրող փաստաթուղթ չէր և չէր ենթադրում լուրջ քաղաքական համագործակցություն երկու կողմերի միջև, մինչդեռ ՀԸԳՀ-ն ներունակ է խթանել էական փոփոխություններ՝ շնորհիվ պայմանականության նշանակալի մակարդակի։ Բացի այդ, ՀԸԳՀ-ն իրապես հավասարակշռված փաստաթուղթ է, որում հաշվի են առնվում ոչ միայն ԵՄ-ի ակնկալիքները գործընկեր պետությունից, այլև տարածաշրջանի աշխարհաքաղաքական դրությունը և դրանում տվյալ երկրի ապահով դիրքավորման կարևորությունը։ Հարկ է նաև նշել, որ Ռուսաստանը ՀԸԳՀ-ն՝ ի տարբերություն ԱՀ-ի, չի ընկալում որպես ԵՄ-ի միջամտում ռուսական գերակա շահերի գոտուն երկու պատճառով։ Նախ, ԵԱՏՄ-ին ՀՀ-ի անդամակցությամբ Ռուսաստանն արդեն իսկ ապահովագրել է իր գերակա դիրքը Հայաստանում, և ՀԸԳՀ-ն կարող է միայն լրացնել Հայաստանի արտաքին քաղաքական ու տնտեսական օրակարգը՝ չհակասելով ՌԴ շահերին։ Երկրորդ, Հայաստան-ԵՄ հարաբերություններում առաջընթացը նպաստում է ԵԱՏՄ-ի հեղինակության բարձրացմանը՝ այն դարձնելով առավել բաց ու բազմաձյուղ։

ՀԸԳՀ-ում առանձնացվում են համագործակցության երեք հիմնական ուղղություններ՝ ա) քաղաքական երկխոսություն և բարեփոխումներ, համագործակցություն արտաքին և անվտանգության

---

[2] Մինչև ՀԸԳՀ-ի ստորագրումը ԱլԳ երկրներից երեքը՝ Վրաստան, Մոլդովա, Ուկրաինա, ստորագրել էին ԵՄ-ի հետ ԱՀ-ն, ևս երեքը՝ Հայաստան, Ադրբեջան, Բելառուս, նման փաստաթուղթ չէին ստորագրել։ ՀԸԳՀ-ն, երբեմն բնութագրվելով որպես «թույլ ասոցացում», ԵՄ-ի հետ համագործակցության խորության սպեկտրում Հայաստանին տվեց միջանկյալ կարգավիճակ։

քաղաքականության ոլորտներում, բ) արդարադատություն, ազատություն և անվտանգություն, գ) տնտեսական համագործակցություն, դ) ոլորտային համագործակցություն, ե) առևտուր [3]: Սույն հոդվածում կներկայացվեն միայն քաղաքական երկխոսությանն ու տնտեսական համագործակցությանը (ներառյալ՝ առևտուրը) վերաբերող հատվածները:

Քաղաքական երկխոսության հատվածը գրեթե չի տարբերվում նախկին ԱՀ-ից, քանզի այն որևէ կերպ չի հակասում ԵԱՏՄ-ին, իսկ տեքստը հիմնականում իրավականորեն չպարտադրող, դեկլարատիվ ու ընդհանրական բնույթի է: Համաձայնագրի քաղաքական բաղադրիչը չեզոք ու պակաս հավակնոտ է նաև այն առումով, որ, ի տարբերություն Վրաստանի, Մոլդովայի և Ուկրաինայի հետ կնքված ԱՀ-ների՝ ՀԸԳՀ-ում որևէ ձևով չի նշվում Հայաստանի «եվրոպական ձգտումների» (ԵՄ-ին հնարավոր անդամակցության) մասին: ԵՄ-ին անդամակցության հեռանկարի բացակայությունը սովորաբար դիտարկվում է որպես ԵՀՔ-ի գլխավոր թերություն, ինչը որոշ պետությունների կողմից կարող է մեկնաբանվել իբրև անբավարար փոխհատուցում ԵՄ-ին մոտարկման գործում իրենց կատարած աշխատանքի դիմաց: Այլ կերպ ասած՝ անդամակցության անհնարինությունը թուլացնում է ԱլԳ-ի քաղաքական պայմանականությունը: Թեև Ազգային անվտանգության ռազմավարությամբ (ԱԱՌ) ԵՄ-ի հետ խորը համագործակցային հարաբերությունների հաստատումը համարվում է արտաքին քաղաքական գերակայություն [4]՝ Հայաստանը երբևէ բացեիբաց չի հայտարարել ԵՄ-ին անդամակցելու ցանկության մասին, ուստի ԵՄ-ից ակնկալիքներն այս առումով մեծ չեն: Այնուամենայնիվ, քաղաքական երկխոսության հատվածում առկա է որոշակի պայմանականություն, քանզի նշվում է, որ քաղաքական արժեքների (ժողովրդավարություն, լավ կառավարում, մարդու իրավունքներ, օրենքի գերակայություն, դատական իշխանության անկախություն և այլն) պահպանումն ու իրագործումը համաձայնագրի առանցքային տարրեր են, որոնց խախտումը կարող է հանգեցնել համաձայնագրի չեղարկման [5]: Այնուամենայնիվ, չնայած տեքստի իրավական ուժին՝ ԵՄ-ն հազվադեպ է այս դրույթը գործնականում կիրառել [6]:

Արտաքին և անվտանգության քաղաքականության ոլորտում համագործակցությունը ևս էական փոփոխություններ չի կրել ԵԱՏՄ-ին Հայաստանի մասնակցության արդյունքում: ՀԸԳՀ-ով նախատեսվում է առաջին անգամ Հայաստանի մասնակցությունը ԵՄ ընդհանուր անվտանգության և պաշտպանության քաղաքականության (ԸԱՊՔ) շրջանակներում իրականացվող առաքելություններին [7], ինչը, զուգորդ-

վելով նաև ՆԱՏՕ-ի «Գործընկերություն հանուն խաղաղության» ծրագրի առաքելություններին մասնակցությանը, կարող է նպաստել Հայաստանի անվտանգային ոլորտի բազմազանեցմանը: ՀԸԳՀ-ի միջոցով նախատեսվում է նաև ԵՄ-ի ընդլայնված ներգրավվածություն էներգետիկ անվտանգության, բանակի նկատմամբ քաղաքացիական վերահսկողության, ռազմական կրթության, ճգնաժամային կառավարման, ահաբեկչության դեմ պայքարի, կիբերանվտանգության և այլ ոլորտներում: Այնուամենայնիվ, ԵՄ-ի գլխավոր թերությունը շարունակում է մնալ գործընկեր երկրներում գերակա անվտանգային խնդիրների կարգավորմանը նպաստող գործիքների բացակայությունը: Լեռնային Ղարաբաղի հակամարտության պարագայում ևս ԵՄ-ն չունի միջամտության կիրառելի գործիքակազմ, ուստի ՀԸԳՀ-ն բավարարվում է նշելով, որ ԵՄ-ն աջակցում և լրացնում է ԵԱՀԿ Մինսկի խմբի համանախագահների ջանքերը հակամարտության կարգավորման գործում [8]:

ԵՄ-Հայաստան քաղաքական երկխոսության կարևոր բաղադրիչ է նաև վիզաների ազատականացումը, որը ներառված է ԱլԳ չորս թեմատիկ պլատֆորմերից մեկում՝ միջմարդկային շփումներում (people-to-people contacts): Վերջինս եղել է ԵՄ-ի կողմից պայմանականության ու տարբերակման սկզբունքների կիրառման լծակներից մեկը: ԵՄ-ն դեպի սեփական տարածք ԱլԳ երկրների քաղաքացիների մուտքի դյուրացումը կիրառել է որպես այդ երկրներում քաղաքական ու իրավական փոփոխությունների խթանման գործիք: Ըստ այդմ, հիմք ընդունելով ԵՀՔ ԳԾ-ների իրականացման առաջընթացը[3], ԵՄ-ն Հայաստանի հետ «Շարժունակության շուրջ գործընկերություն» (Mobility Partnerships) համատեղ հռչակագիր ստորագրել է 2011թ. [9]: Դրանով նախատեսվում էր ԵՄ-ի հետ փոխգործակցության ու մասնագիտական վերապատրաստումների միջոցով Հայաստանում ներդնել անօրինական միգրացիայի ու թրաֆիքինգի կառավարման մեխանիզմներ, ՀՀ քաղաքացիների համար հնարավորություն ստեղծել ուսման, աշխատանքի և այլ նպատակներով օրինականորեն բնակվել ԵՄ տարածքում և այլն: Այս ոլորտում համագործակցության հաջորդ քայլը եղավ Վիզաների դյուրացման և հետընդունման համաձայնագրերի (Visa Facilitation and Readmission Agreements) կնքումը, որոնցով պարզեցվում էր դեպի Շենգեն գոտու

[3] ԵՀՔ ԳԾ-ների իրականացման առաջընթացի տարեկան զեկույցները հասանելի են Եվրոպական արտաքին գործողությունների ծառայության պաշտոնական վեբկայքում, https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/8409/enp-progress-reports_en, մատչելի էր 01.03.2018:

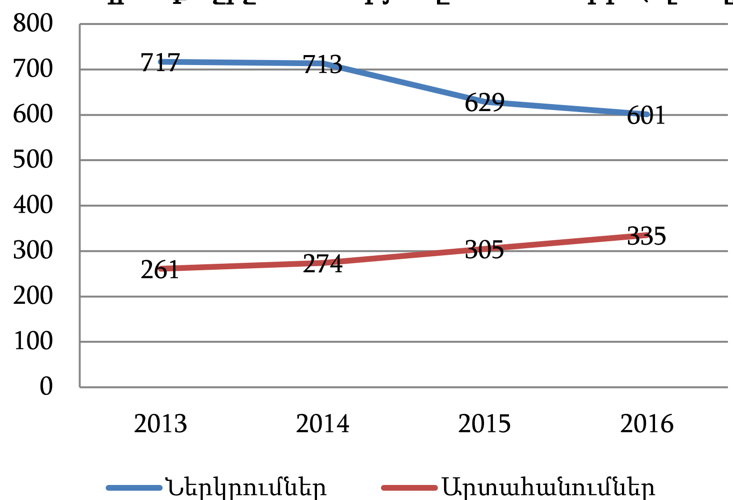
երկրներ մուտքի արտոնագրի տրամադրման գործընթացը ՀՀ քաղաքացիների որոշ խմբերի համար, իսկ փոխադարձ տարածքներում անօրինական բնակվող անձինք հնարավորություն էին ստանում վերադառնալ անօրինական բնակության երկրները: Այս երկու համաձայնագրերը Հայաստանի հետ ստորագրվեցին համապատասխանաբար 2012 և 2013թթ. և ուժի մեջ մտան 2014թ. հունվարին [10]:

Այնուամենայնիվ, դժվար է պնդել, որ այս համաձայնագրերն իրավաքաղաքական բարեփոխումների արդյունավետ խթան են, քանզի դրանք ստորագրվել են ոչ միայն Հայաստանի, Վրաստանի, Մոլդովայի և Ուկրաինայի, այլև Ադրբեջանի, իսկ «Շարժունակության շուրջ գործընկերություն» հռչակագիրը՝ նաև Բելառուսի հետ, որոնք ակնհայտորեն միտված չեն սեփական երկրներում բարեփոխումների իրականացմանը: Այլ կերպ ասած, ԵՄ-ն «պարգևատրել» է նույնիսկ իր պահանջներին մասամբ համապատասխանող կամ ընդհանրապես չհամապատասխանող երկրներին: Սա, թերևս, կարելի է բացատրել նրանով, որ ԵՄ-ի կողմից առաջարկվող պայմանները ոչ թե քաղաքական, այլ տեխնիկական բնույթի են: Այսինքն՝ դեպի ԵՄ երկրներ մուտքի դյուրացումը տրամադրվում է ոչ թե ի պատասխան գործընկեր երկրներում քաղաքական բարեփոխումների, այլ միգրացիայի կառավարման արդյունավետ մեխանիզմների առկայության պարագայում [11]: Բացի այդ, այդ համաձայնագրերն առավելապես նպատակ ունեն վերադարձնել ԵՄ տարածքում բնակվող անօրինական ներգաղթյալներին, այլ ոչ թե խթանել գործընկեր երկրների քաղաքացիների օրինական միգրացիան [12]:

ԵՄ քաղաքական պայմանականությունն առավել նկատելի դարձավ Վիզաների ազատականացման գործողությունների ծրագրերի միջոցով (ՎԱԳԾ), որոնց իրականացման պարագայում ԱլԳ երկրների՝ կենսաչափական անձնագիր ունեցող քաղաքացիները կկարողանային առանց մուտքի արտոնագրի կարճաժամկետ ուղևորություններ կատարել դեպի Շենգեն գոտի: Եվրոպական հանձնաժողովը 2010թ. ՎԳԱԾ ներկայացրեց Ուկրաինային, 2011թ.՝ Մոլդովային և 2013թ.՝ Վրաստանին [13]: 2016թ. սեպտեմբերին ՀՀ արտաքին գործերի նախարար Էդվարդ Նալբանդյանը պաշտոնապես ԵՄ-ից հայցեց վիզաների ազատականացման երկխոսության բացում, սակայն ԵՄ-ի կողմից դրական արձագանք չստացվեց: ՀԸԳՀ-ում միայն մակերեսորեն նշվում է, որ միջմարդկային շփումները պետք է խթանվեն արդեն իսկ կնքված փաստաթղթերի շրջանակներում, իսկ վիզաների ազատականացման շուրջ երկխոսությունը կարող է դիտարկվել միայն գործող համաձայնագրերի արդյունավետ իրագործման պարագայում [14]:

Տնտեսական համագործակցության ու առևտրի հատվածները, ինչպես արդեն նշվել է, չեն ներառում ո՛չ ԽՀԱԱՀ և ո՛չ սովորական Ազատ առևտրի համաձայնագիր (ԱԱՀ), քանզի Հայաստանն արդեն իսկ ԱԱՀ-ի մեջ է ԵԱՏՄ անդամ պետությունների հետ: Այնուամենայնիվ, ՀԸԳՀ-ն ևս ներառում է էապես ընդլայնված տնտեսական համագործակցություն ԵՄ-ի հետ:

ԵՄ-ն Հայաստանի կարևոր տնտեսական գործընկերներից է. 2016թ. տվյալներով[4]՝ ՀՀ ընդհանուր արտաքին ապրանքաշրջանառության 23.6%-ն իրականացվել է հենց ԵՄ-ի հետ[5]: ՀՀ արտահանումները կազմել են 335 մլն եվրո, ներկրումները՝ 601 մլն[6]: Ընդ որում, 2013 թ. սկսած ներկրումները պակասել են 15.62%-ով, իսկ արտահանումներն՝ ավելացել 22.08%-ով: 2013-2016թթ. ՀՀ-ԵՄ ապրանքաշրջանառության պատկերը ներկայացված է ստորև ներակայացվող գծապատկերում:

Ներկայացված է ըստ հեղինակի՝ Եվրոպական հանձնաժողովի տվյալների վրա հիմնված հավաքագրման:

[4] 2017 թ. տվյալները դեռևս հրապարակված չեն:

[5] *European Union, Trade in goods with Armenia*, Եվրոպական հանձնաժողովի պաշտոնական վեբ-կայք, http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113345.pdf, մատչելի էր 01.03.2018: Նշենք, որ Ռուսաստանը շարունակում է մնալ Հայաստանի խոշորագույն առևտրային գործընկերը, որի հետ 2016 թ. իրականացվել է ՀՀ արտաքին ապրանքաշրջանառության 30.7%-ը:

[6] Նույն տեղում:

ՀԸԳՀ-ի միջոցով Հայաստանը չի ազատվում մաքսատուրքերից։ ԵՄ-ից ներկրումները ենթակա են ստանդարտ արտաքին ԵԱՏՄ-ի կողմից սահմանված արտաքին մաքսման՝ բացառությամբ 800 անուն ապրանքների, որոնց համար Հայաստանը մինչև 2022թ. տարանցման ազատություն է ստացել [15]: Ինչ վերաբերում է դեպի ԵՄ արտահանումներին, ապա հայկական ապրանքները ևս ենթակա են մաքսման, սակայն ՀԸԳՀ-ի միջոցով Հայաստանը շարունակում է օգտվել «Արտոնությունների ընդհանրացված համակարգից» (GSP+), ինչը հնարավորություն է ընձեռում 6400 անուն ապրանք ԵՄ արտահանել նվազեցված մաքսատուրքերով [16]: Ընդ որում, GSP+ ռեժիմի միջոցով ԵՄ-ն կիրառում է որոշակի քաղաքական պայմանականություն՝ Հայաստանից (ինչպես և ռեժիմից օգտվող բոլոր պետություններից) պահանջելով 27 միջազգային կոնվենցիաների իրագործում, որոնք վերաբերում են լավ կառավարման, մարդու իրավունքների, աշխատանքային ստանդարտների, բնապահպանության և այլ հարցերի [17]:

Նոր համաձայնագրով տնտեսական համագործակցության ամենահավակնոտ փոփոխությունը թերևս ծառայությունների ոլորտն է։ ՀԸԳՀ-ով նախատեսվում է փոխադարձ մուտք դեպի ծառայությունների շուկա, ինչպես նաև ԵՄ բազմաթիվ իրավական նորմերի տեղայնացում ՀՀ օրենսդրությունում։

ՀԸԳՀ-ի արդյունավետ իրագործման նպատակով նախատեսվում է 2017-2020թթ. ԵՄ-ի կողմից Հայաստանին տրամադրել մինչև 160 մլն եվրո, որոնց բաշխումն իրականացվելու է՝ ըստ ստորև ներկայացվող աղյուսակի[7]:

[7] Տե՛ս Հայաստանում ԵՄ պատվիրակության պաշտոնական կայք, https://eeas.europa.eu/delegations/armenia_en/896/Armenia%20and%20the%20EU, մատչելի էր 01.03.2018:

2017–2020 թթ. ԵՄ-ի կողմից ՀՀ-ին տրամադրվելիք ֆինանսական օժանդակության բաշխումը

	Տոկոսային ցուցիչ երկկողմ տրամադրվող ընդհանուր հատկացումներից
Տնտեսական զարգացում և շուկայի հնարավորություններ	35%
Ինստիտուտների ամրապնդում և լավ կառավարում	15%
Միակցվածություն, էներգետիկ արդյունավետություն, շրջակա միջավայր և կլիմայի փոփոխություն	15%
Շարժունակություն և միջանձնային շփումներ	15%
Լրացուցիչ աջակցություն ունակությունների հզորացմանը/ինստիտուցիոնալ կառուցմանը և ռազմավարական հաղորդակցությանը	15%
Լրացուցիչ աջակցություն քաղաքացիական հասարակության զարգացմանը	5%

ՀԸԳՀ-ով նախատեսվում է նաև ԵՄ ընդհանուր օդային տարածքին Հայաստանի միանալու վերաբերյալ համաձայնագրի կնքում՝ նպատակ ունենալով խթանել զբոսաշրջությունը, ավելացնել աշխատատեղեր և այլն [18]:

Այսպիսով, կարող ենք փաստել, որ ՀՀ-ԵՄ նոր համաձայնագրի քաղաքական բաղադրիչը, չհակասելով ԵԱՏՄ-ին Հայաստանի անդամակցությունից բխող պարտավորություններին, գրեթե չի տարբերվում նախկինում բանակցված ԱՀ-ից, մինչդեռ տնտեսական բաղադրիչը, չներառելով ԽՀԱԱՀ-ն, Հայաստանին հնարավորություն չի ընձեռում մուտք ունենալ ԵՄ ներքին շուկա և առևտուր անել առանց հավելյալ մաքսատուրքերի: Այնուամենայնիվ, համեմատ համագործակցության նախկին ծավալի՝ ՀԸԳՀ-ն էական փոփոխություններ է նախատեսում: Համաձայնագրի թույլ կողմը, թերևս, անվտանգության ոլորտում, մասնավորապես՝ Լեռնային Ղարաբաղի հակամարտության կարգավորման գործում ԵՄ չափազանց պասիվ ներգրավվածությունն է, ինչը կարող է էապես թուլացնել ԵՄ քաղաքական պայմանականությունը Հայաստանի նկատմամբ:

ՀՀ խորհրդարանական ուժերի մոտ առկա է ընդհանուր կոնսենսուս ՀԸԳՀ-ի շուրջ[8]: Այն ընկալվում է որպես կարևոր փաստաթուղթ ՀՀ-ԵՄ հարաբերությունների հետագա զարգացման համար, որը միաժամանակ չի խոչընդոտում ՌԴ-ի հետ համագործակցությանը և ճկունության հաշվին թույլ է տալիս շարունակել ՀՀ արտաքին քաղաքականությունում իրագործել փոխլրացման սկզբունքը: «Հայաստանի Հանրապետական կուսակցություն» խմբակցության ներկայացուցիչներից մեկը գտնում է, որ ՀԸԳՀ-ի միջոցով «ԵՄ-ն արեց այն, ինչ կարող էր անել դեռևս 2013 թ., սակայն ժամանակային կորստով... իսկ նոր համաձայնագիրը ԵՄ-ի հետ հարաբերությունների զարգացման վերջնակետը չէ, այլ մի հանգրվան, որից հետո կարող է ավելի խորը համագործակցություն լինել» [19]: «Ծառուկյան» խմբակցության պատգամավոր, ԱԺ եվրոպական ինտեգրման հարցերի մշտական հանձնաժողովի նախագահ Նաիրա Զոհրաբյանը գտնում է, որ ՀԸԳՀ-ն ընդամենը հաջողության բանալի է, որն անհրաժեշտ է խելամիտ օգտագործել: Ուստի համաձայնագրի արդյունավետ իրագործումը կախված է ՀՀ կառավարության քաղաքական կամքից և ԵՄ-ի կողմից տրված «տնային առաջադրանքի» կատարումից [20]: Այս կարծիքն է կիսում նաև «Ելք» խմբակցության պատգամավոր, ԱԺ արտաքին հարաբերությունների մշտական հանձնաժողովի անդամ Արտակ Զեյնալյանը [21]: ՀՅԴ խմբակցության ղեկավար, ՀՀ ԱԺ Արտաքին հարաբերությունների մշտական հանձնաժողովի անդամ Արմեն Ռուստամյանը գտնում է, որ ՀԸԳՀ-ի ստորագրմամբ նոր հնարավորություններ են բացվում Հայաստանի համար, քանզի դրանք առկա են արդեն երկու դաշտում (ԵՄ և ՌԴ), և դրանցից օգտվելը «լավ նախադրյալներ է ստեղծում երկրի առջև ծառացած խնդիրները լուծելու համար» [22]:

Ամփոփելով կարող ենք կատարել մի քանի եզրակացություններ:

ԵԱՏՄ-ին միանալով և ԵՄ-ի հետ ՀԸԳՀ-ի ստորագրմամբ Հայաստանը թեև չստացավ ԵՄ-ի հետ ազատ առևտրի հնարավորություն, սակայն ճկուն արտաքին քաղաքականության շնորհիվ պահպանեց փոխլրացման սկզբունքը՝ համատեղելով երկու ինտեգրացիոն նախագծերը և խուսափելով ՌԴ-ԵՄ շահերի բախման կիզակետ լինելուց: Նոր համաձայնագիրը նաև երրորդ երկրների[9] հետ

[8] Հաշվի առնելով 2018 թ. ՀՀ անցումը խորհրդարանական կառավարման համակարգի՝ խնդրի վերաբերյալ Ազգային Ժողովի չորս խմբակցության ներկայացուցիչների դիրքորոշումը վերհանելու նպատակով հեղինակը խորին հարցազրույցներ է անցկացրել յուրաքանչյուր խմբակցության մեկ ներկայացուցչի հետ:

[9] Նկատի են առնվում ԵՄ-ին չանդամակցող բոլոր երկրները:

հարաբերություններում ԵՄ քաղաքականության ճկունության և ԱլԳ տարբերակման սկզբունքի դրսևորում է: ՀՀ-ի հետ ԱՀ-ի ստորագրման անհնարինությունն ու Ուկրաինայում աշխարհաքաղաքական բախման հետևանքները ԵՄ-ին ստիպեցին նոր մոտեցում որդեգրել ԱլԳ տարածաշրջանի երկրների հանդեպ՝ չպահանջելով բացարձակ եվրոպականացում, այլ բավարարվելով սահմանափակ համագործակցությամբ:

ՀԸԳՀ-ն, լինելով հավակնոտ փաստաթուղթ, այնուամենայնիվ, չի կարող համարվել ՀՀ-ԵՄ համագործակցության սահման, այլ պարզապես «անցումային գործարք», որը կարող է առաջիկա մի քանի տարվա ընթացքում վերանայվել և ենթարկվել էական փոփոխությունների: Մասնավորապես՝ կախված Հայաստանի կողմից փաստաթղթում ձևակերպված պահանջների կատարումից՝ պետք է խելամիտ ժամկետում (մինչև հինգ տարի) Հայաստանին առաջարկվի ՎԱԳԾ, քանզի այն նախևառաջ քաղաքական պայմանականության գործիք է և կախված չէ տնտեսական առաջընթացից: Ուստի, այս առումով չպետք է տարբերություն դրվի ասոցացված երկրների և Հայաստանի միջև:

ՀԸԳՀ-ի միջոցով բացի երկրի քաղաքական, իրավական և տնտեսական համակարգերի արդիականացումից Հայաստանը կարող է զարգացնել պաշտպանական համակարգը ևս: ԵՄ ԸԱՊՔ-ի շրջանակներում իրականացվող առաքելություններին մասնակցությունը կարող է բարելավել ՀՀ զինված ուժերի տեխնիկական պատրաստականությունը: Զուգորդվելով Հավաքական անվտանգության պայմանագրի կազմակերպությանը ՀՀ անդամակցության և ՆԱՏՕ-ի առաքելություններին մասնակցության հետ՝ այն կարող է փոխլրացման սկզբունքը արտաքին քաղաքականությունից տեղափոխել նաև անվտանգային հարթություն:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Review of the European Neighbourhood Policy," JOIN(2015) 50 final, 18.11.2015, from http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf
2. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part, JOIN(2017) 37 final, 25.09.2017, from https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf, մատչելի էր 01.03.2018.

3. «Հայաստանի Հանրապետության Ազգային անվտանգության ռազմավարություն», ՀՀ արտաքին գործերի նախարարության պաշտոնական վեբ-կայք, http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinearm.pdf
4. *Lester S., Mercurio B., Bartels L.* Bilateral and Regional Trade Agreements: Commentary and Analysis, 2nd edition, Cambridge: Cambridge University Press. P. 327.
5. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part, JOIN(2017) 37 final, 25.09.2017, from https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf, մատչելի էր 01.03.2018. P. 17.
6. Mobility partnerships, visa facilitation and readmission agreements", Եվրոպական հանձնաժողովի պաշտոնական վեբ-կայք, https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/international-affairs/eastern-partnership/mobility-partnerships-visa-facilitation-and-readmission-agreements_en
7. *Poli S.* The European Neighbourhood Policy: Differentiation without Political Conditionality?, Yearbook of Polish European Studies, 2015, Vol. 18. P. 147.
8. "Visa liberalisation with Moldova, Ukraine and Georgia", Եվրոպական հանձնաժողովի պաշտոնական վեբ-կայք, https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/international-affairs/eastern-partnership/visa-liberalisation-moldova-ukraine-and-georgia_en
9. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part, JOIN (2017) 37 final, 25.09.2017, from https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf, մատչելի էր 01.03.2018. P. 26.
10. Պայմանագիր Հայաստանի Հանրապետության՝ ,Եվրասիական տնտեսական միության մասին» 2014 թվականի մայիսի 29-ի պայմանագրին միանալու մասին, http://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=95214
11. Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and the Council of 25 October 2012 applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008, Official Journal of the European Union, 2012, http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/october/tradoc_150025.pdf
12. Report from the Commission to the European Parliament and the Council, Report on the Generalised Scheme of Preferences covering the period 2014-2015, SWD(2016) 8 final, 28.01.2016, from http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/january/tradoc_154180.pdf
13. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part, JOIN(2017) 37 final, 25.09.2017, from https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf
14. Հարցազրույց ՀՀ ԱԺ ,Հայաստանի Հանրապետական կուսակցություն» խմբակցության անանուն ներկայացուցչի հետ, 19.01.2018:
15. Հարցազրույց ՀՀ ԱԺ ,Ծառուկյան» խմբակցության պատգամավոր, ՀՀ ԱԺ եվրոպական ինտեգրման հարցերի մշտական հանձնաժողովի նախագահ Նաիրա Զոհրաբյանի հետ, 27.11.2017:
16. Հարցազրույց ՀՀ ԱԺ ,Ելք» խմբակցության պատգամավոր, ՀՀ ԱԺ արտաքին հարաբերությունների մշտական հանձնաժողովի անդամ Արտակ Զեյնալյանի հետ, 25.11.2017:

17. Հարցազրույց ,Հայ Յեղափոխական Դաշնակցություն» խմբակցության ղեկավար, ՀՀ ԱԺ Արտաքին հարաբերությունների մշտական հանձնաժողովի անդամ Արմեն Ռուստամյանի հետ, 18.12.2017:

ПЕРЕСТРОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И ПОВЕСТКА ДНЯ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

М.К. Акопян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье изучается «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве» (СВРП), подписанное между Арменией и Европейским союзом в рамках V саммита Восточного партнерства (24 ноября 2017г.), представлены рамки и ограничения, исходящего из соглашения политического и экономического сотрудничества, а также различия с «Соглашением об ассоциации», обговоренным в 2013 году, но не подписанным в результате вступления Армении в Евразийский экономический союз (ЕвразЭС) и недостаточной гибкостью внешней политики ЕС.

Политическая составляющая нового соглашения Армения-ЕС не противоречит обязательствам Армении перед Евразийским экономическим союзом и не сильно отличается от ранее согласованного Соглашения об ассоциации. Однако компонент экономики и торговли не включает «Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли», не позволяя Армении выйти на внутриевропейский рынок и делать торговлю без дополнительных тарифов. Тем не менее, СВРП предусматривает значительное улучшение двусторонних отношений между ЕС и Арменией. «Ахиллесовой пятой» соглашения является проблема безопасности, а именно крайне пассивное участие ЕС в урегулировании Карабахского конфликта, которое может ослабить политическую обусловленность ЕС в отношении Армении.

На основе узученных интервью вкратце даны позиции представителей четырех фракций Национального собрания Армении относительно нового документа. Позиции эти исключительно положительные, но с некоторыми оговорками, связанными с имплементацией документа. Общий вывод заключается в том, что СВРП является лишь «переходной сделкой», которая может быть пересмотрена в зависимости от имплементации. Это также позволяет Армении сохранить в своей внешней политике принцип комплементарности.

Основные выводы исследования заключаются в следующем:

Присоединившись к Евразийскому экономическому союзу и подписав СВРП с ЕС, Армения не получила свободной торговли с ЕС, но благодаря своей гибкой внешней политике Армения могла сочетать два вектора интеграции, сохранив, тем самым, принцип взаимодополняемости и избежать геополитического столкновения между Россией и ЕС.

СВРП также является проявлением гибкости политики ЕС и принципа дифференциации Восточного партнерства в отношениях с третьими странами. Невозможность подписания Соглашения об ассоциации с Арменией и последствия геополитического столкновения в Украине заставили ЕС пересмотреть свой подход к странам Восточного партнерства, не требуя абсолютной европеизации и приступить к ограниченному сотрудничеству.

Несмотря на то, что СВРП является амбициозным документом, его нельзя считать пределом сотрудничества между ЕС и Арменией, а скорее «переходной сделкой», которая может быть пересмотрена и изменена в течение предстоящих лет. В частности, в зависимости от выполнения Арменией обязательств РА, должен быть предложен План действий по либерализации виз в разумные сроки (до пяти лет), поскольку это является инструментом политической обусловленности и не связан с экономикой и торговлей. Поэтому в этом отношении между Арменией и странами, ассоциированными с ЕС, не должно быть разницы.

Через СВРП, помимо модернизации политических, правовых и экономических систем, Армения также имеет возможность развивать свою систему обороны. Участие Армении в операциях «Общей политики безопасности и обороны ЕС» может улучшить техническую готовность вооруженных сил Армении. Параллельно с членством Армении в Организации коллективной безопасности и участием в миссиях НАТО это может перенести принцип взаимодополняемости с уровня политического на уровень безопасности.

Ключевые слова: Европейское соседство, Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, политический диалог, либерализация виз, экономическое сотрудничество, позиции политических сил.

ARMENIA-EUROPEAN UNION RESHAPED RELATIONS AND THE DEVELOPMENT AGENDA

M. Hakobyan

ABSTRACT

The current article discusses the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement (CEPA) between Armenia and the European Union signed within the framework of the 5th Eastern Partnership Summit on 24 November 2017. The article also presents the scope and constraints of political and economic cooperation as agreed in CEPA, as well as the differences with the EU-Armenia Association Agreement which was negotiated in 2013 but failed to be signed due to Armenia's membership to the Eurasian Economic Union and the EU's insufficient flexibility in foreign policy. In addition, based on in-depth interviews, the views of the representatives of four parliamentary factions of Armenia about CEPA are briefly presented. They are absolutely positive, yet some reservations regarding the imple-

mentation phase remain. The general conclusion is that CEPA is merely a “transitory deal” which may be revised depending on its implementation. It also allows Armenia to keep exercising complementarity as its primary foreign policy tool.
Keywords: European Neighbourhood, Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement, political dialogue, visa liberalisation, economic cooperation, views of political actors.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА[1]

М.Л. Арутюнян

Российско-Армянский университет
mariannaarm@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В формирующемся открытом информационном обществе конкуренция становится неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности государств, в том числе и сферы образования. В статье рассматривается конкурентоспособность системы высшего образования РА и обосновывается важность поиска путей повышения конкурентоспособности данной сферы в формирующемся информационном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, коммуникация, конкурентоспособность, эффективность.

Уровень развития сферы образования, как показывает история и практика, непосредственно влияет на научно-технический, социально-экономический и нравственный потенциал любого государства. Именно в системе образования отражаются задачи социального и экономического развития, характер политических и идеологических установок в определенном социуме.

Становление информационного общества сегодня можно рассматривать не только как теоретический конструкт, но и как объективно существующую реальность. Информационная революция XXI века, которая произошла из-за стремительного роста новых информационных и телекоммуникационных технологий, в корне изменила все сферы жизнедеятельности общества, выдвинув новую ценностно-мировоззренческую модель.

Информационное общество несет в себе большой потенциал для совершенствования политического устройства государства и повышения эффективности государственного управления, оптимального использования имеющихся ресурсов, значительного повышения «…Как писатель Стивенсон, елико возможно, старался избегать в своих произведениях женских персонажей, а из тех немногих, которых он все же вывел, далеко не все ему уда-

---

[1]Исследование выполнено в Российско-Армянском университете за счет средств, выделенных в рамках субсидии МОН РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности РАУ.

лись. По просьбе Ллойда в «Острове сокровищ» нет ни одной женщины (кроме матери мальчика), в «Докторе Джекиле» есть только служанки … Стивенсон разделял типичное для англичан отношение к женщине, колеблющееся между сентиментальным умилением и недоверием. Он восторженно смотрел на маленьких девочек, с сыновним почтением – на матерей и женщин, относящихся к мужчинам по-матерински, но женщина в расцвете лет и красоты΄- нет! Однако сравнительное отсутствие женщин в его романах и полное игнорирование секса послужило Стивенсону ко благу. Это считалось признаком «мужественности», заслуживающим всяческой похвалы, и, несомненно, сильно способствовало популярности писателя» [Олдингтон Р. Портрет Бунтаря. М.: «Молодая Гвардия», 1973. С. 183]. эффективности производства, расширения возможности интеграции экономики в мировую систему хозяйства, развития сферы услуг и образования, для экономии природных ресурсов и защиты окружающей среды, перехода к устойчивому развитию, преодоления конфликтов и войн как внутри государства, так и между странами [1].

Армения находится на стадии становления информационного общества. На это указывают такие факторы как: слабая техническая оснащенность страны, низкий уровень автоматизации отраслей экономики, низкий уровень дохода населения, проблема неравномерности в обеспечении возможности доступа населения к компьютерным и телекоммуникационным средствам, проблемы, связанные с недостаточным уровнем компьютерной и информационной грамотности населения, трудности в сфере образования и науки, в частности, медленное внедрение новых методов обучения с применением современных информационно-коммуникационных технологий и т.д. Другой, не менее важной проблемой, остается законодательная противоречивость и размытость законов и правительственных инициатив в области информации.

Правительство РА формирование информационного общества рассматривает в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики. Свидетельством этому являются принятые правительством РА концепции и руководящие документы, в которых содержались стратегия и тактика развития государства в условиях информационного общества. В 2002 году правительством РА был создан фонд «Инкубатор предпринимательства» для содействия развитию информационных технологий в РА. В сфере построения информационного общества примечательны также следующие документы: решение правительства РА от 22.06.2006 года № 24 «О Женевской программе деятельности по направлению формирования информационного общества», где особо указываются пути преодоления информа-

ционного неравенства с помощью создания глобальных сетей и международного сотрудничества; Решение правительства РА от 21.06.2007 года № 695-А, где подчеркивается роль развития информационных технологий не только как отдельной отрасли, но и как важнейшего фактора экономического развития, повышения производительности, достижения и поддержания конкурентоспособности в мировой экономике; Решение правительства РА от 13.03.2008 года № 293 о содействии развитию сферы информационных технологий, где указывается на то, что сфера информационных технологий – одна из приоритетных сфер развития РА. В этом же году были предприняты попытки формирования и внедрения законодательной базы для дальнейшего создания в РА электронного правительства. В 2010 году правительством РА было принято Решение от 25 февраля 2010 года № 7 об утверждении концепции, направленной на формирование электронного правительства РА до 2012 года. В концепции, к примеру, было указано, что электронное общество предполагает обязательные навыки работы с компьютером. Для этого была разработана еще одна концепция «Компьютерная грамотность в школе» [2]. 19 марта 2014 года правительство РА приняло концепцию об информатизации деятельности органов местного самоуправления и о политики развития информационного общества на местах. В данной концепции правительство РА развитие информационных технологий и политику по формированию информационного общества объявляет и рассматривает как приоритетный сектор экономики Армении [3]. 17 декабря 2014 года был принят закон РА «О государственной поддержки сферы информационных технологий» [4]. В данном законе определяются основные принципы и цели государственной поддержки сферы информационных технологий и механизмы регулирования данной сферой.

Целью формирования информационного общества в РА является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности РА во всех сферах жизнедеятельности, совершенствование системы государственного управления на основе информационных и телекоммуникационных технологий. Для формирования информационного общества в Армении должны быть предварительно разработаны, внедрены и развиты адаптативные механизмы, изменены экономические и государственно-политические структуры. Кроме того, необходимо:

- обеспечить высокий уровень доступности для населения информации и технологий;

- на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий повысить качество и эффективность науки, системы образования, социальной защиты и т.д.;
- повысить уровень подготовки квалифицированных кадров;
- в информационной сфере усовершенствовать систему государственных гарантий конституционных прав человека;
- содействовать развитию международного сотрудничества;
- использовать возможности информационных технологий для укрепления обороноспособности государства.
- создать возможности противодействия использованию потенциала информационных технологий в целях угрозы национальной безопасности;
- повысить эффективность взаимодействия гражданского общества и бизнеса с институтами государственной власти;
- развить систему культурного и гуманитарного просвещения.

В формирующемся открытом информационном обществе конкуренция становится неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности государства. В информационном обществе с открытой рыночной экономикой конкурентоспособность отрасли (предприятия) определяет, станет ли она успешной или потерпит «крах». Само слово конкуренция, от латинского "concurrentia" означает столкновение, состязание. В научной литературе сегодня можно найти множество определений понятия «конкуренция». Классическая теория конкуренции была представлена уже в работах А. Смита, который рассматривал развитие товарно-денежных отношений в условиях свободной конкуренции. В работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» представлено понятие «невидимой руки», означающее рыночный механизм саморегулирования экономики. Согласно утверждению А. Смита, в экономике свободного рынка отдельные индивиды, руководствуясь собственными интересами, направляются как бы невидимой рукой рынка, и их действия поневоле обеспечивают осуществление интересов других людей и общества в целом [5]. Другой классик политической экономии Д. Рикардо главным условием наращивания экономического богатства страны считал свободную конкуренцию. Уже в трудах Д. Рикардо прослеживается идея, заключающаяся в непосредственной зависимости ценообразования от конкуренции. Однако всестороннее развитие теория конкуренции получила в XX веке в трудах таких ученных, как: Й. Шумпетера, К.Р. Макконнелла, С.Л. Брю, Ф. Хайека и М. Портера. Так, например, Фридрих А. Фон Хайек так определяет понятие конкуренции: «Конкуренция – процесс, посредством которого люди по-

лучают и предают знания, следовательно, конкуренция ведет к лучшему использованию способностей и знаний» [6].

М. Портер отмечает: «конкуренция – динамичный и развивающийся процесс, непрерывно меняющийся ландшафт, на котором появляются новые товары, новые пути, новые производительные процессы и новые рыночные сегменты» [7].

Обобщив научные определения понятия «конкуренция», можно определить конкуренцию как некое соперничество, состязательность, соревнование, даже борьбу между участниками рынка за достижение лидерства, превосходства, удовлетворения своего интереса.

Конкурентоспособность в любой сфере должна быть ориентирована на понимание нужд потребителя и тенденций их развития, знания состояния и тенденций развития рынка, владение полной информацией об окружающей среде и тенденциях ее изменений, умение и возможности создать «товар» и так довести до потребителя, чтобы они предпочли именно данный «товар», «товару» конкурента. Результатом повышения конкурентоспособности должна стать реализация потенциальных и реальных возможностей.

Отметим, что конкурентоспособность в любой сфере, в том числе и в сфере образовании, состоит из трех блоков:

- конкурентоспособность государства;
- конкурентоспособность отрасли;
- конкурентоспособность учреждения (образовательного учреждения).

Для повышения конкурентоспособности в сфере образования необходимо, чтобы три блока работали слажено.

При применении понятия «конкурентоспособность» по отношению сферы образования можно вывести следующее определение: конкурентоспособность сферы образования – это способность и возможность эффективной научно-образовательной деятельности и ее эффективной практической реализации в условиях конкурентного рынка (внутреннего и внешнего) образовательных услуг с целью удовлетворения потребностей покупателей этих услуг. Конкурентоспособность в сфере образования опирается на широкое воспроизводство собственного научно-технического, финансового, производственного и трудового потенциала внутри государства.

Образовательные учреждения в условиях рыночной экономики, снижения объема государственного финансирования постоянно вынуждены отслеживать уровень конкурентоспособности и изучать конкурентов как внутри самого государства, так и на международной арене. Так, например, И.И. Савченко, рассматривая конкурентоспособность высших образовательных

учреждений постсоветских стран, утверждает: «Все вузы в государственной системе высшего профессионального образования (включая вузы с бюджетным финансированием, а также негосударственные образовательные учреждения с платным обучением) сталкиваются с задачей минимизации затрат, завоеванием и расширением рынка сбыта, выживанием в условиях жесткой конкурентной борьбы» [8].

Следовательно, перед учебными заведениями встают те же цели и задачи, как и перед обычными субъектами рыночных отношений в условиях рынка.

В связи с этим, конечно, возникает опасность, что рынок продиктует образованию сугубо утилитарные, узко прагматические требования, что приведет к потере фундаментальности и гуманизма системы высшего образования государства. В деле нейтрализации данной опасности важна роль государства не только как гаранта качества образования, но как заказчика и потребителя образовательных услуг.

Здесь также важны меры, предпринимаемые государством. Меры государственного воздействия могут быть:

- экономического характера, которые выражаются в финансово-кредитной, налоговой, таможенной, амортизационной политике; государственных и межгосударственных дотациях и субсидиях; системе государственного страхования и т.д.;
- административного характера, которые выражаются в разработки, совершенствовании и реализации законодательных актов, которые способствовали бы нормальному функционированию и развитию субъектов образовательного рынка; в государственной системе стандартизации и сертификации услуг; в государственном надзоре и контроле за соблюдением обязательных требований, и стандартов; в правовой защите интересов общества; в создание условии, формирующих экспортный потенциал сферы образования.

В информационном обществ значение высшего образования как фактора, формирующего новое качество экономики и общества в целом, повышается вместе с повышением значения человеческого капитала. Современное состояние системы образования в РА можно охарактеризовать рядом тенденций, которые присущи странам, находящимся на пути реформирования сфере образования периода реформ. Данные тенденции выражаются в росте доли платного образования, индивидуализации и интернационализации сферы образования, появлении новых форм образования, в смене образовательных технологий, в переходе к уровневой системе образования в со-

ответствии с Болонским процессом, в ухудшающейся демографической ситуации в нашей стране. В связи с этим, остро встал вопрос поиска путей повышения конкурентоспособности сферы высшего образования РА в новых условиях.

Повышение конкурентоспособности системы образования РА в рамках информационного общества возможно путем повышения ее качества и эффективности.

«Качество» образования – категория социальная. Она определяет результативность образовательного процесса в информационном обществе, его релевантность потребностям различных социальных и профессиональных кластеров [9].

Качество образования формируется как результат всей совокупности деятельности образовательных учреждений, таких, как: содержание образования, форм и методов обучения, материально-технической базы, персонала, который обеспечивает развитие компетенций обучающихся. Высокие темпы роста потоков информации в информационном обществе, появление новых специальностей, моделей и методов обучения привели к необходимости широкого внедрения в образовательный процесс автоматизированных информационных и управляющих систем и комплексов. Использование информационных технологий в образования и науки даст возможность:

- внедрить новые формы, тематики и методы обучения, отражающие современные научные достижения;
- совершенствовать механизмы управления системой образования на основе использования электронных банков данных научно-педагогической информации, коммуникационных сетей;
- самостоятельно освоить информационную среду и адаптироваться к ней;
- повысить эффективность подготовки при сокращении времени;
- организовать занятия без отрыва от работы;
- коммерциализировать науку – посредствам информационных технологий могут быть созданы условия для внедрения результатов научных исследований в производство;
- расширить обмен научной информацией на основе информационных технологий;
- создать правовые и организационные условия для укрепления научно-исследовательского потенциала системы высшего образования.

В информационном обществе рынка труда формирует запрос не только на знания, но и на компетенции и навыки специалистов. Именно им сегодня

отводится ведущая роль в успешной профессиональной деятельности. В международных стандартах серии ИСО 9000 качеству специалиста, его компетентности посвящен отдельный раздел (6.2), где внимание акцентируется также и на компетентности персонала и руководства организации [10]. Как отмечает А.Г. Сергеев: «Компетенция в переводе с латинского “competentia” означает круг вопросов, где человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. В этой области человек обладает соответствующими способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой сфере, действовать в ней» [11].

Компетентностный подход в системе высшего образования позволит создать такую модель специалиста, которая сможет, согласовав интересы личности и общества, построить систему, опережающую требования рынка труда. Специалисты указывают, что в условиях глобализации и возрастающей подвижности квалификационных характеристик не профессиональные навыки, а базовые и социальные компетенции выходят на первый план: умение личности самостоятельно выстраивать свой жизненный путь в противоречивом, многополюсном, постоянно меняющемся мире [12].

Компетентный подход в системе высшего образования базируется на формировании и развитии у обучающихся исследовательских навыков. Данные навыки формируются при выполнении научно-исследовательских задач, проектов, лабораторных работ, индивидуальных творческих задач, самостоятельных, курсовых и выпускных квалификационных работ. Компетентный подход дает возможность приспосабливаться к стремительным изменениям в обществе и на рынке труда. Для этого компетенции, формируемые в процессе обучения, должны уточняться и изменяться в зависимости от образовательной практики, это позволит повысить уровень конкурентоспособности на рынке труда.

Система высшего образования, основанная на современном компетентном подходе, в обучении будет обладать такими характеристиками, как: инновационность, расширяемость, эволюционность, практическая направленность, новизна научных знаний и будет привлекательной для потребителей образовательных услуг. При этом, как отмечают В. Солодов, Т. Бриткина, П. Безручко, «в рамках компетентного подхода большое внимание должно уделяться оценке результатов выполнения творческой работы, оценке качества и релевантности творческого продукта, максимальной инициативе и ориентации студента на реальные проблемы и задачи общества, оригинальный характер творческого проекта и ее компьютерную реализацию» [13]. При этом, реализация творческого проекта должна ориентироваться на ры-

ночные отношения и рыночную жизнеспособность предлагаемого продукта, а также направлена на поиск партнеров (реализацию партнерских программ) или клиентов (целевой аудитории). Принцип «обучения через дело» (“learning by doing”) – один из основных в компетентностном подходе для обучения [14].

Ускорившейся процессы глобализации, интеграции, информатизации, коммерционализации, интернационализации высшего образования предъявляют повышенные требования к специалистам, следовательно, одним из путей модернизации образования может стать переход к компетентностным моделям. Эта модель позволит специалистам и компаниям эффективно решать проблемы современного общества, обладать навыками профессиональной мобильности, быть готовыми к инновационной деятельности и стать конкурентоспособными на мировом рынке труда.

В современном информационном, глобальном мире для повышения конкурентоспособности продукции, фирмы, отрасли или государства на международной арене весьма важным становится создание благоприятного образа (имиджа). Благоприятный имидж образовательного учреждения также создается на основе следующих компонентов: повышения социального престижа, уровня кадрового персонала, уровня материально-технического обеспечения, эффективности и контроля качества образовательных услуг, а также привлекательная реклама и разнообразные методы стимулирования сбыта.

Данное утверждение непосредственно касается также сферы высшего образования. В деле создания привлекательного образа на международной арене важнейшую роль может сыграть многочисленная армянская диаспора. Сегодня большинство армян по всему миру получают хорошее образование в ведущих мировых образовательных и научных центрах, добиваются высоких результатов в бизнесе, продвигаются в мире науки, спорта, искусства, политики. Активно участвуя в национальных образовательных программах, армянская диаспора может поспособствовать становлению положительного образа системы высшего образования РА.

Эффективная стратегия повышения конкурентоспособности системы высшего образования в условиях информационного общества должна строиться на сочетании методов научно-обоснованного прогнозирования, глубокого планирования и маркетинговых механизмах адаптированных к реальной рыночной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волокитин А.В.* Приветствие участникам распределенной конференции «Технологии информационного общества 99-Россия» // Информационное общество, 2000. Вып. 1. М.: Изд-во ГУВШЭ, 1999. СС. 4–6.
2. Эл. источник: http://www.computerforall.am/ (дата обращения: 09.09. 2014).
3. Эл. источник: http://www.mtad.am/files/docs/792.pdf (дата обращения: 3.03.2017).
4. Эл. источник: http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=95017 (дата обращения: 12.04.2017).
5. *Гребенкина Л.К., Жокина Н.А., Еремкина О.В.* Введение в педагогическую деятельность. Рязань, 2006. 168 с. Гульбина Н.И., Артибякина Т.Ю. История экономических учений. Учебно-методическое пособие. Томск: Изд. дом Томского государственного университета, 2016. С. 16.
6. *Хайек Ф.А.* Познания, конкуренция и свобода. С-Пб., Пневма, 1999. С. 66.
7. *Портер М.Э.* Международная конкуренция. Пер. с. англ. / под ред. В.Д. Щетинина. М.: Международные отношения, 1993. С. 115.
8. *Косевич А.В., Кожина В.О.* К вопросу повышения конкурентоспособности России на мировом рынке образовательных услуг. Эл. источник: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-povysheniya-konkurentosposobnosti-rossii-na-mirovom-rynke-obrazovatelnyh-uslug (дата обращения: 15.03.2018).
9. *Гребенкина Л.К., Жокина Н.А., Еремкина О.В.* Введение в педагогическую деятельность. Рязань, 2006. 168 с. Гульбина Н.И., Артибякина Т.Ю. История экономических учений. Учебно-методическое пособие. Томск: Изд. дом Томского государственного университета, 2016. С. 16.
10. *Сергеев А.Г.* Компетентность и компетенции: монография / Сергеев А.Г. Владим. гос. ун-т. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. С. 3.
11. *Морозова Н.Н.* Модель исследовательских компетенций / Н.Н. Морозова, И.М. Фадеева // Университетское управление. 2007. № 5. СС. 43–51.
12. *Солодов В., Бриткина Т., Безручко П.* Профессиональные компетенции. Журнал HRTimes, июль 2010, № 16 (42). СС. 5–11.
13. *Спичкин А.В*. Что такое медиаобразование: Книга для учителя. Курган, 1999, 114 с. С. 175.

THE WAYS OF INCREASING EFFICIENCY AND COMPETITIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF RA IN THE EMERGING OPEN INFORMATION SOCIETY

M. Harutyunyan

ABSTRACT

In the emerging open information society, competition becomes an integral part of all areas of vital activates of states, as well as the field of education. The article conceders the competitiveness of the higher education system of RA and justifies the importance of finding ways to increase the competitiveness of this sphere in the emerging information society.

Keywords: information society, communication, competitiveness, efficiency.

ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԱՐԴՅՈՒՆԱՎԵՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՄՐՑԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐՁՐԱՑՄԱՆ ՈՒՂԻՆԵՐԸ

Մ.Լ. Հարությունյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ձևավորվող բաց ինֆորմացիոն հասարակությունում մեջ մրցակցությունը դառնում է պետության կենսագործունեության բոլոր ոլորտների, այդ թվում նաև կրթության ոլորտի անբաժանելի մասը: Հոդվածում ուսումնասիրվում է ՀՀ բարձրագույն կրթության համակարգի մրցունակությունը և հիմնավորվում է այս համակարգի մրցունակության բարձրացման ուղիների որոնման կարևորությունը ձևավորվող ինֆորմացիոն հասարակությունում:

Հիմնաբառեր՝ տեղեկատվական հասարակություն, հաղորդակցություն, մրցունակություն, արդյունավետություն:

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРМИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Э.Т. Дарбинян, О.Л. Саркисян

Российско-Армянский университет
hermine121@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В условиях стремительных изменений в Армении требуется новая модель армиестроительства, которая, став действующей системой, обеспечит эффективное функционирование военных и гражданских институтов государства. Естественно, что данная система должна основываться не только на специфике Армении и армянства, но и учитывать опыт других стран. В этом контексте интересным представляются некоторые особенности армиестроительства в Древней Греции.

Ключевые слова: армиестроительство, нациестроительство, армия, Республика Армения, Спарта, Афины.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является обеспечение национальной безопасности, обороны, суверенитета и территориальной целостности страны, которая достигается с использованием всех имеющихся сил, средств и ресурсов государства, возможностей всех сфер общественной жизни. Военная безопасность является важнейшей составной частью национальной безопасности страны. Вместе с тем, в ее обеспечении определяющее значение имеет военный потенциал государства, формируемый главным образом в военной сфере жизни общества.

Как известно, успехи в сфере обеспечения безопасности и военные успехи – это не только материальные способности вести боевые действия, обеспечивать национальную безопасность, но и психологические особенности, наличие воли, а также готовность народа и общества внести свой вклад наравне с государственными органами, которые призваны выполнять функцию обеспечения безопасности.

Становление армянской армии протекало в сложнейшей обстановке. Ее создание было необходимым в условиях становления Республики Армения и Карабахской войны: требовалось обеспечить безопасность армянского населения. Армия была первоначальным и, можно сказать, самым развитым не только государственным, но и общественным институтом в новопровозглашенной Республике и остается таковым сейчас.

В октябре 2016 года бывшим министром обороны РА В. Саркисяном во время обсуждения Программы деятельности правительства РА в Национ-

нальном собрании РА была предложена концепция «Нация-армия»[1]. По его утверждению, концепция предполагает участие государственных структур и общества в решении проблем безопасности и обороны страны, взаимодействие военных ведомств с гражданскими и создание доверия к армии. Затем на заседании коллегии при министре обороны он конкретизировал содержание данного концепта [2]. Сущность данного проекта выражена в следующей формуле: «Нация-армия – намного шире, чем национальная армия, так как национальная армия служит нации, а нация-армия есть сама нация» [3].

Во время выступления на конференции «Нация-армия 2017» бывший министр обороны отметил, что армянский народ всегда был «нацией-армией», но сегодня эту идею хотят институционализировать: это будет армянская модель со всеми своими особенностями, проблемами и вызовами. Армянскому народу требуется объединиться, чтоб решить стоящие перед ним вопросы. Возможно, мы не осознаем, но большая часть населения так или иначе связана с военной сферой, либо живет в приграничных районах, что делает его частью «нации-армии». По его утверждению, выдвигаемая им концепция означает не милитаризацию общества, а демократизацию вооруженных сил, интегрирование армии со всеми сферами государственной системы, чтобы вкладываемый в армию ресурс работал на развитие и прогресс самых разных сфер, в особенности образовательной, правовой и военно-промышленной. Можно сказать, это модель нациестроительства, которая требует институционализации [4].

Начальник Национального исследовательского университета обороны Минобороны Армении, доктор политических наук, профессор, генерал-лейтенант Гайк Котанджян, выступая с докладом на форуме «Нация-армия 2017» в Ереване, также выразил свою точку зрения касательно данной концепции: «Анализ баланса военных угроз безопасности Республики Армения и ее ресурсов для их парирования свидетельствует о том, что в основу дальнейшего развития системы обороны должны быть заложены инновационные концептуальные идеи, а также должны применяться самые современные средства общенациональной обороны, созвучные развитию оборонно-безопасностной мысли союзников и партнеров Армении и их технологическим достижениям. Подобной идеей стратегического калибра является концепция «Нация-армия», внедрение которой предполагает формирование между обществом и Вооруженными силами взаимодействия с качественно новым уровнем и глубиной» [5].

17 февраля 2018 года была принята «Программа модернизации вооруженных сил Республики Армения в 2018–2024гг.». В данном документе на-

ция-армия декларируется идеалом модернизации армянской армии. Армия должна стать не грузом для государства, а мотором, локомотивом развития индивида, как гражданина, общества и государства. Именно из армии должны идти стимулы прогрессивного развития всего общества и государства. Армия – кузница лидеров – носителей новой идентичности. Армия должна быть примером законности и справедливости [6]. Как говорится в самой программе, этот документ является «военным путеводителем». Он фрагментарен и носит декларативный характер. Есть множество вопросов, которые не были затронуты в данной программе, либо не были конкретизированы и их можно интерпретировать по-разному.

Концепция «Нация-армия» в свое содержание должна включать не столько вопросы, положения, касающиеся армии, а такие вопросы, как относиться к армии и как с ней взаимодействовать. Это вопросы, которые выходят за рамки военной сферы и призваны объединить все сферы общественной жизни в государстве для усиления страны и обеспечения безопасности. Данная концепция должна функционально разделить и объединить армию и общество. С. Хантингтон в своей книге «Солдат и государство» писал: «Нации, которые развивают сбалансированные образцы военно-гражданских отношений, имеют большое преимущество в обеспечении безопасности. Нации, которые этого не делают, растрачивают свои ресурсы и увеличивают некалькулируемые риски» [7].

В течение тысячелетий нашей истории мы постоянно сталкивались с различными проблемами, такими, как сохранение идентичности и угроза существования народа, но наш народ всегда преодолевал проблемы, когда он объединялся и каждый выполнял свою незаменимую роль. И сегодня модель нациестроительства должна предполагать аналогичное объединение: армянское общество, каждый ее представитель может внести свой незаменимый вклад в решение существующих проблем во всех сферах, в том числе и в военно-оборонной и сфере безопасности. Концепция должна обеспечивать плавный переход общества от обычной жизни к военной при возникновении необходимости и, наоборот, готовность общества собраться, объединить усилия для предотвращения угрозы.

По нашему мнению, такая концепция предполагает также эффективное противостояние существующим проблемам в сфере обороны и безопасности Армении. В этом контексте в Армении должна быть разработана также соответствующая модель армиестроительства. Модель армиестроительства должна быть направлена на развитие и усиление страны и учитывать существующие реалии. Естественно, что данная система должна основываться не

только на специфике Армении и армянства, но и учитывать опыт других стран, в том числе и исторический. В этом контексте важным является изучение опыта тех стран, которые будут интересны с точки зрения применения их опыта в армянской действительности. В данном конкретном случае интересен опыт Древней Греции, в частности, Афин и Спарты. Но надо учитывать, что как Армения, так и полисы имеют свои особенности, и «слепой» перенос элементов армиестроительства полисов на Армению не даст положительных результатов.

При изучении некоторых особенностей армиестроительства Древней Греции нас интересует вопрос эффективности военной системы полисов, как в мирное, так и в военное время, и механизмы перехода населения от мирной жизни к военной при наличии немногочисленного населения.

Наиболее влиятельными и развитыми полисами Древней Греции, которые имели особое значение в ее истории, были Спарта и Афины, где сложились свои модели армиестроительства: спартанская и афинская.

В Древней Греции идея служения отечеству, готовность с оружием в руках выступить на защиту независимости и территориальной целостности народа, государства было не только высшей ценностью, но и важнейшим условием существования и развития граждан, их постоянного образа жизни. Государство было высшей ценностью для гражданина полиса, так как в своем полисе гражданин имел особые права, привилегии, которыми не обладал негражданин, что выделяло его на их фоне. Но кроме прав, гражданин имел и обязанности, в том числе, и служить и защищать свой полис.

По существу, в Древней Греции был в полной мере на практике осуществлен принцип обеспечения национальной безопасности посредством формирования с раннего детского возраста готовности к вооруженной защите своего отечества, что было обусловлено требованиями подготовки эфебов[1] в Афинах и Спарте.

[1] Термин «эфеб» имеет очень широкое значение: от общего «юноша», «молодой человек», «подросток, достигший возмужалости» до специфического, обозначавшего молодого человека от 18 до 20 лет, проходящего военную подготовку под контролем государства. «Пройти эфебию» во второй половине IV в. до н.э. стало синонимом понятия «быть полноправным гражданином», поскольку в классическое время, по описанию Аристотеля, только успешно прошедших эфебию после специальной дополнительной проверки в отношении наличия гражданского статуса обоих родителей – докимасии – включали в состав афинских граждан [8]

Эфебия была военно-образовательным установлением, имевшим достаточно обширную программу подготовки юношей к вступлению во взрослую жизнь. Основной акцент ставился на военную подготовку и гимнастику [9].

Древние греки были опытными теоретиками и практиками основ военного искусства. По словам Энгельса, древняя Греция была колыбелью науки. «Наука побеждать врагов» пользовалась у греков большим почетом, так как война была важнейшим источником воспроизводства рабочей силы, войной добывались рабы – главная производительная сила рабовладельческого общества. Вся военная организация греческих полисов была рассчитана на то, чтобы, прежде всего, держать в подчинении рабов. Борьба рабов против рабовладельцев занимало главное место в жизни греческих государств.

Спарта была одной из самых ранних полисов Древней Греции. Как известно, в Спарте было военно-физическое воспитание, целью которого было воспитать мужественного и преданного городу-государству члена военной общины, который будет находиться в состоянии военной готовности. Все взрослое мужское население составляло войско, что было обусловлено условиями, в которых существовал полис. Спарта является ярчайшим историческим примером модели милитаризации общества.

Система спартанского воспитания имела целью выработать из каждого спартанца воина. От воина требовалось безоговорочное повиновение старшим начальникам. Спартанец готов был скорее погибнуть, чем уйти с боевого поста.

Привилегия получить образование в Спарте принадлежала рабовладельцам. Военно-физическая подготовка будущего воина начиналась с 7 лет. С 15 лет начиналась усиленная подготовка, которая включала бег, метания копья и диска, борьба, рукопашный бой, а также пение военных песен, приучали беспрекословно подчиняться старшим, презирать рабов и их главное занятие – физический труд, быть беспощадными к рабам. Подготовленные юноши 18–20-и лет вступали в особую группу эфебов и несли военную службу. Итоговым для молодых спартанцев было испытание на выносливость. Прошедшие посвящение получали оружие, и затем в течение 10 лет постепенно приобретали статус полноправных членов военной общины и лишь с 30 лет считались полноправными гражданами. Все спартанцы считались военнообязанными с 20 до 60 лет и распределялись по возрастным и территориальным группам [10].

В Спарте большое внимание уделялось также военно-физическому воспитанию девушек, так как во время отсутствия мужчин они выполняли функцию охраны и держали в повиновении рабов.

В Афинах больше внимания уделялось всестороннему воспитанию. Они стремились к сочетанию умственного, нравственного, эстетического и

физического развития человека, поскольку считали идеальным того, кто прекрасен и в физическом, и в нравственном отношении.

Общее образование в Афинах также начиналось в 7 лет. С 12 до 16 лет подростки проходили начальную военно-физическую подготовку, которая включала бег, метания копья и диска, борьба и прыжки. Наряду с военным искусством, афиняне обучались философии, астрономии, естественным наукам, юриспруденции, риторике и поэтике.

Молодой грек в Афинах к 18 годам был хорошо подготовлен в общеобразовательной, гимнастической и музыкальной школах. Он умел читать, писать, знал наизусть поэмы Гомера и Гесиода, хорошо плавал, владел основными приемами борьбы, бокса, панкратиона[2], имел достаточно развитое мышление благодаря обязательному изучению философии.

Высшим уровнем образования была также «эфебия» – общественное учреждение, где юноши 18–20 лет на протяжении 2 лет проходили курс профессиональной военной подготовки: верховая езда, стрельба из лука и катапульты, метание дротиков и т.д. Для зачисления в эфебию юноше надо было пройти сложную процедуру, подробно описываемую у Аристотеля в работе «Афинская политая». И только тогда для него начинался первый год из двухгодичного цикла подготовки эфебов к военной и гражданской службе. Цикл подготовки включал разнообразные интенсивные гимнастические тренировки и военные упражнения с боевым оружием. Кроме того, юноши большое внимание уделяли (что было обязательной частью их подготовки) театральным репетициям, углубленно изучали философию. В конце первого года обучения эфебы демонстрировали навыки и умения в военной тематике и технике владения оружием перед гражданами Афин в государственном театре. После этого, в конце представления, каждому эфебу выдавались копье и щит [11]. Они давали клятву верности, которая начиналась с обещания: «Я не опозорю моего священного оружия и не покину моего друга, где бы я ни находился...» [12]. Выданное государством оружие почиталось священным, и бросить его в бою было равносильно дезертирству. Окончивший эфеб юноша становился полноправным гражданином Афин.

Воинская дисциплина у афинян поддерживалась чувством гражданского долга. В противоположность спартанским командирам, применявшим к воинам телесные наказания, афинские стратеги пользовались лишь ограниченными правами.

---

[2] Синтез борьбы и бокса, прикладной вид подготовки греческих воинов.

Идея гражданской ответственности определяется системой отношений эфеба к своим товарищам, к оружию, которое он получил, к богам своих предков, к священной земле своего отечества. Гражданская ответственность определяется сложными структурами самосознания. Юноша-эфеб готов подчиняться правящим представителям государства, которые управляют с мудростью, но, безусловно, в любой ситуации готов сражаться со всяким, кто посягнет на законы и границы государства. Свою главную жизненную цель они видели в служении идеалам добра, справедливости, гуманизма.

Для афинского юноши-эфеба смерть предпочтительнее измены высшим ценностям афинского общества. Высшие морально-политические чувства снимают простейшие биологические эмоции. Понятие «родина или смерть» для него не просто патетическая конструкция, а императив, определяющий всю его жизнь.

Система ценностей, идеалов и высших морально-политических чувств воплощена в афинской эфебской клятве, эпосе, драматических произведениях. На вопрос: во имя чего он готов отдать свою жизнь в борьбе с захватчиками – юноша-афинянин мог бы ответить: во имя любви к своей родине, во имя демократических идеалов государства, во имя моей личной свободы, исходя из понимания моей личной гражданской ответственности за судьбу отечества.

Подготовка юношей в эфебии к защите отечества, строившаяся на основе всестороннего гармоничного развития духа и тела, формировала личность патриота и гражданина, верного идеалам демократии, личной свободы и ответственности, умеющего сражаться в самых сложных условиях, готового отдать свою жизнь за свободу и родину своих предков.

Всестороннее физическое и умственное воспитание в Афинах позволяло афинянам жить и в мирное время, и охранять государство во время войны.

Спартанское военная подготовка юношей исключала общекультурное развитие и ставила цель сделать из каждого спартанца воина. Несмотря на то, что музыка, пение и танцы были неотъемлемой частью их обучения, они были направлены на воспитание необходимых качеств воина, а не на культурное и духовное развитие.

В Афинах, можно сказать, реализовалась первая в мире система всесторонней подготовки юношей к защите отечества, опыт которой беспрецедентен по своей значимости. Главное условие победы афинских воинов над многократно превосходящими их персидскими войсками заключалось в том, что афиняне защищали идеалы демократии, личную свободу, руковод-

ствуясь в своем поведении идеями патриотизма и гражданской ответственности.

Мы считаем, что некоторые элементы модели военно-патриатического и культурного образования граждан Афин и Спарты, могут быть применены в армянской действительности. Всестороннее (общее и военное) образование граждан давало возможность развиваться не только умственно, но и физически, обеспечивался некий уровень гармоничного баланса «ума» и «силы».

Одной из сфер для развития в контексте становления модели армиестроительства в Армении является сфера образования. В сфере образования должны быть созданы условия, как для гражданского, так и военного обучения и их совмещения. Изучив древнегреческую модель, можно утверждать, что такое совмещение возможно, а некоторые ее элементы эффективно используются некоторыми современными государствами.

Кроме обязанности служить и защищать родину, граждане полиса в Древней Греции обладали неотъемлемыми правами, которые давали им привилегии в государстве по отношению к негражданам. Если обратиться к армянской действительности, то можно заметить проблему: гражданин Республики Армения обладает теми же правами, что и неграждане, и армяне-неграждане, которые не обязаны проходить военную службу. В этом случае возникает проблема справедливости, обладая одинаковыми правами, одна часть общества обязана служить государству, другая – нет. Мы считаем, что гражданин Армении в своих правах должен резко отличаться от неграждан и армян-неграждан: иметь привилегии по сравнению с ними. Иначе это может привести к общему упадку уровня патриотичности и к увеличению уровня миграции.

Также мы считаем, что для дальнейшего развития государства первоочередной является обеспечение нормативной базы: в официальных документах, таких, как «Стратегия национальной безопасности Республики Армения», должны быть зафиксированы общие положения, принципы, цели и т.д. нациестроительства, чтобы легализовать процесс и в дальнейшем избежать несоответствий и противоречий.

Предполагаемые изменения могут способствовать поднятию общеобразовательного, культурного и патриотического уровней армянского населения. Армения, находясь в условии ни войны, ни мира, будет способна обеспечить безопасность и развитие государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эл. источник: https://armenpress.am/arm/news/864687/pashtpanakan-hamakargi-himqum-drvel-e-azg-banak-gaxapary.html.
2. Эл. источник: http://www.mil.am/hy/news/4466.
3. Нация-армия: министр обороны Армении рассказал о главных направлениях развития ВС. Эл. источник: http://newsarmenia.am/news/analytics/natsiya-armiya-ministr-oborony-armenii-rasskazal-o-glavnykh-napravleniyakh-razvitiya-vs/
4. *Котанджян Г.* Анализ военных угроз выявил необходимость развития системы обороны Армении на основе инновационной идеи «Нация-армия». Эл. источник: http://www.panorama.am/ru/news/2017/04/20/ Котанджян-нация-армия/1764664
5. Программа модернизации вооруженных сил Республики армения на 2018–2024 гг.// Эл. источник: http://www.mil.am/media/2018/03/19379.pdf.
6. *Huntington Samuel P.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Belknap Press, 1981. 560 p.
7. *Марру А.И.* История воспитания в античности (Греция). Перевод с французского Любжина А.И., Сокольской М.А., Пахомовой А.В. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. 425 с.
8. *Reinmuth O.W.* The Foreigners in the Athenian Ephebia. Lincoln, 1929. P. 7; idem. Ephebate and Citizenship in Attica // TAPhA. Vol. 79. 1948. P. 213.
9. *Kyle D.* Athletics in Ancient Athens. Leiden, 1987. P.154.
10. *Аристотель* Политика. Афинская полития, Серия: «Из классического наследия», перевод С.И. Радцига. М.: Мысль, 1997. СС. 271–343.
11. Афинская клятва верности эфебов (со стелы из Акарны).

SOME ASPECTS OF ARMY-BUILDING INANCIENT GREECE

H. Darbinyan, H. Sargsyan

ABSTRACT

Armenia is in a need of a new model of the army-building, which can become an operating system and will ensure the effective functioning of the military and civil institutions of the state in the conditions of rapid changes. Naturally, this system should be based not only on the specifics of Armenia and the Armenians butshould also take into account the experience of other countries. In this context, it is worthy to consider some features of army-building in Ancient Greece.

Keywords: army-building, nation-building, army, Republic of Armenia, Sparta, Athens.

ԲԱՆԱԿԱՇԻՆՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀԻՆ ՀՈՒՆԱՍՏԱՆՈՒՄ

Հ.Տ. Դարբինյան, Հ.Լ. Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Արագ փոփոխվող պայմաններում Հայաստանին անհրաժեշտ է բանակաշինության նոր մոդել, որը կդառնա կիրառվող համակարգ եւ կապահովի պետության ռազմական եւ քաղաքացիական հաստատությունների արդյունավետ գործունեությունը: Բնականաբար, այդ համակարգը պետք է հիմնված լինի ոչ միայն Հայաստանի եւ հայության առանձնահատկությունների վրա, այլեւ հաշվի առնի այլ երկրների փորձը: Այս համատեքստում, հետաքրքիր ենՀին Հունաստանի բանակաշինության որոշ առանձնահատկությունները:

Հիմնաբառեր՝ բանակաշինություն, ազգաշինություն, բանակ, Հայաստանի Հանրապետություն, Սպարտա, Աթենք:

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФОРМЫ ДЕМОКРАТИИ

Ц.М. Макарян

Российско-Армянский университет
ciallamakaryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена изучению института гражданской инициативы, который в рамках рассмотрения конституционных форм непосредственной демократии сегодня вызывает особый интерес. Автор убежден, что внедрение института народной инициативы преследует цель создания определенного противовеса институтам представительной демократии, считая, что только при возможности обеспечения необходимого баланса между рассматриваемым политическим правом граждан на правотворчество и представительным характером власти законодательного органа институт гражданской инициативы в РА будет реализован в соответствии со своим истинным предназначением. Любое иное применение этого права, по мнению автора, будет чревато всеми теми негативными явлениями, которые приводятся в качестве аргументов «против» гражданской инициативы.

Ключевые слова: институт гражданской инициативы, непосредственная демократия, представительная демократия, народная инициатива.

Институт гражданской инициативы в рамках рассмотрения политико-правовых форм непосредственной демократии сегодня вызывает особый интерес. О необходимости внедрения данной формы прямой демократии в Армении говорилось давно. По мнению С.С. Бадаляна, внедрение института народной законодательной инициативы может широко поспособствовать отражению в законопроектах потребностей и интересов наиболее широких слоев общества, а также их публичному обсуждению [1].

В публичном праве гражданская инициатива, которая именуется также народной правотворческой инициативой, – форма народовластия, в рамках которой граждане имеют право самостоятельно разработать и представить проекты изменений в конституцию или иные нормативно-правовые акты, а также представить проекты законов в парламент государства в порядке законодательной инициативы (при обеспечении определенных условий) или вынести их на референдум. Гражданская инициатива представляет собой форму коллективного волеизъявления граждан, посредством которой транслиру-

ется мнение определенной группы населения в компетентные государственные и муниципальные органы власти с целью получения ответной реакции [2].

Ныне такая форма непосредственной демократии широко распространена в зарубежных странах, к числу которых можно отнести Австрию, Албанию, Бразилию, Венгрию, Испанию, Италию, Латвию, Литву, Польшу, Швейцарию и другие. Среди стран ближнего зарубежья, законодательством которых этот институт предусмотрен, можно отметить Беларусь, Грузию, Украину и Россию [3].

Значимость этой формы прямой демократии заключается в том, что она позволяет гражданам страны (а на уровне местного самоуправления этот институт предусматривает возможность участия не категории «граждан», а категории «жителей») самоорганизовываться в целях обеспечения правового регулирования наиболее актуальных вопросов, вопросов, обсуждение которых вызывает громкий публичный резонанс.

Внедрение института народной инициативы преследует цель создания определенного противовеса институтам представительной демократии. Данная идея была заложена и в Концепции конституционной реформы, в которой в связи с институтами непосредственной демократии было сказано: «Принимая тот факт, что представительная демократия в современном мире – основная форма реализации демократии, тем не менее, в контексте конституционно-правовых развитий роль непосредственной демократии следует преимущественно рассматривать в плоскости сдерживания и противовешивания институтов представительной демократии. Наивысшая задача в том, чтобы максимально использовать воздействие прямой демократии в качестве противовеса при осуществлении государственной власти. В частности, она должна быть направлена на то, чтобы не позволить представительной власти осуществить невзвеша\нные шаги, способные отрицательно повлиять на демократические процессы» [4].

Стоит отметить тот факт, что конституционные нормы, касающиеся гражданской инициативы, вступили в силу в день открытия первой сессии новоизбранного Национального Собрания – 18 мая 2017 года. При этом, в переходных положениях Конституционного закона РА «Регламент Национального Собрания» [5] указано, что до дня открытия первой сессии новоизбранного Национального Собрания следующего созыва, то есть до 18 мая 2017 года, Закон РА «О референдуме» должен был быть приведен в соответствии с Конституцией и с Конституционным законом РА «Регламент Национального Собрания» в части, касающейся института гражданской инициати-

вы (часть первая статьи 167 Конституционного закона РА «Регламент Национального Собрания»). Однако последние поправки в Закон РА «О референдуме» были внесены в 2015 году еще до проведения в РА конституционной реформы [6]. Таким образом, можно констатировать, что в данный момент фактическая возможность реализации института гражданской инициативы заблокирована отсутствием законодательных механизмов.

Отношение ученых к институту гражданской инициативы неоднозначно: есть и сторонники и противники этого демократического института.

Весьма емко аргументы за и против гражданской инициативы представил в научной статье В.Н. Руденко. Среди аргументов сторонников института гражданской инициативы автор, ссылаясь на Т.Е. Кронина, обозначает следующие:

- институт гражданской инициативы расширяет возможности участия граждан в самоуправлении, способствует возникновению гражданской ответственности;

- народная инициатива предоставляет избирателям средства прямого влияния на выработку некоторых законов, влияющих на общественную жизнь, способствует повышению интереса у граждан к общественным, публичным делам и помогает противостоять влиянию лоббирующих субъектов на членов законодательного органа;

- народная инициатива способствует повышению чувства политической ответственности выборных должностных лиц, позволяет оперативно ставить на повестку дня актуальные спорные вопросы, а выбор, сделанный в результате общенародного обсуждения и голосования, придает большую легитимность соответствующим решениям [7].

К числу аргументов «за» гражданскую инициативу можно добавить и то, что в рамках реализации данного демократического института обеспечивается широкая информированность, что, несомненно, способствует повышению уровня правовой и политической культуры и правосознания. Кроме того, это хороший повод для граждан подискутировать по поводу важнейших правовых вопросов, подтолкнуть парламентариев к рассмотрению правовых проблем, оставшихся, по мнению граждан, без надлежащего внимания. В рамках реализации гражданской инициативы граждане занимаются непосредственно правотворчеством со всеми сложностями, правилами и требованиями этого трудоемкого процесса, что способствует также политической зрелости граждан, а это, в свою очередь, приведет к совершенно иному уровню общения между гражданами и носителями власти, в том числе и парламентариями.

Противники же оппонируют следующими аргументами:

- институт народной законодательной инициативы подрывает основы республиканского устройства общества, ослабляя «саму ткань представительного правления» [8];

- институт народной законодательной инициативы потворствует разжиганию страстей граждан и тем самым подрывает идею взвешенного обсуждения законопроектов и достижения компромиссов в законодательном органе, что, в свою очередь, снижает ответственность законодателя и делает избрание в законодательный орган непривлекательным для квалифицированных лидеров;

- гражданская инициатива способствует расколу и поляризации общества;

- вопросы, вызывающие общественный резонанс, обсуждаются в ходе реализации гражданской инициативы путем поверхностных кампаний в средствах массовой информации с применением приемов различных манипуляций общественным мнением, что способно привести к тому, что путем гражданской инициативы будут приниматься законы, разработанные хорошо финансируемыми группами давления, лишив парламент возможности детально, уравновешанно и на компромиссной основе обсудить данный законопроект в манере, присущей классическому законодательному процессу;

- законопроекты будут проводиться теми, кто сможет позволить себе лучшее освещение вопроса в средствах массовой информации благодаря значительным финансовым и организационным ресурсам [9];

- институт гражданской инициативы создает плодотворную почву для определенной «безответственности» законодательного органа, который может позволить себе, условно говоря, «свалить все на народ» и оправдать свои промахи.

Нельзя не согласиться с приведенными аргументами как «за», так и «против» института гражданской инициативы. Очевидно, что институт гражданской инициативы – «палка о двух концах». Тем не менее, данный институт прямой демократии не утрачивает свою популярность, что, впрочем, не устраняет необходимость искать решения нейтрализации негативных проявлений реализации гражданской инициативы. И, в первую очередь, речь идет о пределах вмешательства граждан в область законодательствования. Законодательство стран, предусматривающих институт гражданской инициативы, в обязательном порядке очерчивают круг вопросов, законопроекты по которым не могут быть предложены в порядке гражданской инициативы. Подобные ограничения есть и в законодательстве РА. Так, согласно части 5

статьи 65 Конституционного Закона РА «Регламент Национального Собрания» предусмотрены вопросы, законопроекты по которым не могут быть представлены в порядке законодательной инициативы. Таковыми являются те проекты законов, представление которых, согласно Конституции РА, является исключительной прерогативой Правительства: законопроекты о государственном бюджете, о ратификации, приостановлении и денонсации международных договоров, об амнистии, об административно-территориальном делении, о перечне министерств и порядке деятельности Правительства, о создании межмуниципальных объединений [10]. Кроме того, механизм реализации гражданской инициативы весьма сложный, в частности, законодательством предусматривается существенное количество голосов избирателей. Так, для представления законопроекта на рассмотрение Национального Собрания в порядке гражданской инициативы должна быть сформирована инициативная группа из минимум 50 граждан, которые должны будут собрать подписи не менее 50.000 граждан, имеющих право на участие в референдуме. Если этот законопроект будет отклонен Национальным Собранием, то отклоненный законопроект по инициативе инициативной группы может быть вынесен на референдум. Однако для этого инициативная группа должна будет обеспечить поддержку данного законопроекта путем сбора подписей еще не менее чем 300.000 граждан в течение 60 дней.

Для вынесения проекта Конституции или конституционных изменений на референдум в порядке граждаской инициативы законодательством требуется обеспечить поддержку не менее чем 200.000 и 150.000 граждан, соответственно.

Приведенные требования, на наш взгляд, являются гарантией того, что институт гражданской инициативы не станет инструментом подмены законодательного органа и тем более не будет стремиться подавить представительное правление само по себе. Роль института гражданской инициативы нами видится лишь в дополнительной мере по препятствованию процессу отчуждения представителей народа от самого народа в случаях, когда парламент не хочет или не может решать задачу правового регулирования тех или иных вопросов, которые общество воспринимает как актуальные и неотложные.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что гражданская инициатива – одна из широко применяемых в демократических государствах форм прямой демократии, способная, с одной стороны, помочь гражданам в самоорганизации по поводу принятия того или иного законопроекта, не позволяя законодательному органу оставаться «безразличным» в

вопросе правового регулирования интересующего общество вопроса, с другой стороны, наладить диалог между гражданами и членами законодательного органа по интересующим общество вопросам.

Только при возможности обеспечения необходимого баланса между рассматриваемым правом граждан на правотворчество и представительным характером власти законодательного органа институт гражданской инициативы в РА будет реализован в соответствии со своим истинным предназначением. Любое иное применение этого права будет чревато всеми теми негативными явлениями, которые приводятся в качестве аргументов «против» гражданской инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Բաղալյան Ս.Ս.* Օրենսդրական նախաձեռնության հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում ԺԲ.00.02 «Հանրային իրավունք» մասնագիտության իրավաբանական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր: Եր., 2014, էջ 7:
2. *Ягодка Н.Н.* Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации, Политология, 2014, Вып. 3. С. 50.
3. О гражданской (общественной) законодательной инициативе: российский и зарубежный законотворческий опыт и правоприменение. Эл. источник: www.zsno.ru/data/objects/79/files/O_grazhdanskoy_zakonodatelnoy_initciative_Makarihin_26.04.2012
4. Концепция конституционных реформ Республики Армения / разработана специализированной комиссией по конституционным реформам при Президенте Республики Армения. Ер., 2014. С. 43. Эл. источник: http://www.parliament.am/library/sahmanadrakan%20barepoxumner/hayecakarg.pdf.
5. Конституционный закон РА, Регламент Национального Собрания: http://www.parliament.am/parliament.php?id=bylaw&lang=rus
6. Закон Республики Армения «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Армения “О референдуме”». Эл. источник: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5279&lang=rus
7. *Tomas E. Cronin*. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. Harvard University Press. Cambridge; Massachusetts; London, 1989. P. 182. Цитата по: Руденко В.Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2001, Вып. 2. С. 321.
8. Конституция Республики Армения, 2015. Эл. источник: http://www.president.am/ru/constitution-2015/

ON SOME POLITICAL AND LEGAL FEATURES OF CIVIL INITIATIVE AS A FORM OF DEMOCRACY

Ts. Makaryan

ABSTRACT

The article is devoted to the institution of civil initiative, which, in the framework of the consideration of constitutional forms of direct democracy is of particular interest today. The author is convinced that the introduction of the institution of national initiative pursues a goal of creating a certain counterweight to the institution of representative democracy, believing that only with the possibility of ensuring the necessary balance between the citizens' political right to lawmaking and the representative nature of the power of the legislative body, the institution of civil initiative in Armenia will be implemented in accordance with its true purpose. Any other application of this right, in the author's opinion, will be fraught with all those "negative" phenomena that are cited as arguments against the civil initiative.

Keywords: institution of civil initiative, direct democracy, representative democracy, national initiative.

ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՆԱԽԱՁԵՌՆՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ԻՐԱՎԱ-ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՁԵ

Ց.Մ. Մակարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է քաղաքացիական նախաձեռնության ինստիտուտին, որն այսօր հատուկ հետաքրքրություն է ներկայացնում անմիջական ժողովրդավարության սահմանադրական ձևերի քննարկման շրջանակներում: Հեղինակը համոզված է, որ ժողովրդական նախաձեռնության ինստիտուտի ներդրումը նպատակ է հետապնդում որոշակիորեն հակակշռելու ներկայացուցչական ժողովրդավարության ինստիտուտներին, համարելով, որ միայն քաղաքացու քննարկվող իրավաստեղծման քաղաքական իրավունքի և օրենսդիրմարմնի իշխանության ներկայացուցչական բնույթի միջ և անհրաժեշտ հավասարակշռության ապահովման դեպքում է հնարավոր քաղաքացիական նախաձեռնության ինստիտուտի իրացումը ՀՀ-ում՝ իր բուն նշանակությանը համապատասխան: Այդ իրավունքի ցանկացած այլ կիրառությունն, ըստ հեղինակի, կնենկայացվեն բոլոր բացասական եզրույթներով, որոնք բերվում են որպես քաղաքացիական նախաձեռնության ինստիտուտի «դեմ» ուղղված փաստարկներ:

Հիմնաբառեր՝ քաղաքացիական նախաձեռնության ինստիտուտ, անմիջական ժողովրդավարություն, ներկայացուցչական ժողովրդավարություն, ժողովրդական նախաձեռնություն:

ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕЗГИН)

К.И. Шагиданова

Российско-Армянский университет
shagidanovak@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье изложена история нацменьшинств, в частности, лезгин, являющихся коренным населением Азербайджана. Здесь рассматривается современное положение лезгинского народа и проблемы, стоящие перед ним.

Ключевые слова: нацменьшинства, коренной этнос, ассимиляция, правовые принципы, международное право.

Глобализация и национализм – всемирно-исторические тенденции в современной судьбе человечества. Если говорить кратко, глобализация в определенном смысле стимулирует национализм. Наблюдается динамика национальных отношений в рамках сохранения самоидентичности. В современном меняющемся мире, при наличии множества вызовов, остро стоит вопрос о формировании стратегии национальной политики. В концепции национальной стратегии необходимо учитывать интересы всех этносов, включая нацменьшинства, проживающие в том или ином государстве [1].

В декабре 2016 года Европейский центр по вопросам нацменьшинств принял документ, где было отмечено значение нацменьшинств в особом, критическом положении в любой стране: «Ситуация, связанная с нацменьшинствами в кризисные периоды, их позитивный вклад в социальную интеграцию и их потенциал выступать в качестве актора “по наведению мостов” в международных отношениях» [2]. В документе особое значение уделенось нацменьшинствам, которые должны считаться полноценными гражданами, независимо от национальной принадлежности. В этом случае необходимо внести уточнение: речь идет о вновь прибывших беженцах, желание которых в основном сводится к получению пособий.

Рассматривая проблемы нацменьшинств, мы имеем в виду нации, которые являются коренным населением определенного государства. Здесь мы особое внимание уделяем лезгинскому народу. Исторически так сложилось, что лезгины как бы относятся и к нацменьшинствам, и к коренному этносу, проживающему сегодня на территории Республики Азербайджан. Издавна лезгины проживали в Кучинском, Кусарском, Хозмазском, Габалинском

районах Азербайджана и в самом Баку. Армянский средневековый историк Мовсес Хоренаци упоминал лезгин в своем труде, называя их «леками». Леки входили в состав Кавказской Албании. Ранние упоминания о лезгинах имеются и в арабских источниках IX–X вв., где они упоминаются под именем «Царство Лакзов». Позже, территория лезгинского народа вошла в состав России в XIX веке. В 1918 году произошло деление территории лезгин и, соответственно, раздел лезгинского народа. После этого одна часть этой территории отошла к России, а другая часть – к Азербайджану. Та часть лезгинского народа, которая проживала в Дагестане, до сих пор пользуется законными правами. Совсем иная ситуация сложилась в Азербайджане [3].

Азербайджан, заручившись поддержкой Турции, проводил политику создания единой нации, т.е. «азербайджанизации». Коренное население упомянутой территории подвергалось ассимиляции. Одним из ярких проявлений нивелирования исторического прошлого лезгин явилась перерегистрация религиозных организаций. Вследствие этой т.н. перерегистрации Лезги-мечеть была переименована в Ашурбекскую. Цель более чем ясна: уничтожить любое упоминание о лезгинах как о коренном населении. Руководство Азербайджана не учли тот факт, что Лезги-мечеть была внесена в официальный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. А законное возмущение лезгин довольно быстро свели к проявлению сепаратизма, и лидеры многих лезгинских организаций были арестованы [4].

Необходимо отметить, что при проведении очередной переписи населения – граждан Азербайджана, официальные и неофициальные цифры заметно разнятся. По официальным данным, население составляло 250–260 тыс. человек, а по неофициальным данным, представленные организациями «Садвал» (Россия) и «Самур» (Азербайджан) – 600–800 тыс. человек. Вполне возможно, что официальные данные не учли факт «азербайджанизации» некоторых лезгин [5].

Борьба лезгинского народа в далекие 20-ые XX века и желание войти в полном составе в Российское государство не увенчались успехом. На очередном съезде народов Дагестана была принята резолюция о вхождении в состав России. Как было отмечено ранее, часть лезгин вместе с народом Дагестана вошла в состав Советской России. В 1990 году Копенгагенское совещание приняло резолюцию, где особое место было уделено роли нацменьшинств: «Признание важной роли нацменьшинств, их статуса в качестве равноправных членов общества». В данной резолюции особое внимание уделялось факту уважения прав нацменьшинств, являющихся составной частью всемирно признанных прав человека. Как известно, признание прав

нацменьшинств является ключевым фактором внутриполитической стабильности любого государства [6].

Существуют три основных уровня «положения» нацменьшинств. Остановимся на мезо-уровне, т.е. отношении между нацменьшинствами и местным правительством – органами правления конкретного государства [7].

В данном случае «конкретным» государством является Азербайджан. Но положение нацменьшинств, т.е. лезгин, имеет свою особенность: они являются коренным этносом, а не «пришлым» народом, что довольно-таки усердно доказывают определенные круги Азербайджана. Понятие «пришлые» относится в большей степени к беженцам, численность которых возросла в начале XXI века [8]. И многим европейским странам пришлось столкнуться с серьезными проблемами. И политика мультикультурализма, успешно проводимая в некоторых ведущих европейских странах, в частности, в Германии, уже в 2010 году была отвергнута. Об этом достаточно четко заявила канцлер Германии Ангела Меркель.

Но речь идет о коренном этносе – лезгинах, подвергающихся историческому забвению, ассимиляции со стороны руководства Азербайджана. Новая волна возмущения охватила лезгин после распада СССР. Как известно, бывший Союз охватила волна национального движения. И эта волна выразилась в блокаде шоссе Баку-Ростов, инициатором которой явилась организация «Садвал», действующая с 1989 года. Лидеры организации эту акцию объясняли следующим образом: «Основная цель акции заключалась в привлечении внимания общественности к проблемам лезгинского народа и способам разрешения конфликта» [9]. Руководство Азербайджана обвинило организаторов акции в очередной раз в сепаратизме. И, таким образом, свели к нулю все попытки возмущения и противостояния лезгинского народа.

Несколько позже, в 1991 году 28 сентября в Дагестанском селе Касумкенского района им. С. Стальского, состоялся 3-й общенациональный съезд лезгин Дагестана и Азербайджана. Съезд принял решение о создании Республики Лезгистан с последующим вхождением в состав России. Такое решение съезда было вызвано политикой Азербайджана, которая грозила потерей культурно-исторического наследия лезгин. Руководство упомянутой территории, фактически, пренебрегало такими принципами, как международное право, включающее общегражданское равноправие языка, культуры, традиций, обычаев. Не менее важным принципом международного права являлось сохранение этноса, обеспечение беспрепятственного права на языкопользование, а именно: открытие школ, национальных театров, издание газет, журналов, сохранение национальных памятников [10].

Руководство Азербайджана всецело пренебрегало данными принципами международного права, так как в противном случае – пришлось бы признать лезгин коренным этносом. Понятно, что это не входило в интересы Азербайджана.

Несмотря на серьезные запреты, организация «Садвал» периодически «напоминает» о проблемах лезгин. 18 июня 2012 года в Северных районах Азербайджана состоялась конференция, основной вопрос которой сводился к пересмотру и конкретному разрешению проблем лезгин. Конференция прошла незамеченной, и каких-либо решений принято не было. Немного ранее, а именно, в апреле 2012 года, там же, в Северных районах Азербайджана, по сфабрикованному делу руководство страны провело спецоперацию. Организаторов лезгинского движения обвинили в подрывной деятельности, назвав «диверсионной группировкой». Обвинение звучало следующим образом: «С целью подрыва общественно-политической стабильности в стране и создание среди населения паники…» [11]. Таким образом, руководство Азербайджана оправдало свои радикальные меры по отношению к участникам выступления. Фактически, действия властей надолго заморозило национальное движение. В силу этих обстоятельств бытует мнение т.н. «идеологического тупика».

Президент Федеральной Лезгинской национально-культурной автономии России (ФЛНК) Ариф Керимов, возвращаясь к национальной проблеме лезгин, подчеркивал, что решение ее возможно при достойном рассмотрении на международном уровне.

Выше было отмечено, что лезгинский вопрос следует рассматривать в контексте международного права нацменьшинств. Думается, достойное представление данной проблемы на уровне международных организаций создаст возможность позитивного решения.

В 2013 году делегация ФЛНК участвовала в Конгрессе Федерального Союза европейских наций, где было представлено заявление: «Мы хотим, опираясь на международное право и авторитет наиболее влиятельных международных организаций, бороться с дискриминацией и произволом в отношении нашего народа» [12].

Делегация отмечала, что нацменьшинства в Европе в полной мере пользуются правами, входящими в основные принципы международного права. И поэтому требования лезгинского народа должны быть услышаны. Проблема коренного населения не является внутриазербайджанской проблемой. И по этой причине должна быть представлена и рассмотрена на международном уровне. Выше было отмечено, что лезгинский вопрос находится в

«идеологическом тупике». Это состояние можно объяснить социально-экономическими, политическими, объективно сложившимися трудностями, присущими на сегодняшний день многим народам.

Необходимо подойти к этой проблеме с точки зрения изменения тактики в решении данного вопроса, а также развернуть более широкий спектр воздействия. Общественно-политические организации, в том числе организация «Садвал», активизируя свою деятельность, все чаще представляют «накипевшие» вопросы своего народа на различных международных форумах. Реальное рассмотрение лезгинского вопроса в контексте международного права способно получить конкретное решение.

Исходя из вышеизложенного, уточним, что состояние «идеологического тупика» является временным состоянием. Поиски новых рычагов воздействия для решения этой проблемы приведут к выходу из национальной «спячки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация и мультикультурализм. М.: АСТ, 2005.
2. *Гильнер Э.* Нация и национализм // «Вопросы философии», №7, 1989.
3. *Демоян Г.* Этническая принадлежность в политическом и общественном дискурсе современного Азербайджана. Ер., 2004.
4. *Асатрян Г.* Азербайджан: принцип присвоения и иранский миф. Ер., 1990.
5. Этнографическое обозрение. М., 1989.
6. Народы Кавказа. М., 1962.
7. *Бердяев Н.А.* О современном национализме. М., 1991.
8. *Хоренаци М.* История Армении. Ер.: Изд-во «Айастан», 1990.
9. Этнополитика Азербайджана / Сост. А. Мелик-Шахназаров. Ер., 2007.
10. Народы Кавказа. М., 1962.
11. *Демоян Г.* Этническая принадлежность в политическом и общественном дискурсе современного Азербайджана. Ер., 2004.
12. *Гулиев Д.* История Азербайджана. Баку, 1979.

THE CURRENT STATE OF NATIONAL MINORITIES IN MODERN AZERBAIJAN (ON THE EXAMPLE OF LEZGINS)

K. Shagidanova

ABSTRACT

The paper addresses the story of national minorities, in particular, that of the Lezgins who are the native population of Azerbaijan. The modern state of the Lezgin nation and the problems that they confront are discussed in the paper.

Keywords: national minorities, native population, assimilation, legal principles, international law.

ԱԶԳԱՅԻՆ ՓՈՔՐԱՄԱՄՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԴՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԱԴՐԲԵՋԱՆԻ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ (ԼԵԶԳԻՆՆԵՐԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)

Կ.Ի. Շագիդանովա

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացվում է ազգային փոքրամասնություն-ների՝ մասնավորապես լեզգիների պատմությունը, ովքեր Ադրբեջանի բնիկ ժողովուրդնեն: Քննության են առնվում լեզգիազգի ժամանակակից դրությունը և իրենց առջև ծառացած խնդիրները:

Հիմնաբառեր՝ ազգային փոքրամասնություններ, բնիկէթնոս, ասիմիլյացիա, իրավական սկզբունքներ, միջազգային իրա-վունք:

ПСИХОЛОГИЯ

STRESS OVERCOMING SPECIFICATIONS OF GIFTED CHILDREN

M. Arakelyan

Yerevan State University
arakelyanmadlena@gmail.com

ABSTRACT

The problem of gifted children at school has been examined for decades – the discrepancy of educational process, personal characteristics, which assert the difficulties of these children and support necessity. This research is particularly directed to the study of gifted children's stress overcoming peculiarities with qualitative and quantitative methods' matching. The research has been carried out with 20 gifted-diagnosed children among 189 middle and high school students. The research was realized in the psychological laboratory of the Lyceum after Anania Shirakatsy, which deals with the issue of giftedness, by realizing longitudinal researches. The results of the quantitative research (coping strategy) were not so significant ($p>0.05$), according to SPSS statistical analysis, while the results of the qualitative research indicate essential differences in stress overcoming mechanisms, stress causing factors, emotional deepness and so on. Gifted children have issues with communication and adaptation, as well as highlighted personal characteristics. These results can be useful for teachers, parents, psychologists and for all other specialists who deal and communicate with gifted children.

Keywords: gifted children, coping strategies, stress.

Introduction

The number of studies regarding gifted children has quite increased during the last hundred years, especially emphasizing the problems of the education sphere [1], [2]. Those children, who have personal, behavioral and cognitive features, stay out of attention. In this case, their attitude towards school changes negatively, as the educational process does not correspond to their cognitive requirements, which, in its turn, can turn into behavioral problems at school. In this case, the cause is not eliminated, but rather actions are taken towards consequences, which, naturally, strengthen social problems of those children and lead to a tension inparent-child-school relationship. Gifted children have the following features: high curiosity, good memory, early speech development, high

concentration on a specific area, persistency to achieve an outcome in a sphere, which interests them the most. Psychosocially sense of justice, connection with nature, vivid imagination, and tendency to fantasies, as well as sense of humor, aspirations to perfection, super sensitivity, exaggerated fears, selfishness, etc., are typical of them [3].

We would like to specifically mention that by talking about gifted children we do not violate humanistic approach towards an individual; on the contrary, we emphasize the right of each person to be approached individually when it comes to his/her development. In that specific sense, schools frequently have problems with competent specialists to work with such children. Very often the problem becomes even more complicated as a result of lack of financing for training or special programs. The existing mythssuch as «Gifted children can make it on their own. They don't need special attention»; «All parents think their children are gifted»; «It doesn't make any difference if the child is a little bit advanced, since the others will catch up sooner or later», etc. (Linda Kreger Silverman) also play a great role in ignoring gifted children.

Besides the antipathy towards school, there is a range of school adaptation problems for gifted children as well, such as difference in interests towards games, non-conformism, ideas on philosophical problems, inconsistencies in physical, social and intellectual development, aspirations to perfection and thus, the sense of non-satisfaction, non-realistic goals, super sensitivity, impatience, necessity in adults' attention, problems in communication with peers, isolation, etc. [4].

"In 1972 US Education Commission published the following: "Gifted and talented children are those identified by professionally qualified people, who by virtue of outstanding abilities are capable of high performance in one or more spheres."[5]. Those spheres are as follows: intellectual ability, academic aptitude, creative or productive thinking, communicative abilities or leadership, art, psychomotor ability [6].

Children diagnosis process is another big and problematic topic. We should mention here, that initially, intellectual abilities have been the base for diagnosis; they have been measured through standardized tests and until now are considered to be important, especially for academic and intellectual abilities' diagnosis.

Renzulli offered his approach to diagnosis, which includes three spheres: intellect, creativity and motivation, high results of which evidence the fact of being gifted [7]. Another complex approach is also widespread, to which this research refers too, group testing, teachers' and parents' evaluation and studying the child's separate cognitive processes making the base for it. To experimentally approve the fact of children being gifted, they are involved in programs, where the

probability of being integrated into special educational programs is evaluated. It should be kept in mind that diagnosis is a long process and it is a great responsibility, supposing competency before a final evaluation by the researcher [8].

The presented characteristics help to understand the behavior of gifted children, socio-psychological peculiarities. We consider it crucial to study stress resistance of gifted children as an important mechanism to deal with daily life difficulties and prevention from psychosomatic and other diseases. In western literature, we have found researches mainly about physiological aspect, where intellectual abilities are a risk factor for psychological and physiological over excitabilities, which can lead to anxiety, mood disorders, and autoimmune diseases [9]. Other studies refer to the situational coping mechanisms of gifted children. These children show almost the same stress level compared with control group, but they choose specific coping strategies such as anger, humor, and problem-solving approaches [10].

Nonetheless, there is lack of research in this area in our country and there is no research on deep psychological aspects. The purpose of this study is to examine the behavioral and deep psychological means of overcoming stress of gifted children. Our hypothesis is that gifted children have difficulties overcoming the obstacles of life based on their psychological and peculiarities.

Method and Materials

This research has been conducted in Anania Shirakatsy Armenian National Lyceum as it is an educational complex for gifted children1. The spheres of abilities have already been mentioned above; here we would like to specify that the laboratory diagnoses academic and intellectual abilities of children. The research was started from elementary school, where diagnostic works were carried out with 189 elementary school children, out of which 113 were boys and 76 were girls. As we have mentioned above, the methodological basis of diagnosis is J. Renzulli's Three-ring conception, according to which the intellectual, creative and motivational spheres of children are evaluated [11]. For the most complete diagnosis, we have used a comprehensive approach that involves studying teachers'and parents' opinions about gifted children [12]. The bases for diagnosis were parents’ descriptions (Tuttle&Becker questionnaire), teachers’ descriptions

[1]Research is done by the psychological laboratory of the lyceum, which studies problems of gifted children. The laboratory carries out its activities using the longitude method, by studying gifted children, starting from elementary school till the end of their education.

(J. Renzulli questionnaire), results of intellect evaluation by Raven matrix, creativity ability disclosure by unfinished picture methodology of E. Torrance [13] [14] [15]. «The investigation was approved by Institutional Bioethics Committee and confirms with the principles outlined in the Declaration of Helsinki» (Br Med J 1964; p177).

22 gifted children, who had the best results, were diagnosed as a result of these tests. A number of cognitive processes, interpersonal relationship behavior studies and conversations were carried out with those gifted children. These long-term studies have shown that the anxiety level was high for almost all gifted children. The spheres of adaptation and interpersonal relations were problematic as well. We have carried out coping strategies' study basing on these results. Our goal was to study stress overcoming mechanisms, specifications of gifted children as compared to children with average abilities, using the comparative method. The same diagnosed children from elementary school, already 20 of them (two other children had already left the school because of different reasons) were selected when they were studying at middle and high school. Then they were compared with a control group of 20 children with average abilities of the same age. 12 gifted children were aged 11–14 from middle school, out of which 1 was female and 11 were male. 8 gifted children were aged 15–16 from high school, out of which 4 were female and 4 were male. And a control group of 12 children was aged 11–14 from middle school, out of which 1 was female and 11 were male. A control group of 8 children was aged 15–16 from high school, out of which 4 were female and 4 were male.

For our study we have chosen projective test and coping strategies studying questionnaires, to obtain qualitative and quantitative data respectively and to compare them with each other. The aim is to acquire comprehensive and reliable data both for subconscious sphere and cognitive-behavioral mechanisms. “Draw a person” and “a person in the rain” methods have been chosen as projective ones: their comparative analysis, i.e. transition from one drawing to the other and its specifications, show how a person reacts to difficult and stressful situations, what adaptation mechanismshe/she uses [16] [17] [18] [19].

Coping strategies have been studied through Lazarus and Folkman questionnaire (WCQ-Ways of Coping Questionnaire; Folkman & Lazarus, 1988). The questionnaire studies two main problem-focused and emotion-focused strategies in a specific stress situation (e.g. illness, loss, pain, etc.). It is considered to be an interpersonal, multivariate, situation-focused questionnaire. Questions are divided by the following three principles: problem-solving, searching and using social help, management of emotions. It consists of 50 questions and has 8 scales:

strategies of confronting, distancing, self-controlling, seeking social support, responsibility acceptance, escape-avoidance, problem planned solving and positive reappraisal [20].

At the first stage of the study, we conducted a survey of coping-strategies in control and experimental groups. Then the second phase was implemented with the use of projective method in both groups. This method was conducted with each child individually and according to the methodology, at the end, we clarified the painting with the child.

Results

The data of these two independent groups of gifted children and children with average abilities, using SPSS program, are studied to understand if there are significant differences between their coping strategies.

We have the following picture according to statistical data analysis by SPSS, which is presented in Table 1 and Table 2 below.

Looking at the data of the second table, we can conclude that all eight coping strategies have insignificant differences ($p>0.05$).

Table 1. Group Statistics of Children with High and Middle Mental Level.

Characteristics		Mental level	N	Mean	Std. Deviation
1	Confronting the problem	High	20	7.650	3.2489
		Middle	20	8.550	2.7810
2	Distancing	High	20	8.700	3.6433
		Middle	20	9.300	3.5407
3	Taking control	High	20	11.850	2.6611
		Middle	20	12.850	3.3760
4	Social support	High	20	9.600	2.9272
		Middle	20	10.450	2.7999
5	Accepting responsibility	High	20	6.150	2.4767
		Middle	20	7.200	2.1667
6	Escape-Avoidance	High	20	9.100	4.0249
		Middle	20	10.900	4.1536
7	Problem solving	High	20	12.150	3.2811
		Middle	20	12.850	2.5808
8	Positive reappraisal	High	20	12.050	4.3344
		Middle	20	12.500	4.6396

Table II. Independent Sample T-Test Results.

Characteristics		F	Sig.	t	df	Sig. (2-tailed)
1	Confronting the problem	.241	.626	-.941	38	.353
				-.941	37.117	.353
2	Distancing	.004	.951	-.528	38	.600
				-.528	37.969	.600
3	Taking control	1.318	.258	-1.040	38	.305
				-1.040	36.034	.305
4	Social support	.039	.845	-.938	38	.354
				-.938	37.925	.354
5	Accepting responsibility	.035	.853	-1.427	38	.162
				-1.427	37.340	.162
6	Escape-Avoidance	.162	.690	-1.392	38	.172
				-1.392	37.962	.172
7	Problem solving	1.094	.302	-.750	38	.458
				-.750	36.002	.458
8	Positive reappraisal	1.015	.320	-.317	38	.753
				-.317	37.825	.753

We consider it important, though, to study the differences of scales without comparing the groups. Gifted children mostly refer to planful problem solving and positive reappraisal strategies. Self-controlling is also high, while responsibility acceptance is the lowest. Planful problem solving, positive reappraisals trategies, as well as self-controlling, seeking social support and escape-avoidance strategies scale are highlighted among children with average abilities and accepting responsibility is low, as it was in case of gifted children. Generally, defense mechanisms are more expressed among children from the control group. Adaptation problems can arise both in cases of expressed defense strategies and in cases of not turning to them at all.

In our opinion, limitations of quantitative analysis should be taken into account for obtaining deep and comprehensive psychological data, for this reason we have highlighted the use of projective tests in this specific research.

Let us describe and compare the results of “draw a person” and “a person in the rain” methods and analyze the data received.

To be more specific we have separated three indicators: highlighted features, problematic spheres, means, ways and specifications of overcoming

difficulties. Gifted children highlight and signify intellectual and thinking sphere unlike children with average abilities, which is expressed by drawing heads far bigger (see Figures I and II). Drawing a big head also means the power of "Self", expression of control. This is one of the most outlined highlighted features between these two groups: only in two drawings the proportions of heads are correct.

Figure I. "Draw a person"
Gifted children highlight and signify intellectual and thinking sphere which is expressed by drawing heads far bigger

Figure II.
"A person in the rain"
Gifted children highlight and signify intellectual and thinking sphere which is expressed by drawing heads far bigger

Other expressed features are high self-estimation and the need to occupy large space. *Problematic spheres* are the following: striving to avoid criticism or the sensitivity towards criticism (see Figure IV), self-containment, concentration on one's own personality, problems of communication, anxiety, as well as tension and sometimes attempts to deter aggression. *Means, ways and specifications of overcoming difficulties are as follows:* the absence of an umbrella (rejection of parental support), which means the need for a protection; stress or tension, which mainly come from the inner world rather than the environment; a difficult situation is perceived by them as stable and hard to overcome, they remain in emotional anxiety longer; have difficulties in communication and adaptation.

Figure III.
“Draw a person”
Gifted children strive to avoid criticism

The most interesting feature is that a change in character’s gender happens in “a person in the rain” drawing with almost all children especially with high school ones (see Figures V and VI). It is interesting that the change in gender is also expressed in another way: both a boy and a girl are on the drawing. This can be explained probably by demonstration of opposite gender personal features or reflections, which is typical of these children [21]. For instance, girls can demonstrate more analytical approach or freedom, independence, and boys can demonstrate sensitivity, dependence, etc.

Figure IV.
“Draw a person”
Gifted children change the character’s gender

Figure V.
“A person in the rain”
Gifted children change the character’s gender

Unlike the first group, the results of the control group are more scattered, diverse; however, the following can be pointed out. Worrying about their appearance is expressed by both boys and girls, unlike, for example, the first group, where even girls do not pay much attention to appearance attributes. Sexual symbols are expressed, such as cigarettes, tight belts and hats. They are active in communication and stable. Unlike the group of gifted children, in almost all cases of difficult situations an umbrella is drawn differently, particularly a big one, on the shoulder, overall or partly covering, etc. A difficult situation mainly comes from the environment rather than the inner world. In the drawings of gifted children, defensive attributes are generally less frequently used as in the drawings of children with average abilities. Among children from the control group this phenomenon is expressed by taking the man into a circle, or drawing a big umbrella, by other details, etc. We can compare this with the data of coping strategies described above, where the behavior of the control group children, turning to defense, is much more expressed. Generally, the drawings of gifted children are more interesting; they are more developed than the ones of children with average abilities, which can be connected with their cognitive abilities. We can compare qualitative and quantitative results only in the following way: gifted children turn to social help strategy less and the same can be seen during qualitative analysis, where parental support is rejected and self-containment and concentration on the internal world is expressed. They focus on the escape strategy comparatively less, which is due to their self-confidence and high self-esteem.

Discussion

According to statistical data, there are no significant differences between coping strategies of gifted children and children with average abilities. Mostly qualitative rather than quantitative analysis gives richer data for studying behavioral aspects during difficult situations. According to qualitative studies, we can state that features of gifted children are expressed also during stress overcoming, particularly when it comes to ways of reflecting, duration of anxiety, sources of stress, expressing strengths and weaknesses. The results of this research can be useful for school psychologists, pedagogues, teachers, who taking this information into account can choose correct reflecting, correcting and intervening strategies in working with gifted children. The results of the research can also be important during parental problem discussions. The recognition of anxiety, defensive mechanisms and typical behavior of gifted children during difficult situations will be useful for parents to choose the correct ways of reflection.

Acknowledgement

We express our profound gratitude to the «Shirakatsy Lyceum» international scientific-educational complex for realizing this longitude research.

REFERENCES

1. *Savenkov A.I.*, Gifted children at kindergarten and school, M, Pub. Center «Academia», 2000, 232 p.
2. Aimee Yermish, Issues Affecting the therapeutic working alliance with clients who are cognitively gifted; Massachusetts school of professional psychology; USA, 2010, 264p.
3. Carol Addison Takacs, (1986), *Enjoy your gifted child*, New York.
4. Same book. PP. 163–165.
5. Same book. PP. 153–154.
6. Same book.
7. *Ridetskaya O.G.*, Psychology of giftedness: Training and practical guide-M.; Pub. Center EAOI, 2010, 374 p.
8. Carol Addison Takacs, (1986), *Enjoy your gifted child*, New York.PP. 69–176.
9. *Ruth I.* Karpinski and others, High intelligence: A risk factor for psychological and physiological overexcitabilities, 66, (2018) 8–23)
10. Elizabeth Sh., Shannon M. Suldo, Strategies used by intellectually gifted students to cope with stress during their participation in a high school international baccalaureate program, Gifted Child Quarterly SAGE, 54(2) 127–137, 2010).
11. *Robert J. Sterberg, Linda Jarvin*, Explorations in Giftedness, Cambridge University Press, USA, 2011, p. 319. P. 319.
12. *Savenkov A.I.*, Gifted children at kindergarten and school, M, Pub. Center «Academia», 2000, 232 p.
13. *Loseva A.A.*, (2004), *Psychological diagnostics of giftedness: Textbook for high schools.* Moscow, Academic project, Triksta, (Manual of the practical psychologist). PP. 154–158
14. *Anastasi A., Urbina S.*, (2005), *Psychological testing*, 7th edition, St. Petersburg.
15. *Tuttle, F.B., Jr., & Becker, L.A.* (1980). *Characteristics and identification of gifted and talented students.* Washington, DC: National Education Association.
16. *Rogov, E.I.* (1995). *Handbook of Practical Psychology in education: A tutorial*, Moscow: VLADOS.
17. *Romanova E.V., Potemkina O.F.*, (1991), *Graphic methods in psychological diagnostics*, Moscow, Didakt
18. *Romanova E.V., Sytko T.I.*, *Projective graphic techniques, part 1 and 2*, St. Petersburg
19. *Taylor K.*, (2005), *Psychological tests and exercises for children. A book for parents and educators*, Moscow.
20. *Kryukova T.L.*, (2007), *Methods of studying coping behavior: three coping scales.* Kostroma: Avantitul. PP. 10–11.
21. Aimee Yermish, Issues Affecting the therapeutic working alliance with clients who are cognitively gifted; Massachusetts school of professional psychology; USA, 2010, 264 p. P. 71.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА У ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ

М. А. Аракелян

АННОТАЦИЯ

Проблема одаренных детей в школе изучается уже давно: несоответствие образовательного процесса, личностные характеристики, подтверждающие трудности этих детей, необходимость их поддержки. Это исследование направлено на изучение особенностей преодоления стресса одаренными детьми при сочетании качественных и количественных методов. Было проведено исследование 20 одаренных детей из 189 школьников. Исследование проводилось в психологической лаборатории Лицея имени Анания Ширакаци, которая занимается проблемами одаренных детей и использует метод лонгитюда. Результаты количественных исследований (копинг стратегии) не были статистически значимы ($p>0.05$), однако результаты качественного анализа показали значительные различия в механизмах преодоления стресса, в факторах вызывающих стресс, в сфере эмоциональной нагрузки и т.д. Одаренные дети имеют трудности в общении и в адаптации, а также некоторые личностные особенности. Эти результаты могут быть полезны учителям, родителям, психологам и всем тем специалистам, которые работают или общаются с одаренными детьми.

Ключевые слова: одаренные дети, копинг стратегии, стресс.

ՍԹՐԵՍԻ ՀԱՂԹԱՀԱՐՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՇՆՈՐՀԱԼԻ ԵՐԵԽԱՆԵՐԻ ՄՈՏ

Մ.Ա. Առաքելյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Վաղուց արդեն ուսումնասիրվում են շնորհալի երեխաների խնդիրները դպրոցում՝ ուսումնական գործընթացի անհամապատասխանությունը, անձնային առանձնահատկությունները, որոնք հաստատում են այս երեխաների դժվարությունները և աջակցության անհրաժեշտությունը: Այս հետազոտությունը մասնավորապես ուղղված է շնորհալի երեխաների՝ սթրեսի հաղթահարման առանձնահատկությունների ուսումնասիրությանը՝ քանակական և որակական մեթոդների համադրության միջոցով: Ուսումնասիրությունը կատարվել է 189-ից 20 շնորհալի ախտորոշված միջին և ավագ դպրոցականների հետ: Հետազոտությունը իրականացվել է Անանիա Շիրակացու անվան ճեմարան կրթահամալիրի հոգեբանական լաբորատորիայում, որը զբաղվում է շնորհալիության հիմնախնդրով՝ իրականացնելով լոնգիտյուդային հետազոտություններ: Եթե քանակական հետազոտության արդյունքները ըստ SPSS վիճակագրական վերլուծության նշանակալի

չեն եղել ($p>0.05$), ապա որակական հետազոտության արդյունքները ցույց են տվել էական տարբերություններ՝ կապված սթրեսի հաղթահարման մեխանիզմների, սթրեսածին գործոնների, ապրումների խորության ու ծանրության հետ և այլն: Օժտված երեխաներն ունեն դժվարություններ շփման և հարմարման հարցում, ինչպես նաև ընդգծված անձնային յուրահատկություններ: Այս արդյունքները օգտակար կարող են լինել ուսուցիչների, ծնողների, հոգեբանների և բոլոր այն մասնագետների համար, ովքեր աշխատում կամ շփվում են շնորհալի երեխաների հետ:

Հիմնաբառեր՝ օժտված երեխաներ, հաղթահարման ուղիներ, սթրես:

ФИЛОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕНАСИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В ФОРМЕ ДРУГИХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

А.Д. Мартиросян

Российско-Армянский университет
ani.martirosian@rau.am

АННОТАЦИЯ

Реализация менасивных речевых актов в политическом дискурсе объясняется современной тенденцией в данном типе дискурса к эксплицитно выраженной конфликтной агрессивной коммуникации. В политическом дискурсе угроза обычно выражается в косвенных конструкциях, что способствует сравнительному ослаблению конфликтной ситуации. В данной статье представлены типы речевых актов, которые более часто употребляются в высказываниях с угрожающей направленностью.

Ключевые слова: теория речевых актов, менасив, политических дискурс, квазиперформатив, косвенные речевые акты.

Язык составляет незаменимую часть человеческого существования. Именно через него осуществляется власть, основной задачей которой является установление порядка в мире. К сожалению, при этом время от времени приходится прибегать к угрожающим высказываниям. Как заметил Р. Барт, «мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово “*ordo*” имеет два значения: «порядок» и «угроза» [1], что, по всей вероятности, свидетельствует о невозможности установления порядка без использования угрозы. Но использование угрозы также служит индикатором конфликтной ситуации, которая в политике может иметь нежелательные последствия. Во избежание таких результатов необходимо адекватно интерпретировать речевые акты. Современное геополитическое состояние еще более обостряет необходимость выявления интенций авторов высказываний – политиков, вершащих судьбы государств и всего мира.

Одним из способов реализации агрессивной общественно-политической обстановки современного мира является широкое употребление высказываний менасивного характера. При этом многие авторы обращают внима-

ние на тенденцию эксплицитно выражать угрозу, что противоречит первоначальным идеям политики. В основном прямое выражение угрозы в политическом дискурсе является следствием таких событий, как военный конфликт с применением силы, разрыв политико-дипломатических отношений и др.

Использование менасивных речевых актов в политическом дискурсе, на первый взгляд, кажется неприемлемым, поскольку политика, в первую очередь, служит для установления мира в мире. Для достижения этой цели, казалось бы, использование категорических высказываний недопустимо. Приведем известный анекдот о различии между дипломатом, военным и леди, который иллюстрирует взаимоопределяющую связь между говорящим и выбранными им языковыми средствами:

Если дипломат говорит «да», он имеет в виду «может быть»,
Если дипломат говорит «может быть», он имеет в виду «нет»,
Если дипломат говорит «нет» – он не дипломат.
Если леди говорит «нет», она имеет в виду «может быть»,
Если леди говорит «может быть», она имеет в виду «да»,
Если леди говорит «да» – она не леди.
Если военный говорит «да», он имеет в виду «да»,
Если военный говорит «нет», он имеет в виду «нет»,
Если военный говорит «может быть» – он не военный[1].

Как известно менасивы как самостоятельные речевые акты выделяются не всеми авторами: некоторые ученые включают их в группу комиссивов (Дж. Остин, Дж. Серль, Н.В. Готлиб), другие относят их к классу директивов (И.П. Сусов, А. Вежбицка, А.Ю. Маслова), третьи считают, что менасивы находятся в пограничной области между комиссивами и директивами, и, конечно, многие лингвисты утверждают, что менасивы обладают специфическими коммуникативно-прагматическими свойствами и выделяют их в отдельную группу речевых актов (И.А. Мартынова). Мы придерживаемся последней точки зрения.

Следует отметить, что глагол *угрожать,* который является репрезентантом класса менасивов, относится к ***квазиперформативным*** глаголам, то есть к классу таких глаголов, которые не способны употребляться в форме первого лица в настоящем времени. Для обеспечения возможности функционирования этих глаголов в перформативной форме вводятся специальные операторы. З. Вендлер в статье «Иллокутивное самоубийство» пишет о на-

---

[1] Исходным текстом анекдота является стихотворение Вольтера, английскую версию которого привела Н.Д. Арутюнова в статье «Фактор адресата».

личии «подрывного фактора» в семантике данных типов глаголов. Под «подрывным фактором» Вендлер подразумевает аспекты речевой деятельности, которые имеют негативные последствия для адресата сообщения и демострируют несоблюдение морального кодекса адресантом [2]. Так как угроза предполагает действие в ущерб адресату, то использование данного иллокутивного акта наносит ущерб также адресанту, который рассматривается как субъект и который не следует правилам этикета и морали. Косвенно выраженная угроза говорит о том, что отправитель угрозы защищает свои интересы, наоборот, если говорящий выражает угрозу прямо, он приобретает образ агрессора в глазах слушателя и третьих участников.

Однако тот факт, что глагол *угрожать* не может иметь перформативного употребления, еще не отрицает возможности выразить угрозу перформативно посредством других глаголов, обычно таким способом эксплицирующих интенции речевых актов других видов. Таким образом, угроза часто выражается с помощью таких глаголов, как *обещать, предупреждать, клясться* и др. В своем перформативно-эксплицитном выражении форма речевого акта угрозы может совпадать с промиссивным, директивным и комиссивным речевыми актами.

Согласно Быстрову, все менасивы имеют общий компонент: *предполагаемое действие в ущерб адресату*, который он называет менасивным компонентом. Второй компонент является разным у разных типов менасивов: *условный компонент*, то есть условие, при невыполнении которого предполагается обещанное действие в ущерб слушающему, и *причинный компонент* – обоснование того, почему предполагается выполнение говорящим действия в ущерб слушающему. Основываясь на результатах анализа, автор выделяет два класса менасивных диалогических реплик – *кондициональные* и *каузативные мненасивы* [3]. По типу условно-менасивного компонент **кондициональные менасивы** можно разделить на:

Кондиционально-ассертивные:

– «*Если наши ожидания не будут оправданы*, *дальнейшие заявления Турции не смогут исправить ситуацию*». (Посол РФ в Турции Андрей Карлов после того, как был сбит российский военный самолет Су-24).

Дальнейшие действия адресанта не конкретизированы, но контекст дает возможность выявить, что данная ситуация не является благополучной для адресата и в его же интересах изменить ее (ситуацию), и этот фактор является условным фактором в реплике: если адресат не удовлетворит ожидания адресанта, то исправить ситуацию будет невозможно. Автором не опре-

деляется конкретное действие, которое будет совершено в ущерб адресату. Использование стратегии неопределенности вводит адресата в еще более тревожное состояния, так как он не может выявить конкретные намерения адресанта и, следовательно, не будет готов защищать свои интересы соответствующим образом.

Кондиционально-прохибитивные

– «Я поручил министерству иностранных дел разработать с Нагорным Карабахом договор о военной взаимной помощи. Тут я должен отметить, и я не раз заявлял об этом, что если военные действия и в самом деле продолжатся и примут широкомасштабный характер, Республика Армения признает независимость Нагорного Карабаха» (экс-президент Армении С. Саргсян в связи с военными действиями в Нагорном Карабахе в апреле прошлого года).

Кондициональный компонент выражен декларативной формой. Адресант посредством речевого акта угрозы дает понять адресату, что ему следует прекратить совершать действия, которые вредят интересам адресанта.

Кондиционально-превентивные

– *«Хамить России – смертельно опасно!»* (Владимир Соловьев – на обсуждении инцидента со сбитым Турцией российским военным самолетом Су-24).

Посредством утверждения «смертельных» последствий действий адресата, говорящий пытается предотвратить возможные небенефактивные для себя действия адресата. Нужно отметить, что действия адресанта проецируются косвенно – словом «смертельно», выступающим лишь второстепенным членом предложения.

Кондиционально-квазипромиссивные

– *«Если Евросоюз примет не то решение, мы начнем посылать беженцев обратно в Европу»* (советник Реджепа Тайипа Эрдогана – Бурхан Кузу).

Первая часть высказывания составляет кондициональный компонент, вторая часть выражает «обещание» совершить определенные действия – во вред адресату. При этом представляется целесообразным дополнить содержание слова промиссивный приставкой ***квази***, который будет указывать на «некорректность» обещания. Согласно Серлю, обещание предполагает действие в круге интересов слушателя, то есть, давая обещание, говорящий учитывает предпочтения слушателя и берет на себя обязанность действовать

исключительно в его интересах. Автор считает, что именно этот фактор отличает акт обещания от акта угрозы: угроза предполагает действие во вред адресату [4].

Таким образом, кондициональный компонент менасивного речевого акта может быть выражен в *ассертивной, прохибитивной, (квази)промиссивной, превентивной* и *директивной* формах.

Каузативные менасивы предполагают два компонента, один из которых служит индикатором причины использования угрозы и называется каузативным, другой выражает собственно угрозу и называется менасивным компонентом высказывания. Основываясь на проведенном анализе, нами были выделены следующие типы каузативных менасивов:

Каузативно-квазипромиссивные

– *«Мы будем прибегать к институтам международного права и требовать ответственности на международных площадках тех, кто затеял эту агрессию против России»* (председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым», где обсуждалось дальнейшее развитие российско-турецких отношений после сбитого самолета).

Пример выражение недовольства агрессивными действиями субъекта. Вторая часть, которая является второстепенным членом придаточного предложения: «*эту агрессию против России», –* выступает в роли менасивно-каузативного компонента и информирует о причине, которая стала поводом для угрозы. Адресат не обозначается в высказывании, но позиция адресанта говорит о том, что он знает, «кто затеял эту агрессию против России». Форма обещания является некорректной, чем и объясняется выбор термина «*квази-промиссив»*.

Каузативно-директивные

– *«Пусть Эрдоган знает, что через 5–10 лет Турция, как единое государство, прекратит существование. Он напал на нас, и мы должны жестко наказать его за это»* (директор центра изучения стран Ближнего востока и Центральной Азии Семен Багдасаров на той же программе).

Менасивный компонент угрозы выражен в форме призыва. Как мы можем вывести из контекста, адресант действия крайне недоволен предыдущими действиями адресата, и, независимо от его дальнейших действий, адресант призывает совершить каузируемое действие. Адресант выступает от имени страны и ее руководителей, поскольку его должностной статус не по-

зволяет ему осуществить свои намерения, что позволяет говорить о вертикальных отношениях между коммуникантами: угрозу выражает человек с более низким политическим статусом. В данном случае разница между статусом адресанта и адресата «нейтрализируется», и адресант ставит себя в равное положение с адресатом. Н.А. Бут называет это явление «*псевдоугрозой*», когда автор менасивного высказывания по не зависящим от него обстоятельствам не может воплотить в жизнь проецируемое им действие [5]. Целью адресанта является изменение сложившейся ситуации, то есть имеет место менасивный речевой акт, но ввиду некоторых обстоятельств, известных обоим коммуникантам, действие не может быть совершено.

Каузативно-ассертивный

– *«Мы считаем, что турецкое руководство перешло грань допустимого и рискует завести Турцию в тяжелейшую ситуацию и с точки зрения долгосрочных национальных интересов, и с точки зрения положения в регионе»* (Сергей Лавров после инцидента со сбитым военным самолетом).

Угроза реализована в форме ассертивного речевого акта, что в данном случае служит уменьшению накала отношений между двумя сторонами. В то же время вторая часть высказывания говорит о крайнем недовольстве адресанта действиями адресата сообщения. Автор высказывания возлагает вину в сложившейся конфликтной ситуации на адресата, что может привести адресата в дискомфортное состояние.

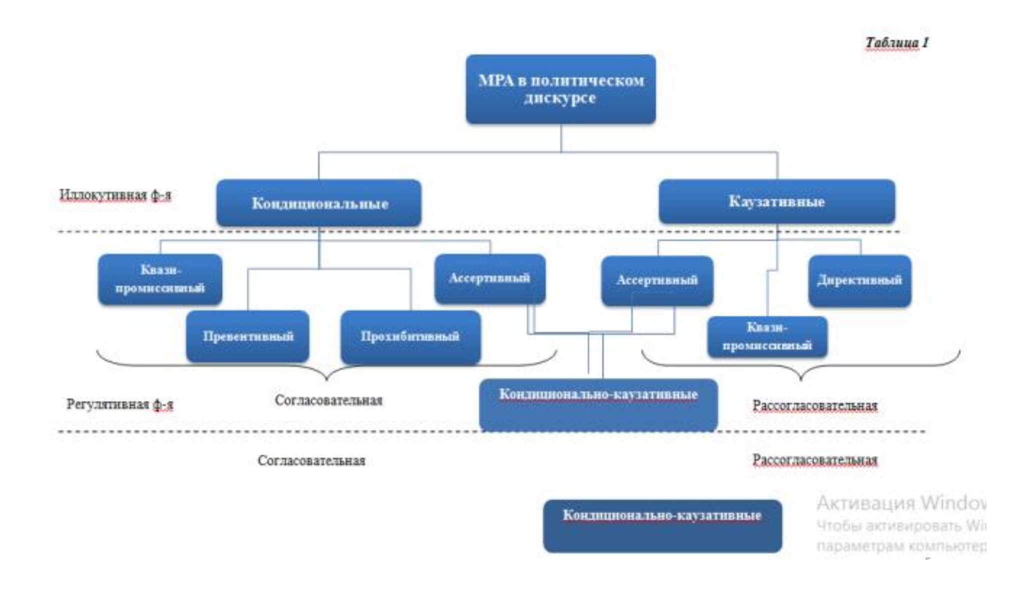
Нами также были выявлены случаи сочетания в рамках одного речевого акта кондиционального и каузативного компонентов.

– *«Я понимаю, что у каждого государства есть свои региональные интересы, и мы всегда относимся к ним с уважением. Но мы никогда не потерпим, чтобы совершались такие преступления, как сегодня»* (В.В. Путин в связи с атакой на российский военный самолет Су-24).

Придаточная часть высказывания служит здесь как показателем причины, так и условия («*Но мы никогда не потерпим, чтобы совершались такие преступления, как сегодня*»). Его можно трансформировать как «не следует совершать такие преступления, какие произошли сегодня», в то же время наличие прямого дополнения «такие преступления, как сегодня» определяет причину использования адресантом менасивного речевого акта.

Функционирование речевых актов с менасивной направленностью в форме других типов речевых актов не меняет их иллокутивной цели. Основным критерием определения речевого акта как менасивного остается указание на совершение небенефактивного для адресата действия, при несоблю-

дении им условий, выдвинутых адресантом. Конструкциями выражения менасивных актов являются формы *ассертивных, прохибитивных, превентивных, директивных* и *квазипромиссивных* речевых актов (см. Таблица 1).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 258.
2. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. СС. 55–56.
3. *Быстров В.В.* Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик: автореф. дисс. к.ф.н. Тверь: 2001 // http://docus.me/d/394628/
4. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 163.
5. *Бут Н.А.* Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) Дис. канд. филолог, наук. Тамбов: 2004. 185 с. // http://www.tixm.tambov.su/book/elib/pdf/2004/but.pdf // С. 132.

FUNCTIONING OF IN THE TYPES FORM OF OTHER THREATENING SPEECH ACTS IN POLITICAL DISCOURSE OF SPEECH ACTS

A. Martirosyan

ABSTRACT

One way of manifestation of aggressive socio-political situation in the modern world is the proliferation of expressions of a threatening nature in the political discourse. The threat is usually expressed in indirect structures in the political discourse, which stimulates to the

mitigation of conflict situation. In this article, there are presented the types of those speech acts, which are more used in threatening statements.
Keywords: theory of speech acts, menasiv, political discourse, quasi-performative, indirect speech acts.

ՍՊԱՌՆԱԿԱՆ ԽՈՍՔԻ ԱՐՏԱՀԱՅՏՈՒՄԸ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԽՈՍՈՒՅԹՈՒՄ ԱՅԼ ԽՈՍՔԱՅԻՆ ԱԿՏԵՐԻ ՄԻՋՈՑՈՎ

Ա.Դ. Մարտիրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից աշխարհի ազրեսիվ սոցիալ-քաղաքական իրավիճակի դրսևորման ուղիներից մեկը քաղաքական խոսույթում սպառնական բնույթի արտահայտությունների լայն տարածումն է: Քաղաքական խոսույթում սպառնալիքը սովորաբար արտահայտվում է անուղղակի կառույցներում, ինչը նպաստում է կոնֆլիկտային իրավիճակի թուլացմանը: Հոդվածում ներկայացվում են խոսքային ակտերի այն տեսակները, որոնք ավելի հաճախ են օգտագործվում սպառնական խոսքում:
Հիմնաբառեր՝ խոսքային ակտերի տեսություն, սպառնալիք, քաղաքական խոսույթ, քվազի-պերֆորմատիվ, անուղղակի խոսքային ակտեր:

СЕМАНТИКА УДИВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.С. Мисисян

Российско-Армянский университет
serine.misisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию способов выражения семантики удивления в русском языке. Автором предпринята попытка анализа единиц различных языковых уровней на основе материалов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: семантика, эмоция, удивление.

Эмоция удивления, будучи одной из базовых эмоций, неоднократно становилась предметом изучения лингвистов. При этом, до сих пор нет исчерпывающего лингвистического описания данной эмоции. Большая часть работ носит фрагментарный характер. Попытки создания идеографического словаря, или тезауруса, в котором был бы приведен максимально полный перечень слов и выражений, эмоции удивления, отличались рядом недостатков. В частности, так и не были разработаны универсальные семантические критерии для классификации имеющегося материала, отсутствовали экспликации употребления и сочетаемости слов и выражений. Другим распространенным видом исследований являются описания отдельных языковых или речевых особенностей выражения эмоции удивления, которые, однако, также оказываются недостаточными ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое поле «Удивление».

Не существует также единого подхода к описанию вербализации эмоций в целом. Основополагающими на данном этапе развития лингвистической науки являются два подхода – смысловой/прототипический (А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская, Анна А. Зализняк) и метафорический (Н.Д. Арутюнова, G. Lakoff, M. Johnson, Z. Kövecsés). Учитывая тот факт, что ни один из вышеуказанных подходов не является исчерпывающим, наиболее продуктивным, на наш взгляд, является их синтез, предложенный в работах Ю.Д. Апресяна и В.Ю. Апресян.

В связи с вышеизложенным, тема настоящей статьи представляется достаточно актуальной.

Материал и методы

В ходе исследования применялись следующие методы:

- обзор существующих теорий языковой концептуализации эмоций;
- систематизация собранного (словарного) материала;
- метод семантического поля, являющийся базовым для системного представления лексических и фразеологических единиц общего семантического пространства;
- контекстуальный анализ, позволяющий выявить специфику функционирования языковых средств в тексте;
- описание семантики, сочетаемости и употребления ЛСГ имен эмоции удивления.

Материалом исследования явились тексты художественной прозы, обнаруженные нами в режиме поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), размещенном в сети Интернет по адресу: http://www.ruscorpora.ru/

Удивление – одна из самых сложных в числе базовых эмоций. Одной из особенностей эмоции *удивление* является отсутствие противоположной эмоции. Эта особенность не дает возможности установить оппозиции, которые позволили бы выделить существенные для *удивления* параметры.

К спорным вопросам можно отнести проблему взаимоотношения *удивления* со смежными эмоциями (любопытство, любознательность). В научной литературе принято выделять два подхода к решению данного вопроса. Представители первого подхода рассматривают *удивление* как безусловно-рефлекторную первичную реакцию, впоследствии приводящую к любопытству [1]. Второй подход примечателен тем, что в эмоции удивление выделяются две области: 1) *собственно удивление* и 2) *страсть к удивлению*, выражающаяся в эмоциональных значениях: *любопытство* (желание испытать удивление) и *любознательность* (стремление к познанию) [2].

И.А. Васильев, выделяя три стадии возникновения и развития эмоции *удивление,* рассматривает ее как сложную эмоцию, имеющую несколько областей [3]. Первая стадия – *недоумение*, возникающее при относительно малой уверенности в правильности прошлого опыта, в случае несогласования некоторого явления с этим опытом.

Вторую стадию ученый связывает с *«анормальным» удивлением,* являющимся следствием заострения противоречия, осознания несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом.

Третья стадия – *изумление*, возникающее в случае абсолютной уверенности в правильности предыдущих результатов мыслительного процесса и прогнозирования результатов, противоположных возникшим. *Изумление* часто протекает как аффект с соответствующими физиологическими и психологическими реакциями.

Сложность и разноплановость эмоции удивления отражается также в способах передачи ее семантики. В устной коммуникации *удивление* выражается посредством лексического и синтаксического наполнения высказывания, интонации, мимики и жестов. В письменной коммуникации – с помощью графических средств и авторских ремарок, в которых отражаются особенности речи испытывающего эмоцию *удивление* человека и его поведения.

В числе лексико-грамматических маркеров эмоции *удивление* считаем необходимым отметить следующие группы лексических и синтаксических единиц.

1. Анализ художественной литературы показал, что самое типичное средство выражения удивления – глагол речи-мысли *удивиться,* а также его синонимический ряд (*изумиться, поразиться и др.*).

Что мы будем делать? – *удивился* Алёша, глядя вокруг себя и ничего не понимая. [НКРЯ]

– Откуда вы меня знаете? – *изумилась* она, в первую минуту не угадав случайного совпадения [НКРЯ].

Изучая основу живой материи – клетку, ученые *поразились*, как много в ней «лишнего», отжившего, оставшегося от глубочайшей древности [НКРЯ].

При передаче высокой степени *удивления – изумления*, используются глаголы, обозначающие в письменной речи характерные для *удивления* просодические характеристики [4]: (высокий тон голоса, низкая интенсивность и четкость речи). Также для выражения *изумления* может использоваться особый глагол *ахнуть*.

Жозеф принес планы, граф начал их лениво рассматривать и вдруг *вскрикнул* от удивления [НКРЯ].

– Хочешь мороженого? – Открыла дверцу холодильника – и Митя ***ахнул*** *от удивления. Какого только мороженого в нем не было! В пачках! В трубочках!* [НКРЯ]

2. Местоименные слова *что* и *как* в функции частиц [5].

Он больше не работает с нами. – Что? Не работает? (или) Как? Не работает?

3. Высказывания с частицами *разве, неужели* [6].

Разве это нормально? Неужели ты еще не понял?

4. Повтор компонентов предшествующего высказывания [7].

– Я читала в журнале его статью о людях, которым все разрешается. Мне приносил Разумихин. – Господин Разумихин? Статью вашего брата? (НКРЯ)

5. Особенности мимики и жестов, характерных для испытывающего удивление человека (*вытаращить глаза, разинуть рот, вытянуть лицо, поднять брови*).

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова (НКРЯ).

6. Метафоры и фразеологические единицы, содержащие сему *удивление* (*глаза на лоб лезут, остолбенеть, не верить своим ушам/глазам, диву даться*)

– Что? – У меня глаза на лоб полезли. – Кто вы такой?(НКРЯ)

Все доставлено, упаковано и ждет своей участи. Я ушам своим не верил. Что это – сон или явь?

Анализ изученной литературы показал, что фразеологические и метафорические единицы далеко не всегда отмечены как средства передачи семантики *удивления*. Данные единицы зафиксированы в словарях в синонимических рядах с доминантой [8], [9]. Объединение вышеупомянутых языковых единиц с лексико-грамматической группой средств выражения семантики эмоций *глаголы речи-мысли* представляется невозможным, так как фразеологические единицы и метафоры могут быть использованы как в авторских ремарках, так и в прямой речи говорящего, в то время как глаголы речи-мысли передают семантику удивления только в авторских ремарках или ремарках самого говорящего.

7. Клишированный компонент*а мне сказали, что…; а я думал, что…* в сочетании с интонационным конструкциями (ИК-4, ИК-6), используемый, если речь идет об ожидаемом событии [10].

Следует отметить, что лексико-грамматические средства выражения семантики *удивления* могут быть представлены в различных контекстах, которые классифицируются по двум параметрам:

1) разграничение фона и фигуры;

2) типы эмоционально событийного сценария.

… почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией (НКРЯ).

Афанасий Иванович был совершенно поражен (НКРЯ).

В первом типе контекстов особый интерес представляет соотношение фона (действие, сопровождаемое, окрашенное эмоцией) и фигуры (языковой способ выражения эмоции). Во втором типе контекстов *удивление* представляется в качестве отдельного самодостаточного переживания, не окрашивающего какое-либо событие. В данном случае сама эмоция является событием. В рамках второго параметра эмоции рассматриваются как звено развернутой причинно-следственной цепочки, которая включает три события:

1) событие, вызвавшее эмоцию;

2) собственно эмоция;

3) реакция.

Интонационное оформление эмоции *удивление* в устной речи во многом схоже по своим характеристикам с интонацией вопросительных предложений. Однако следует отметить, что есть определенная разница между интонационными характеристиками общего вопроса и удивления (для удивления характерен более высокий регистр, замедленный или, напротив, быстрый темп речи) [11]. В качестве наиболее типичных для выражения удивления интонационных конструкций Е.А. Брызгунова [12] отмечает нейтральные реализации ИК-3, ИК-4, ИК-6, а также эмоциональные реализации ИК-2, ИК-3, ИК-4.

Обобщив вышесказанное, отметим, что *удивление* является одной из самых сложных и не в полной мере изученных базовых эмоций.

В процессе устной коммуникации *удивление* выражается посредством лексического и синтаксического наполнения высказывания, интонации, мимики и жестов.

В письменной речи – с помощью графических средств и авторских ремарок, в которых отображаются особенности речи и поведения человека, испытывающего эмоцию *удивление.*

В литературе, посвященной проблемам интонационного оформления эмоций, господствует точка зрения о том, что эмоциональные высказывания в устной коммуникации становятся несобственно-восклицательными – т.е. графических указаний на восклицание нет, оттенок восклицательности проявляется только во время воспроизведения. Также учеными подмечается сходство интонационного оформления удивления и общего вопроса. Однако оформление *удивления* становится возможным с помощью изменения различных интонационных параметров в зависимости от коммуникативного типа высказывания. На современном этапе развития интонологии вопрос о взаимосвязи способов интонационного оформления эмоции *удивление* с коммуникативным типом высказывания все еще остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. С-Пб.: Питер, 2001. 752 с.
2. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения в 2-х т. Т.1 / К.Д. Ушинский. М.: Педагогика, 1974. 520 с.
3. *Васильев И.А*. Эмоции и интеллект / И.А. Васильев, Ю.Е. Виноградов, А.А. Виноградова // Искусственный интеллект и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. СС. 133–227.
4. *Светозарова Н.Д.* Интонация в художественном тексте / Н.Д. Светозарова. С-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 180 с.
5. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 84 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. М.: Русские словари, 1999. 638 с.
9. Словарь синонимов русского языка в 2-х т. Т.2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970. 703 с.
10. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 84 с.
11. *Светозарова Н.Д.* Интонация в художественном тексте / Н.Д. Светозарова. С-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 180 с.
12. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 84 с.

SEMANTICS OF SURPRISE AND WAYS OF ITS EXPRESSIONS IN RUSSIAN LANGUAGE

S. Misisyan

ABSTRACT

The article is devoted to the investigation of ways of expressing the semantics of surprise in the Russian language. The author made an attempt to analyze the units of different language levels on the basis of the materials of the National Corps of the Russian language.

Keywords: semantics, emotion, surprise.

ԶԱՐՄԱՆՔԻ ԻՄԱՍՏԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԴՐԱ ԱՐՏԱՀԱՅՏՈՒՄԸ ՌՈՒՍԱՑ ԼԵԶՎՈՒՄ

Ս.Ս. Միսիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ռուսերեն լեզվում զարմանքի իմաստաբանության արտահայտման ձևերի ուսումնասիրմանը: Հեղինակի կողմից վերլուծության են ենթարկվում տարբեր լեզվական մակարդակների միավորները՝ Ռուսաց լեզվի ազգային կորպուսի նյութերի հիման վրա:

Հիմնաբառեր՝ իմաստաբանություն, հույզ, զարմանք:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИРОНИЯ В РОМАНЕ ГОАР МАРКОСЯН-КАСПЕР «ПЕНЕЛОПА»

В.О. Аветисян

Российско-Армянский университет
venera.avetisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется ирония как характерный художественный прием в романе русскоязычной армянской писательницы Гоар Маркосян-Каспер «Пенелопа»; делается попытка установить, в каких повествовательных аспектах реализуется этот прием с учетом особого этнокультурного фона в романе.

Ключевые слова: мотив, ирония, этнокультурный фон, модернистский прием, профанация.

О русскоязычной армянской писательнице Гоар Маркосян-Каспер, эмигрировавшей в свое время в Эстонию, в Армении известно мало, она обсуждается только в «узких кругах», и полноценное литературоведческое исследование ее творческого наследия до сих пор не осуществлено. Между тем, Маркосян-Каспер – автор достаточно известный и признанный зарубежом, писала также об Армении и армянстве, но в своей в оригинальной манере, с иронией, не отягощая нарратив ностальгическим пафосом – мотивом, столь характерным для литературы эмиграции.

Переезд и ощущение некоторой отчужденности сыграли важную роль в формировании тем и мотивов в поэтике Маркосян-Каспер, но не в содержательно-инструментальном плане построения художественного текста, а, скорее, в фоновом. Характерную черту ее героини – «антиматериалистки», о которой речь пойдет ниже, можно по справедливости приписать и автору: не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие [1].

Делая акцент на реализации иронии в первом нашумевшем романе Гоар Маркосян-Каспер «Пенелопа», своеобразной пародии на «Улисс» Д. Джойса, в настоящей статье мы попытаемся проследить, в каких именно повествовательных аспектах автор использует этот прием.

«Обыграть вещи иронически – не значит высмеять их», – утверждал итальянский писатель и переводчик Чезаре Павезе, – это достаточно творческое видение, направленное на то, чтобы превзойти и управлять ими» [2].

Нортроп Фрай, один из ведущих истолкователей мирового литературного процесса, подчеркивал, что, в отличие от четырех других (миф, легенда, героика, обыденность), пятый – иронический модус, способен сообщить читателю чувство интеллектуального превосходства над объектом изображения. Поэтому роль иронии в искусстве все больше приближается к функции свободного личностного выбора.

Роман «Пенелопа» в этом отношении – яркая демонстрация свободного авторского взгляда на существующий неомифологизированный сюжет.

Рассмотренные нами позиции европейской литературной традиции с ее попытками обосновать положительно-коммуникативную роль иронии и ее соответствие эпическому письму не исчерпывают проблематику иронии как художественного приема в интересующем нас неоднозначном армяно-диаспоральном литературном контексте. Редкий случай, когда русский предстает языком оригинала для культурного дискурса, где главным связующим звеном является армянская идентичность автора, отсылающего к античной мифологии, с одной стороны, и к уже неомифологизированному европейскому сюжету – с другой. Этнокультурная насыщенность этого текста диктует и многоплановость художественных приемов.

Важной иронической составляющей является отсылка к античному театру. В романе «Пенелопа» на фоне происходящих событий – Карабахской войны, многочисленных демонстраций и волнений, на фоне уже ставших концептом «темных и холодных» лет описывается один день ереванской девушки с названной в честь прабабушки-гречанки. Такого рода мотивировка при выборе имени, видимо, нужна автору, чтобы подчеркнуть «греческие корни» своей героини, а затем – греческой трагедии, близкой армянскому мировоззрению. «…Шекспировский театр сродни армянскому жизнеощущению, шекспировский театр, а может, и греческая трагедия, может, есть некий намек, некая смутная аллюзия в том, как расположен Ереван – центральной своей частью в котловине, от которой поднимается уступами по склонам гор наподобие гигантского античного амфитеатра, оставляя внизу колоссальную сцену, бывшую Театральную – еще один знак? – площадь, где совсем не так давно разворачивалось массовое действо с солистами, впоследствии развалившимися в правительственной ложе…» [1].

Ирония, выступая одновременно модернистским и постмодернистским приемом, так двумерно реализуется и в романе «Пенелопа». Когда это иро-

ническое цитирование, то есть моделирование чужими, как это называет Маньяковская «художественными кодами» [3], то мы имеем дело с постмодернистской игрой. Например, когда ассоциации переплетаются в потоке сознании героини и приводят к неожиданной цитации: «Да и все равно теплая вода есть теплая вида. Божественная влага! И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь…Чертов Пушкин, вечно лезет из всяких дыр» [1]. Здесь с помощью иронии автор сочетает несочетаемые на первый взгляд измерения: классическую литературу с воспеванием любимой и бытовой эпизод с гротескным возвеличиванием воды. Таких примеров в романе много. Когда мировая литература с помощью ассоциаций «вмешивается» в повествование, меняя ее ход и акценты: «Итак, ее звали Римма-Роза. Римма-Роза, «Имя розы», Умберто Эко и прочая экология, впрочем, бедняжка Римма годилась, скорее, в героини другого романа о розе, хотя, кто знает, средневековье не относилось к сильной стороне познаний Пенелопы…» [1].

Благодаря таким «вмешательствам», автор искусно балансирует между раздумьями героини о том, где и как помыть голову, с ее рефлексиями о религии, политике, роли женщины в обществе, о войне, в конце концов.

С другой стороны, ирония реализуется и как промежуточное звено между романтизмом и постмодернизмом. Это пародирование мира с апеллированием к Джойсу, связанное с дегуманизацией, эстетизмом, нигилизмом, иррациональностью, образует модернистскую модель иронии в тексте: «Собственно, Христос и был диссидентом, причем классическим. Так что подлинная карьера обычно начинается с диссидентства, жаль только, что она часто оказывается посмертной» [1].

Но в данном случае это еще и пародирование самого Джойса, так что «Пенелопа» получается пародия на пародию, и отдельные иронические составляющие образуют единый пародийный аспект повествования. При таком диалогизме авторской позиции ирония не усиливает какую-либо одну эмоционально-оценочную линию, а формирует специфически сдвоенный взгляд на изображаемое. Это и Пенелопа-Одиссей, совершающий путешествие, «маленькую микроодиссею», как называет в последствии автор, это и Пенелопа в ожидании Одиссея, которому в романе соответствует реальный персонаж – Армен, находящийся на войне: «… пришла к финишу одиссея Армена, эта чуть побольше; одиссеи входят друг в друга, словно матрешки или обручи разного диаметра, у одной истории получается целых два благополучных конца…» [1] и, возможно, намек на Пенелопу – Навсикаю, для армянских родителей являющейся девицей на выданье «в ожидании своего часа», о чем прямо говорится в самом романе.

В одном из интервью с Г.М.-Каспер есть высказывание о том, что в «Пенелопе» при резком обобщении мы имеем два взгляда на вещи: пафосный и профанирующий [4]. То есть здесь применяется то, что в модернистской культуре принято называть «стереоскопизмом изображения»[1]: своеобразная 3D картина мира, выражающаяся в романе Г.М. Каспер также посредством парадоксов, что помогает обнаруживать противоречие и противоположности одного и того же знака.

На текстовом уровне профанация выражается также в том, как Маркосян-Каспер, иронизируя, играет со стилями речи (метод, также характерный для постмодернизма).

К примеру, говоря о пафосной семье любимой “sister”, Пенелопа использует простонародный стиль речи: «Ну это, конечно, зятек дает, уж нашу-то сестрицу мы знаем, как облупленную, и то, как детективчиками не брезгует и как фантастикой не пренебрегает», [1] а бытовой эпизод в метро описывается высоким слогом: «Те же ребята могучей волной вынесли ее на перрон, протащили до эскалатора и там предоставили самой себе, что пробудило в Пенелопе мимолетную тоску от утраты свежеобретенного чувства локтя» [1].

Приведенные примеры лишь вскользь затрагивают собственно ироническую составляющую в романе, которая на самом деле гораздо шире лингвистического и психолингвистического выражения в тексте.

В нашей попытке рассмотреть способы выражения иронии в романе «Пенелопа» важно учитывать и социально-психологический контекст, в котором ирония в классическом смысле реализуется у зарубежного читателя, читателя, не идентифицирующего себя с героями, читателя в каком-то смысле чужого, которому легче принять позицию интеллектуального доминирования над героями и обстоятельствами, описанными в романе. Критика, которой подвергается и режим,и подвластные этому режиму герои, реализуется именно с помощью иронии, как хирургического вмешательства в постсоветскую действительность, но что самое важное – в современную армянскую литературу.

---

[1] Стереоскопия (от греч. stereos… – твердый, объемный, пространственный; + греч. …skopeo – смотрю, рассматриваю, наблюдаю) – способ получения стереоизображений, при котором обеспечиваются условия одновременного рассмотрения объекта двумя глазами, иммитирующие естественное бинокулярное зрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркосян-Каспер Г.* Пенелопа. Эл. источник: http://www.markosjan-kasper.com/romany/penelopa-8/
2. Цит.по: *Glicksberg Ch.I.* Theironic Vision in Modern Literature. P.15.
3. *Маньковская Н.* «Париж со змеями». СС. 8–9.
4. «Муза иронии» Гоар Маркосян-Каспер; «Анив», 22.06.2006№1. Эл. источник:. http://www.aniv.ru/archive/1/muza-ironii-goar-markosjan-kasper/

IRONY IN GOHAR MARKOSJAN-KASPER'S "PENELOPE"

V. Avetisyan

ABSTRACT

The subject of investigation of the article is irony, as a characteristic artistical device in the novel by the Russian-speaking Armenian writer GoharMarcosjan-Kasper "Penelope", an attempt is made to establish in what narrative aspects this technique is being relaunched, taking into account the special ethno-cultural background in the novel.
Keywords: motif, irony, ethnocultural background, modernist method, profanity.

ԳՈՀԱՐՄԱՐԿՈՍՅԱՆ-ԿԱՍՊԵՐԻ «ՊԵՆԵԼՈՊԵ» ՎԵՊԻԻՐՈՆԻԱՆ

Վ.Օ. Ավետիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ուսումնասիրվում է իրոնիան՝ որպես ռուսաց լեզվով ստեղծագործող հայազգի գրող Գոհար Մարկոսյան-Կասպերի «Պենելոպե» վեպին բնորոշ գեղարվեստական հնարք, փորձ է արվում սահմանել պատումայի նոր ասպեկտներում է այն կիրառվում ՝ հաշվի առնելով վեպի հատուկ էթնոմշակութային ֆոնը:
Հիմնաբառեր՝ մոտիվ, հեգնանք, էթնոմշակութային հիմք, մոդեռնիստական հնարք, պրոֆանացիա:

ВАМПИРИЗМ И ЕГО ОТГОЛОСКИ В РАССКАЗЕ СТИВЕНСОНА «ОЛАЛЛА»

Н.К. Гончар-Ханджян, А.В. Акопян

Ереванский государственный университет
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am,
anahit.hakobyan1988@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Увлеченность мистицизмом, страстное желание проникнуть сознанием в таинственные сферы потустороннего мира, развитие психологической мысли, пока еще питаемой домыслами, подгоняемыми под научную базу, привело в XIX веке к всплеску интереса к рожденным мифотворчеством «злым мертвецам», питающимся человеческой кровью. Интерес этот продолжается и в наши дни, когда книги, фильмы и компьютерные игры с участием вампиров занимают ведущее место в жанре “horror”. «Олалла», один из известных рассказов Стивенсона, писателя, чье творчество уже в конце XX–XXI вв. изучается не только в ключе сугубо художественно-литературной, но и научно-психологической проблематики, может трактоваться не просто как любовная история с открытым финалом, но и как типично вампирская история, чему много предпосылок и прямых подсказок находим в тексте произведения.

Ключевые слова: вампир, миф, литературный текст, предвосхищение, интерпретация.

Актуальность: интерес к смертоносным существам, именуемым вампирами и ставшими неотъемлемой частью фольклора, не только не угасал с достижением человечеством нового интеллектуального уровня, но даже становился острее, что особенно показательно в наши дни. Интернет предлагает постоянно обновляемые ссылки на все новую «достоверную информацию» об этих пугающих и будоражащих воображение созданиях, кишит вопросами о них, версиями, предположениями и домыслами. В обиход вводится термин «вампиризм», обозначающий явление, феномен которого до сих пор не разгадан, но которое дает толчок к формированию нового культа. В западной прессе появляются материалы о реальных вампирах, объединенных в сознательные и этические сообщества [1], на ТВ транслируются ток-шоу с участием вампиров в качестве приглашенных гостей. «В мире еще столько неопознанного и необъяснимого, что остается надеяться и верить, что в недалеком будущем мы сможем с полной уверенностью сказать: вампиры существуют!» [2].

Таким образом, из мифического персонажа вампир сегодня становится реальным персонажем андеграунда со всеми шансами стать полноправным членом социума.

Цель данной статьи: показать, как еще задолго до вампировского бума писатель-неоромантик Р.Л. Стивенсон описал симптоматику явления «вампиризм» с возможной достоверностью, проследить связи и параллели как с другими художественными образцами (С.Т. Кольридж, «Кристабель»), так и с медицинским анамнезом сходных с вампиризмом по ряду признаков болезней.

Потусторонний мир – обитель бесплотных духов, средоточие мистического, инфернального – пугал и завораживал человечество с древнейших времен. Только опытные шаманы, получившие посвящение, способны были путем магических обрядов через дальмены проникнуть в тонкий мир и иметь там защиту от лярв, высасывающих из живых людей энергию и жизненные соки. Обитатели тонкого мира обретают «телесность» и мифологизируются в образе кровопийцы-вампира, «живого мертвеца», наделенного особой сверхъестественной силой и восстающего из могилы, чтобы отправиться на свой кровавый промысел. «Это были злые мертвецы, они нападали на людей, поедали их или пили их кровь, могли насылать болезни и смерть. Некоторые исследователи считают, что происхождение этих верований зависело от исторических причин: от противоречия или борьбы двух погребальных обрядов – сожжения и погребения» [3].

«Если и была в мире история истинная и доказанная,
так это история про вампиров»
Жан Жак Руссо

Само слово «вампир» появилось в западно-европейских языках только в XVII веке, не имея аналогов ни в средневековой латыни, ни в старонемецком, а, скорее всего, было заимствовано у южнославянских племен, у которых оно известно еще с XV века и является трансформацией более древнего термина «упырь». Но сами поверья о мертвецах, проливающих кровь преимущественно спящих людей были распространены фактически во всех мировых культурах еще с незапамятных времен. Ранневавилонская и раннешумерская демонологии упоминают духов-кровопийц – лилу и акшаров, причем, последние, являясь суккубами, избирали себе жертвой новорожденных младенцев или же беременных женщин, что имело, по всей видимости, и некую сакральную функцию. В китайском фольклоре аналог вампира – *хромающий труп* – питается не самой кровью жертвы, а ее жизненной эссенци-

ей (氣), предвосхищая ныне распространенное понятие об энергетическом вампиризме. Санскритская новеллистика сообщает о неуловимых *веталу,* вампироподобных существах, вселяющихся в трупы. Армянский даханавар (դախանավար), обитающий в горах, примечателен тем, что никогда не причинял вреда жителям своей земли. Древнегреческие ламии и эмпузы, эти наводящие ужас обитательницы Аида, в римской мифологии перевоплощаются в лемуров, злобных и мстительных духов умерших людей, которые при жизни запятнали себя дурными поступками, а после смерти терзаются сами и вымещают свои страдания на живущих, высасывая их кровь, мучая кошмарами, страшными видениями. Если богобоязненные древние римляне пытались умилостивить злобных духов с помощью очистительных обрядов, совершаемых в праздники мертвых – лемурии, то в Восточной Европе, где образ вампира получил наиболее устойчивое распространение, в магический обиход входят осиновый кол и серебряное распятие.

С конца XVIII века загадочный и отталкивающий образ вампира становится достоянием литературы. Вампирообразный суккуб впервые в художественной литературе заявил о себе в поэме Гете «Коринфская Невеста» (1797):

Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь.
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,
Я должна идти за жизнью вновь [4].

XIX век изобилует литературными обработками народных сказаний о вампирах. Тема вампира (вурдалак, вукодлак) как неотъемлемая часть славянского фольклора занимает значительное место в изданной в 1827 году книге-мистификации французского писателя, лингвиста, этнографа П. Мериме «Сборник иллирийских стихотворений «Гузла», собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине».

Преображение человека в вампира считается у славян результатом божьей кары, родовым проклятием. Укус вампира не просто смертелен, но чреват дальнейшей метаморфозой укушенного в кровопийцу, причем «вампиры совершенно теряют всякое чувство привязанности к близким людям, ибо установлено, что они гораздо чаще мучают своих друзей и родственников, чем посторонних» [5]. Потому жертва часто прежде, чем расстаться с жизнью, требует у ближайших родственников совершить посмертно над ее телом кощунственный обряд: Наутро она позвала отца и заставила его обе-

щать, что после ее смерти он сам перережет ей горло и поджилки, дабы она, в свою очередь, не стала вампиром» [6]. Панацеей от укуса вампира может служить кровь самого вукодлака, смешанная с могильной землей, которой следует обмазать все тело и, в особенности, «маленькое синеватое или красное пятнышко, похожее на след от укуса пиявки» [7]. Но если и удается установить *личность* вампира, лекарство может не принести искомого избавления, как в случае злосчастной Кавы (иллирийское наименование Евы), безропотно принявшей мученическую смерть от укуса вампира [8].

Магнетическая притягательность вампира, влюбляющего в себя потенциальную жертву, основана на магии, владении колдовским талисманом, привлекающим богатство и любовь женщин [9], и противна христианской вере, единственно способной избавить от напасти. Так, отшельнику-праведнику удается заклясть вампира именем Иисуса, доказав, что Слово мощнее и действеннее серебряных пуль и осиного кола [10].

«В Иллирии, в Польше, в Венгрии, в Турции и в некоторых частях Германии вам бросили бы упрек в безверии и безнравственности, если бы вы стали публично отрицать существование вампиров» [11]. В русской литературе данная тема нашла отражение у Н.В. Гоголя и А.К. Толстого, создавших целый ряд историй, уходящих корнями в народные поверья и приданья, в знаменитой переводной балладе В. Жуковского «Людмила» («Светлана»), в поэме-сказке «Молодец» М. Цветаевой и др. К *вампирской теме* обращались и Артур Конан-Дойл (рассказы «Паразит», «Вампир в Суссексе»), и Эдгар По, далеко не чуждый неявных отсылок к вампиризму (рассказы «Морелла», «Лигейя» могут в определенной степени рассматриваться и в этом ключе), и вдохновенный почитатель суггестивной поэзии По символист Шарль Бодлер в «Поэтических метаморфозах вампира»:

Когда же я потом в отчаянье очнулся,
Увидел я: исчез могучий манекен,
Который кровь мою тайком сосал из вен [12].

Как известно, своеобразные вечеринки в жанре “horror” устраивали и Байрон с друзьями, коротая ненастные женевские дни 1816-го рассказами о привидениях, мертвецах и вампирах, что подтолкнуло участников к сочинению собственных рассказов. В итоге Байрон оставляет лишь фрагменты повести «Вампир», Мери Шелли создает «Франкенштейна», ставшего классикой готического романа и породившего целый ряд экранизаций, а повесть доктора Полидори «Вампир», изданная в 1819 году, фактически вводит вампиров как таковых в литературный обиход. Незадолго до увидевшего свет в 1897 году романа Брэма Стокера «Граф Дракула», ставшего настоящей сен-

сацией, Джозеф Шеридан Ле Фаню, чье творчество с его *вампирической* направленностью остается в тени прославленного его последователя, в рассказе «Мертвый причетник» опирается на «бытующую в тех краях легенду о вампире, как две капли воды похожем на причетника Крука» [13], а дальше тему развивает в вампирском романе «Камилла», непосредственно перекликающемся с поэмой не чуждого мистицизму английского романтика Сэмюеля Тейлора Кольриджа «Кристабель», созданной фактически одновременно с «Коринфской невестой» Гете[1].

Если творческий процесс понимать как своеобразный защитный механизм, перерабатывающий разрушительные импульсы, свойственные амбивалентной натуре, то близкое знакомство с биографией большинства вышеупомянутых авторов позволяет говорить о двойственности их характера и мировосприятия, что находит отражение и в творчестве как средстве сублимации. И если вампиры-кровопийцы, как правило, наделенные рядом устойчивых качеств (бессмертие, внешняя притягательность, бледность, змеиный взгляд), обретаются исключительно в мифе и литературе −в мире вымысла и фантазии, то энергетический вампиризм −явление, носящее вполне конкретный, можно сказать, житейский характер. «Сущность энергетического вампиризма закладывается с детства, и поскольку детское энергетическое поле слабое и незащищенное, то оно впитывает энергию родителей или няни» [14]. В особенности в более ранние эпохи вплоть до XIX века фигура няни заслоняет фигуру родителя. В своем очерке «О нянях» неоромантик XIX века Р.Л. Стивенсон пишет: «Я верю, что когда-нибудь положение изменится к лучшему, что больше не будет нянек и каждая мать станет сама воспитывать своего ребенка» [15]. Элисон Каннингэм, будучи ярой последовательницей кальвинизма, еще с пеленок развлекала Льюиса рассказами о шотландских протестантах, об их противостоянии Англии, о тех преследованиях, которым их подвергали, перемежая христианские легенды и истории рассказами о привидениях и историями фантастическими. От «мира фикций» Льюис уходил в «мир сновидений», и «ничего удивительного, что ребенку снились кошмары» [16].

В своей лекции «Кошмар» Х. Л. Борхес отмечает, что «для дикаря и ребенка сны – часть яви» [17], для Ницше «сновидение отражает действительность» [18], а для маленького Льюиса эти порожденные *странными историями* Камми сновидения станут, по Борхесу, «щелкой в Ад» [19]. Брауни,

---

[1] Поэма была начата в 1798г., вторая часть была закончена в 1799г., но сама поэма так и осталась незавершенной [См. подробнее: Кольридж. Стихи. М.: «Наука», 1974. Примечания. С. 254].

волшебные человечки шотландского фольклора, еще с детства стали спутниками Стивенсона во сне. Впоследствии, как пишет Борхес, «ему удалось приспособить своих брауни к литературному делу. Когда он спит, они внушают ему волшебные сюжеты, например, удивительные превращения доктора Джекила в демонического мистера Хайда и тот эпизод в «Олалье», где юноша, потомок древнего рода, кусает руку своей сестры» [20].

Именно опубликованный в 1885 году рассказ «Олалла» содержит определенный *готический* набор (католический европейский город, экзотическая обстановка, таинственный старинный замок, окруженный пугающими историями, слухами и сплетнями, мрачные обветшалые залы с галереей старинных портретов) и неявные сцены-намеки, позволяющие относить его к разряду «вампирических ужастиков», рожденных с детства, подпитанной «страшилками» богатой и склонной к мистицизму фантазией. Скорее всего, главным аргументом в пользу версии о «вампиризме» можно считать именно кровавую сцену нападения на героя-повествователя хозяйки старинного замка, контаминировавшую в «устном» переложении уже слепого Борхеса с «потомком древнего рода», ее собственным сыном, тоже не чуждым садистически-вампирических наклонностей. Видя кровь, струящуюся из порезов на руке, эта инертная и ко всему равнодушная прекрасная аристократка вдруг преображается до неузнаваемости: «Ее огромные глаза стали еще больше, а зрачки совсем обратились в точки, безразличие спало с лица, оно стало выразительным, хотя и загадочным. Меня немного удивило такое превращение, но не успел я ничего сказать, как она быстро поднялась с ложа, подошла ко мне и схватила мою руку. В тот же миг рука была у нее во рту, и она прокусила ее до кости. Острая боль, фонтан крови, ужасное сознание происходящего потрясли меня, и я с силой оттолкнул ее, но она снова бросилась на меня, как львица, издавая нечеловеческие вопли; я сразу узнал: я слышал их в ночь, когда с гор налетел ветер» [21]. Эта сцена была предвосхищена таинственной сценой одной из предшествующих ночей, когда разразилась «черная буря»[2], а «тишину дома нарушали жалобные полные муки вопли», перешедшие в сотрясающий стены дикий рев, «как будто все адские силы вырвались на свободу» [22]. Доводом в пользу отнесения истории, придуманной Стивенсоном, к разряду вампирских может служить и описание женского портрета, в который изначально влюбляется герой-рассказчик:

---

[2] Сам Стивенсон рассказывал в “Nuits Blanche” («Белые ночи»): «я испытывал невыразимый ужас перед адом, внушенный мне, я думаю, моей доброй няней; особенно меня терзали страхи в грозовые ночи»
[См. подробнее: Олдингтон Р. Портрет Бунтаря. М.: «Молодая Гвардия», 1973. С. 18].

«Коварными сетями опутало мое сердце это прекрасное лицо, и голос благоразумия становился все глуше; я понимал, что любить такую женщину – значит подписать приговор своему роду, но я знал также, что, если бы я ее встретил, я бы полюбил ее. День ото дня я все глубже постигал ее жестокое сердце и все яснее видел свою слабость. Я мечтал о ней дни и ночи, ради ее глаз я пошел бы на преступление. Черной тенью легла она на мою жизнь. Бродя в окрестностях, дыша свежим воздухом и чувствуя, как возвращаются силы, я благодарил бога, что моя колдунья спит спокойно в могиле, что волшебная палочка ее красоты рассыпалась в прах, уста навсегда умолкли, а приворотное зелье ее испарилось» [23]. Дурное предчувствие сбывается, когда на авансцену выходит сама Олалла, словно сошедшая со старинного портрета и заставляющая поверить в фантастические домыслы о вечно юных и магнетически притягательных бессмертных вампирах в женском обличие. На непреодолимое сходство с портретом, фактическую идентификацию с ним указывает и сама Олалла: «Та, что изображена на нем, умерла сотни лет назад, немало зла причинив людям. А теперь взгляни на нее еще раз. Разве это не моя рука, не мои глаза, волосы? Что же тогда во мне истинно мое и что такое я сама? … В меня вдета рука, точно в куклу из кукольного театра, она двигает мной, оживляет меня, и я во всем подчиняюсь ей. Я всего только вместилище черт и свойств, которые много-много лет назад отделились в тиши могилы от своего хозяина, носителя зла» [24].

Продиктованный глубоким христианским чувством неусыпный внутренний самоконтроль преобразует «змеиный взгляд» молодой женщины с портрета в «выражение бесконечной доброты» [25], определяющее для всего облика Олаллы. Но не такова ли и Джеральдина из поэмы Кольриджа, на которую хоть раз взглянув «…любой // Решил бы, что с неба сошла она» [26], но которая в решительный момент выдает свою вампирическую сущность: «Лениво мигает змеиный глаз;// и глаза Джеральдины сузились вдруг;// сузились вдруг до змеиных глаз//… Этот взгляд, этот суженный взгляд змеи…» [27].

Вероятно, предполагая неминуемый исход, но верная бескомпромиссному нравственному чувству, преобладающему над страстью, Олалла настоятельно требует и добивается отъезда своего возлюбленного, оставив для нас, читателей, так и неразрешенной загадку о том, с чем же мы на самом деле могли столкнуться.

Таким образом, не доведя многообещающий замысел до конца, автор многое оставляет на воображение читателя. Такое вполне материальное объяснение, как порфирия, обнаруженная генетиками уже в XX веке, вполне

могла быть предсказана Стивенсоном, пророчески предвосхитившим и описавшим расстройство множественной личности в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», ныне ставшей наглядным литературным примером на тренингах по диссоциативному расстройству [28]. Считается, что распространению болезни способствовали браки между кровными родственниками и что носители порфирии проявляют неадекватное, агрессивное поведение. Говоря о старинной и странной семье, у которой ему довелось гостить, герой Стивенсона замечает, что «кровь этой семьи оскудела, по всей вероятности, от длительного инбридинга» [29]. А внезапная смена настроения, чреватого угрозой для жизни окружающих, характеризует и мать, и сына, которому наряду с игривой беззаботностью и полной ласки нежностью «были свойственны вспышки беспричинного гнева, а порой на него находило беспросветно мрачное настроение» [30].

С другой стороны, фактически все действия разворачиваются при ярком солнечном свете, которым буквально наслаждаются все обитатели замка, в особенности хозяйка («Она вытянула одну из шкур на солнце и сидела, прислонившись спиной к колонне, залитая его горячими лучами» [31], «Она то сидела на солнце, то полулежала на шкуре возле очага» [32]), в то время как для больных порфирией солнечные лучи крайне опасны, и они всячески избегают солнечного света. Носители рокового генетического заболевания (в частности, мужчины) крайне болезненны, белесы и бледны, между тем как герой рассказа Филипп физически силен, ловок и обладает смуглой кожей: «В общем, это был красивый юноша; на мой взгляд, в его внешности не было недостатков, за исключением разве что очень смуглого цвета лица» [33]. Наконец, сам факт внешней красоты, яркой и будоражащей воображение, которой наделены все представители этого семейства, – и дань столь характерной для творчества Стивенсона эстетизации действительности, и, наряду с этим, опровержение возможного диагноза.

Подгонка описанного в Оналле под анамнез редкого психического заболевания, именуемого синдромом Ренфилда[3], имеет свою, правда, несколько натянутую, аргументацию (эпизод с истязанием белки, которую мучает Филипп), с другой стороны опровергается за отсутствием описания обычно сопровождающей его сексуальной деятельности, что, конечно, можно списать на авторскую сдержанность Стивенсона, всегда оставляющего эрос за пределами своих произведений[4].

---

[3] См. подробнее: http://realvampires.do.am/publ/blood/sindrom_renfilda/6-1-0-434.

[4] «…Как писатель Стивенсон, елико возможно, старался избегать в своих произведениях женских персонажей, а из тех немногих, которых он все же вывел, далеко не все ему

Современные научные открытия в психологии, часто предсказанные в литературном тексте и, в частности, в данном конкретном случае, дают возможность для различных сравнений и интерпретаций. И. Месси, к примеру, *читает* Олаллу как прояснение «Странной истории…» с ее описанием двойственности человеческой природы и необходимости противостоять ее звериным инстинктам [34], а Хилари Бетти замечает: «Я говорю «близнецы», поскольку «Олалла» может рассматриваться как двойник «Джекила и Хайда». Обе истории связаны органически, и «Олалла» не только заключает в себе подсказки для раскрытия тех явлений, которые заключены в «Джекиле и Хайде», но и предлагает возможности для их исследования» [35]. Л. Драйден пишет, что « «Олалла», как и «Джекил» – атавистический пример двойственности, в котором примитивная форма разума грозит привести к деградации достигнутых в процессе эволюции более продвинутых форм мышления. Внешность Олаллы говорит о [*здоровой* – уточнение наше: Н.Г.-Х., А.А.] красоте и плодовитости, однако она знает страшную семейную тайну… С помощью жесткого контроля и молитвы ей удается держать зверя в узде, но она клянется остаться бездетной, чтобы прервать семейную линию» [36].

Рассказ можно рассматривать и как литературную “love story”, где страсть, которой одержимы герои, сталкивается с преградами чисто религиозного характера (строгое католическое воспитание Олаллы, атеизм главного героя), и как мистическую историю с вампирами, и как попытку создания литературного-художественного описания психического расстройства, которое в дальнейшем получит научное обоснование. И хотя сам Стивенсон был явно неудовлетворен своим творением: «Проблема с «Олаллой» в том, что звучит рассказ как-то фальшиво … и я, почему-то не почувствовал это, работая над текстом; на самом деле я был вдохновлен «Олаллой» куда больше [чем «Маркхеймом» – уточнение наше: Н.Г.-Х., А.А.], о чем говорит и стиль рассказа. Я сам наслаждался его стилем, возможно, больше, чем следовало: он так цельно написан. И это снова ставит риторический вопрос: почему же

удались. По просьбе Ллойда в «Острове сокровищ» нет ни одной женщины (кроме матери мальчика), в «Докторе Джекиле» есть только служанки … Стивенсон разделял типичное для англичан отношение к женщине, колеблющееся между сентиментальным умилением и недоверием. Он восторженно смотрел на маленьких девочек, с сыновним почтением – на матерей и женщин, относящихся к мужчинам по-матерински, но женщина в расцвете лет и красоты´– нет! Однако сравнительное отсутствие женщин в его романах и полное игнорирование секса послужило Стивенсону ко благу. Это считалось признаком «мужественности», заслуживающим всяческой похвалы, и, несомненно, сильно способствовало популярности писателя» [Олдингтон Р. Портрет Бунтаря. М.: «Молодая Гвардия», 1973. С. 183].

он звучит так фальшиво?...» [37], тем не менее, уже здесь мы имеем дело с примером создания палимпсеста, который идейно и драматически предвосхищает следующий за ним пророческий шедевр писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Critical Social Work.Vampire Community News (VCN). Эл. источник: merticus.com>vampirenews>tag>criti
2. Эл. источник: vampiroman.rusindex.php>interesnoe.
3. *Рязанцев С.* Танатология – наука о смерти. Восточно-Европейский Институт Психоанализа. С-Пб., 1994. Эл. источник: //http://www.nsk.jagannath.ru/users_files/books/S._Ryazantce_Tanatologiya_(u4enie_o_smerti).pdf.
4. *Гете И.В.* Собр. соч. в 10-ти томах. М.: «Художественная литература, 1975. Т. 1. С. 292.
5. *Мериме П.* Гузла, или сборник иллирийских песн, записанных в Долматии, Боснии, Хорватии и Герцеговине // В кн.: Проспер Мериме. Собр. соч. в 6-ти томах. М.: «Правда», 1963. Т. 1. С. 98.
6. Там же. С. 104.
7. Там же. С. 98.
8. Там же. СС. 101–104.
9. Там же. СС. 123–126.
10. Там же. СС. 111–114.
11. Там же. СС. 97.
12. *Бодлер Ш. П.* Метаморфозы вампира. Эл. источник: http://bodlers.ru/143.html
13. *Шеридан Л.Ф.Д.* Мертвый причетник //в кн.: Клуб привидений. С-Пб.: «Азбука-классика», 2008. С. 82.
14. «Вампиры среди нас». Непознаваемое. Паранормальный альманах. Эл. источник: //www.factroom.ru/facts 17932
15. *Олдингтон Р.* Портрет Бунтаря. М.: «Молодая Гвардия», 1973. С. 18.
16. Там же. С. 14.
17. *Борхес Х.Л.* Собр. соч. в 4-х томах. С-Пб.: «Амфора», 2001. Т. 4. С. 51.
18. *Ницше Ф.* Антихристианин // В кн.: Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. Сумерки Богов. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 29.
19. *Борхес Х. Л.* Собр. соч. в 4-х томах. С-Пб.: «Амфора», 2001. Т. 4. С. 51.
20. Там же. С. 139.
21. *Стивенсон Р. Л.* Собр. соч. в 5-ти томах. М.: «Правда», 1981. Т. 1. С. 382.
22. Там же. С. 368.
23. Там же. С. 359.
24. Там же. С. 385.
25. Там же. С. 364.
26. *Кольридж С. Т.* Кристабель // в кн.: Кольридж. Стихи. М.: «Наука», 1974. С. 47.
27. Там же. СС. 50–51.
28. Эл. источник: http://www.eurolab.ua/diseases/178/
29. *Стивенсон Р.Л.* Собр. соч. в 5-ти томах. М.: «Правда», 1981. Т. 1. С. 365.
30. Там же. С. 359.
31. Там же. С. 363.
32. Там же. С. 364.

33. Там же. С. 355.
34. *Massey I.* «The Third Self: Dracula, Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde and Mérimée's Lokis», Bulletin of the Midwest Modern Language Association, USA: Indiana University Press, 1973.
35. *Beattie H.* «Dreaming, Doubling and Gender in the Work of Robert Louis Stevenson: The Strange Case of "Olalla"», Journal of Stevenson Studies 2, UK: The Centre for Scottish Studies University of Stirling, 2005. P. 11.
36. *Dryden L.* «The Modern Gothic and Literary Doubles: Stevenson, Wilde and Wells», Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 77.
37. The Letters of Robert Louis Stevenson, ed. by Bradford A. Booth and Ernest Mehew. New Haven, Yale University Press, 1994-1995, Vol. 5 // http://www.worldcat.org/title/letters-of-robert-louis-stevenson-volume-ii/oclc/680633004&referer=brief_results

ECHOES OF VAMPIRISM IN STEVENSON'S STORY ''OLALLA''

N. Gonchar-Khanjyan, A. Hakobyan

ABSTRACT

Fascination with mysticism, longing to penetrate into the mysterious sphere of the underworld, the development of the psychological thought, which had been fed by suppositions of the scientific basis – y all these led in the XIX century to a splash of interest towards the mystical "evil dead" creatures feeding with human blood. This interest continues even today, when movies and computer games featuring with vampires take a leading place in the horror genre. Stevenson is a writer, whose works have been studied from the late XX century up today not only as a purely fiction, but also as a scientific and psychological literature. So one of the author's best known stories "Olalla" can be interpreted not just as a love story with an open ending, but also as a typical vampire story, with many prerequisites and direct clues about this phenomenon found in the text.

Keywords: vampire, myth, literary text, anticipation, interpretation.

ՎԱՄՊԻՐԻԶՄԻ ԱՐՁԱԳԱՆՔՆԵՐԸ ՍԹԻՎԵՆՍՈՆԻ «ՕԼԱԼԱ» ՊԱՏՄՎԱԾՔՈՒՄ

Ն.Կ. Գոնչար-Խանջյան, Ա.Վ. Հակոբյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

XIX-րդ դարում միստիկայով տարվելը, այլ աշխարհի խորհրդավոր ոլորտները ներթափանցելու մեծ ցանկությունը, հոգեբանական մտքի զարգացումը, որը դեռ հենվում էր ենթադրությունների վրա, առաջ բերեց մեծ հետաքրքրություն դեպի առասպելական «չարագործ մեռյալները», որոնք սնվում են մարդկանց արյունով: Այդ հետաքրքրությունը շարունակվում է նաև մեր օրերում, երբ վամպիրների մասնակցությամբ գրքերը, ֆիլմերը, համակարգիչային խաղերը առաջատար տեղ են զբաղեցնում սարսափի ժանրում:

Սթիվենսոնի ստեղծագործությունները XX-րդ դարի վերջերից ուսումնասիրվում են արդեն ոչ միայն զուտ գրական-գեղարվեստական, այլ նաև գիտական-հոգեբանական պրոբլեմատիկայի տեսանկյունից: Այդպիսով՝ գրողի «Օլալլա» պատմվածքն էլ կարող է դիտարկվել ոչ միայն որպես մի սիրային պատմություն, այլ նաև որպես տիպիկ վամպիրական պատմվածք, ինչի վերաբերյալ շատ նախադրյալներ և հուշումներ հանդիպում ենք ստեղծագործության էջերում:

Հիմնաբառեր՝ վամպիր, առասպել, գրական ստեղծագործություն, կանխատեսում, մեկնաբանություն:

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

****

В Российско-Армянском университете в ноябре 2017г. состоялся Третий международный научно-практический форум «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Форум был организован при финансовой поддержке Государственного комитета по науке РА и содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

Формат III международного научно-практического форума включал в себя проведение традиционной конференции по проблематике безопасности и идентичности, молодежной секции по национальной безопасности, круглых столов и др.

Третий международный научно-практический форум «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов» собрал в РАУ ведущих экспертов в области политологии, юриспруденции, международных отношений и экономики. В работе форума приняли участие представители Центра стратегических исследований «Ашхар», Института Европы РАН, Института философии, социологии и права НАН РА, Центра евро-атлантической безопасности, Центра постсоветских исследований НИ ИМЭМО РАН им. Примакова, а также члены профессорско-преподавательского состава, аспиранты и магистранты РАУ, ЕГУ, РГГУ, РАНиГС, МГУ, Пятигорского государственного университета.

Гостей и участников научного мероприятия приветствовал проректор Российско-Армянского университета по науке П.С. Аветисян. Как подчеркнул проректор, сохранение национальной идентичности в контексте современной геополитической ситуации имеет концептуально важное значение для любого государства.

Особое внимание присутствующих на вопросы карабахского конфликта в контексте региона безопасности Закавказья обратил С.М. Маркедонов, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, эксперт Российского совета по международным делам и Фонда Горчакова: *«Алгоритм карабахского конфликта выглядит как маятник, чередуются переговоры и обострение. Сущностного переговорного процесса, диалога по сути нет, поскольку каждый раз спасается сам переговорный процесс, в частности, то, что имеется».*

На полях форума участники обсудили вопросы глобальной и региональной безопасности, теоретические аспекты исследования национальной безопасности, правовые аспекты обеспечения национальной безопасности, военно-политические, социально-экономические, гуманитарные аспекты, проблемы региональной безопасности в условиях глобальных трансформаций, вопросы стратегической культуры и публичной дипломатии, были рассмотрены актуальные проблемы информационной безопасности и многие другие.

***

В Российско-Армянском университете состоялась Международная научная конференция по теме «Тенденции и ближайшие перспективы развития российской и армянской исторической науки». Мероприятие было организовано Российско-Армянским университетом, в частности, лабораторией мир-системного и геоцивилизационного анализа, Институтом археологии и этнографии, при поддержке Института гуманитарных наук РАУ и Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.

Международная конференция «Тенденции и ближайшие перспективы развития российской и армянской исторической науки» собрала ведущих специалистов в сфере истории, политики, социологии и других смежных областей. Работа конференции велась по двум секциям: «Вопросы теории и метода исторического исследования» и «Вопросы истории». Программа включала в себя обсуждение широкого спектра актуальных вопросов, таких, как парадигма памяти в контексте пространственного поворота, история эллинистических исследований в советской Армении, проблемы армянской и российской исторической науки, историческая наука в контексте осмысления и развития армянской идентичности, соотношение эпического мышления и исторической реальности в современной гуманитаристике, геоисторическая парадигма евразийских исследований, религиоведческая отрасль истории и т.д.

С приветственным словом к присутствующим обратился проректор Российско-Армянского университета по науке П.С. Аветисян. Профессор Аветисян поблагодарил участников и организаторов данной конференции и подчеркнул важность и актуальность заявленных к обсуждению вопросов.

«Историческая наука – это фундамент гуманитарной научной мысли, – заверил П.С. Аветисян. – Историческая наука важна не только с точки зрения переосмысления различных процессов: ее методология должна задавать

и определять тон развития в контексте будущности, во всем пространственно-временном разрезе». По словам проректора, российская и армянская историческая научная мысль имеет ряд определенных задач, безусловно, касающихся совместной истории, и сегодняшняя реальность позволяет дать правильную оценку тем или иным событиям для того, чтобы грядущие поколения имели бы верные ориентиры как с точки зрения взаимодействия, так и развития. По материалам конференции будет издан сборник научных статей.

***

XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2018» состоялась 9–13 апреля в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Конференция проходила в рамках Международного молодежного научного форума «Ломоносов» и проводилась по 38 секциям, отражающим все основные направления современной фундаментальной и прикладной науки.

Российско-Армянский университет на конференции представили аспиранты Грабский Оваким (Биохимия), Аракелов Ваграм (Биофизика, биоинформатика), Гиносян Сирануш (Биохимия), Мусаелян Седа (Психология личности), Тадевосян Мери (Журналистика), магистранты Петросян Гегине (Прикладная математика и информатика), Тадевосян Сусанна (Инфокоммуникационные технологии и системы связи), Авакян Александра (Филология), студенты Геворгян Гарик (Юриспруденция) и Саргсян Давид (Политология). Руководителем делегации выступил к.ю.н. Айрапетян Джон.

По итогам конференции ***Сирануш Гиносян*** была награждена дипломом за лучший доклад на секции «Биоинженерия и биоинформатика» ректором МГУ Виктором Антоновичем Садовничим. Она представила доклад на тему «In vitro и in silico исследования характера взаимодействия артемизинина с сывороточным альбумином человека». ***Дж. Айрапетян*** был удостоен грамоты за лучший доклад на секции «Юриспруденция/Уголовно-процессуальное право». Грамотой за лучший доклад на секции «Математика и механика» была награждена ***Гегине Петросян***, презентовавшая доклад «Корректная разрешимость задачи Дирихле в полупространстве для регулярных уравнений». На секции «Филология/Национальные литературы и проблемы межкультурной коммуникации» грамотой за лучший доклад была награждена Александра Авакян (тема доклада – «Пространственно-временная организация романа Наринэ Абгарян «Люди, которые всегда со мной»). ***Давид Саргсян*** получил грамоту за оригинальный доклад на секции

«Политические науки/Политическая психология», представив доклад «Армянская идентичность: история и вызовы современности». С докладом на тему «Оценка спектральной эффективности ортогональной многочастотной модуляции» ***Сусанна Тадевосян*** заняла II место на секции «Физика/Радиофизика».

Отметим, что основная цель конференции «Ломоносов» – развитие творческой активности студентов, аспирантов и молодых ученых, привлечение их к решению актуальных задач современной науки, сохранение и развитие единого международного научно-образовательного пространства.

***

Международная конференция «Анатолия-Кавказ-Иран: этнические и лингвистические контакты» (Anatolia-the Caucasus-Iran: Ethnic and Linguistic Contacts) состоялась в Российско-Армянском университете 10–12 мая 2018 года. Мероприятие было организовано Институтом востоковедения РАУ совместно с Институтом эмпирической лингвистики Франкфуртского университета им. И.В. Гёте (Германия).

В работе конференции приняли участие ученые из ведущих университетов и научных центров Германии, Италии, России, США, Великобритании, Ирана, Нидерландов, Франции, Турции и др. Среди участников были также лекторы, студенты и аспиранты РАУ.

Участников конференции приветствовал проректор РАУ по науке, профессор Паргев Аветисян, подчеркнув важность мероприятия: «Впечатляющий список участников и значимость научных докладов позволяют не сомневаться в том, что эта конференция станет не только серьезным дополнением к научной составляющей РАУ, но и внесет свой вклад в международные исследования в области востоковедения».

Директор Института востоковедения РАУ, профессор Гарник Асатрян также выступил с приветственным словом и представил научную и образовательную деятельность Института: «Новая академическая структура – Институт востоковедения Российско-Армянского университета – объединила ведущих ученых области, в том числе представителей молодого поколения востоковедов из Армении и из-за рубежа, которые занимаются значимыми для данной области исследованиями», – заверил спикер и пожелал участникам и гостям конференции плодотворной работы.

В свою очередь, директор Института эмпирической лингвистики Франкфуртского университета им. И.В. Гёте Йост Гипперт отметил, что со-

трудничество с РАУ находится на этапе становления, однако стороны имеют общий вектор поставленных на изучение вопросов и проблем, что является основой для развития двустороннего сотрудничества.

В ходе мероприятия Российско-Армянским университетом было подписано два договора о сотрудничестве: с Международной ассоциацией средиземноморских и восточных исследований (Рим, Италия) и Институтом эмпирической лингвистики Франкфуртского университета имени И.В. Гёте. Договоры предполагают проведение совместных конференций и семинаров, реализацию совместных научно-исследовательских программ и проектов, оказание содействия публикации докладов по итогам совместных проектов и обмен научной литературой

Работа международной конференции «Анатолия-Кавказ-Иран: этнические и лингвистические контакты» велась по девяти секциям: участники обсудили широкий спектр вопросов, затрагивающих исторические, антропологические, лингвистические и культурные аспекты, в частности, этнические и языковые контакты, этногенетические процессы, проблемы идентичности, лексические и грамматические заимствования, языковые союзы (Sprachbunds), проблемы топономастики, фольклора и многое другое.

По итогам конференции лучшие доклады будут опубликованы в международном междисциплинарном научном журнале «Иран и Кавказ», который издается четыре раза в год в Нидерландах под руководством директора Института востоковедения РАУ Г.С. Асатряна.

***

В Российско-Армянском университете 26–27 мая 2018 года состоялась I международная конференция “Historical and Cultural Relations between Iran and the Caucasus”, организованная в сотрудничестве с Гилянским Университетом (Решт, Иран).

Более 70 ведущих ученых в области иранистики и кавказоведения из Ирана, Грузии, Чехии, России, Нидерландов и других стран собрались в РАУ для обсуждения вопросов относительно истории, культуры, политики, лингвистики и смежных областей.

Гостей и участников конференции приветствовал проректор РАУ по науке, профессор Паркев Аветисян, подчеркнув актуальность тематики мероприятия: *«В сегодняшнем сложном мире возникает необходимость разработать новые подходы, чтобы правильно трактовать историческое прошлое и текущие события в регионе».*

Работа международной конференции "Historical and Cultural Relations between Iran and the Caucasus" велась по 16 секциям в области лингвистики, литературы, политики, истории, этнографии, фольклора, культуры и искусства. Участники конференции обсудили широкий круг вопросов, касающихся исторических, культурных и языковых связей между Ираном и Кавказом, роли русского языка в отношениях между Ираном и Кавказом, билингвизма в Иране и на Кавказе, роли перевода в укреплении культурных отношений между Ираном и Кавказом, сравнительных исследований в области мифологии, фольклора и литературы и т.д.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян А.Г. – к.э.н., доцент кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ

Аветисян В.О. – аспирант кафедры Русской и мировой литературы и культуры РАУ

Акопян А.В. – соискатель кафедры Зарубежной литературы ЕГУ

Акопян М.К. – аспирант кафедры Политических институтов и процессов ЕГУ

Амроян А.В. – аспирант кафедры Экономики и финансов РАУ

Аракелян М.А. – аспирант кафедры Социальной и клинической психологии ЕГУ, ассистент кафедры Медицинской психологии ЕГМУ им. Мхитара Гераци

Арутюнян М.Л. – ст. преподаватель кафедры Политологии РАУ

Гончар-Ханджян Н.К. – к.филолог.н., доцент кафедры Зарубежной литературы ЕГУ

Григорян Г.В. – аспирант кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ

Григорян С.С. – аспирант кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ

Дарбинян Э.Т. – аспирант кафедры Политологии РАУ

Зограбян Т.А. – аспирант кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ

Макарян Ц.М. – соискатель кафедры Политологии РАУ

Мартиросян А.Д. – аспирант кафедры Русского языка и профессиональной коммуникации РАУ

Мирумян Р.А. – д.филос.н., профессор, преподаватель кафедры Политологии РАУ

Мисисян С.С. – аспирант кафедры Русского языка и профессиональной коммуникации РАУ

Саргсян Л.А. – к.ю.н., преподаватель кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ

Саркисян О.Л. – к.филос.н., доцент, зав. кафедрой Политологии РАУ

Шагиданова К.И. – к.и.н., доцент кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ

Главный редактор РНИ *– М.Э. Авакян*

Редактор *– Э.А. Рухкян*

Корректор *– М.Р. Тадевосян*

Компьютерная верстка *– А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 30
Подписано к печати 15.06.2018г.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 11,2 п.л. Тираж 100 экз.